

НАСЛЕДИЕ
И
СОВРЕМЕННОСТЬ

10 лет Институту Наследия

Министерство культуры Российской Федерации
Российская академия наук
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ИНСТИТУТУ НАСЛЕДИЯ

Информационный сборник

Выпуск № 10

Москва

2002

ББК 79.0

Н-31

Научные редакторы: Ю.А. Веденин, П.М. Шульгин

Коллектив авторов: Е.Д. Андреева, М.Г. Безруков, Л.В. Богословская, П.В. Боярский, Ю.А. Веденин, И.В. Волков, В.П. Голиков, А.Б. Григорьев, С.В. Гусев, А.И. Ельчанинов, А.В. Загорулько, Г.А. Зайцева, М.Е. Кулешова, С.В. Кулинская, О.А. Лавренова, Ю.Л. Мазуров, Н.В. Максаковский, А.А. Пакина, А.А. Пископпель, В.И. Плужников, Ю.С. Путрик, В.Р. Рокитянский, В.П. Столяров, В.Е. Туманов, О.Е. Штеле, П.М. Шульгин, Л.П. Щедровицкий.

Наследие и современность: десять лет Институту Наследия. Информационный сборник. Вып. № 10. М.: Институт Наследия, 2002. - 287 с.

ISBN 5-86443-088-9

Очередной выпуск из серии сборников, посвященных изучению различных аспектов историко-культурного и природного наследия. Настоящий сборник выходит в свет в год десятилетия Института Наследия. Опубликованные статьи посвящены анализу тематики института. В сборнике содержатся материалы по основным направлениям работы института, по методическим и практическим разработкам институтских секторов. Дан обзор основных работ за прошедшее десятилетие, список публикаций института.

ISBN 5-86443-088-9

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2002

ВЕДЕНИН Ю.А.,

д.г.н., профессор, директор Института Наследия

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Долгое время профессиональное дело сохранения памятников истории и культуры находилось в сфере интересов относительно узкой группы специалистов — прежде всего архитекторов и искусствоведов. То же самое было характерно и для деятельности специалистов в области охраны природного наследия, где наблюдалось явное доминирование биологов, лесоводов и охотоведов. При этом сфера охраны памятников культуры и природы практически не пересекалась. Положение коренным образом изменилось, когда в качестве объектов наследия стали рассматриваться значительные по размерам территории и, прежде всего, сельские местности, где великолепные историко-культурные комплексы гармонично сочетались с сельскохозяйственными угодьями и естественными лесами. Необходимость охраны разнообразных территорий с высокой концентрацией как культурно-исторических объектов, так и уникальных памятников природы потребовала принципиально нового подхода к охране наследия. Характерной чертой этого подхода стали системность и междисциплинарность отношения к наследию.

Важным этапом в разработке такого подхода явилась деятельность Советского Фонда Культуры и создание Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. Поскольку мы были не только свидетелями, но и участниками этого процесса, хотелось бы рассказать о всем происходившем в те годы более подробно. Все это, казалось бы, и совсем недавние события. На самом деле прошло уже более 10 лет и создание института стало уже историей.

Весной 1989 года группа исследователей из академического Института географии, заинтересованных в сохранении российского наследия, пришла в Советский Фонд Культуры и встретила с Первым заместителем Председателя Фонда Георгом Васильевичем Мясниковым. В эту группу входили С.С. Артоболевский, И.В. Шабдурасулов и Ю.А. Веденин. Мы обратились в Фонд культуры с предложением об организации экспедиции

на Соловецкие о-ва и Валаам с целью разработки программы возрождения этих святынь для России мест. Г.В. Мясников с большим интересом отнесся к этой идее. Он также высказал уверенность, что и Председатель Фонда Дмитрий Сергеевич Лихачёв поддержит это начинание. Г.В. Мясников поручил организацию экспедиции сотруднику Фонда С.Ю. Житенёву.

Сразу же началась энергичная работа по реализации этой идеи. Была сформирована команда исследователей, включавшая представителей самых разнообразных профессий. Ядро этой команды составили географы. Помимо непосредственных инициаторов организации данной экспедиции, в нее вошли П.М. Шульгин, Б.Б. Родоман, Ю.Г. Липец, Н.Д. Матрусов. Важную роль в работе экспедиции с самого ее начала играли экономисты В.И. Азар и С.П. Шпилько, специалист в области музееведения Н.А. Никишин. При этом учитывался и тот факт, что во время проведения экспедиции к ней могли бы подключиться специалисты в области истории, музееведения, реставрации памятников архитектуры, природоведы, работающие в научных учреждениях, вузах и музеях Архангельской области и Карелии. Именно так и произошло. Во время пребывания на Соловках и Валааме, а также в последующей работе над этими объектами члены экспедиции находились в тесном контакте с работниками местных музеев, искусствоведами и историками. Особую роль в организации работы экспедиции на территории Архангельской области сыграла сотрудница Архангельского Фонда культуры Т.И. Шлык. На Валааме активными участниками нашей работы стали архимандрит Виктор (впоследствии епископ Подольский), журналист А. Нежный.

Результатом проведенных в 1989 году экспедиций стали не только комплексные программы возрождения этих северных территорий, но и формирование работоспособной группы специалистов, готовых к коллективной работе по сохранению и развитию системы культурного и природного наследия России. Именно во время экспедиции была разработана концепция уникальных исторических территорий, построенная на признании того, что подлинное сохранение и эффективное использование наследия может быть осуществлено только при понимании современных социально-экономических, политических и экологических процессов. В рамках этой концепции была показана особая роль крупных историко-культурных и природных территорий, где одним из основных субъектов сохранения и использования наследия является местное население.

Во время работы на Соловках и Валааме впервые была осознана необходимость комплексного подхода к решению задач, связанных с сохранением наследия. Естественно, что для успешной реализации программы экспедиционных работ существенным фактором была поддержка наших предложений со стороны руководства Фонда. Интерес Д.С. Лихачёва, других членов Президиума Фонда, в частности Р.М. Горбачевой, С.О. Шмидта, Г.В. Мясникова к проблеме возрождения Соловков, Валаама, а в дальнейшем и старинного уральского города Верхотурья был искренним и конструктивным. Результаты нашей работы неоднократно заслушивались на заседании Президиума Фонда. Более того, был создан специальный Общественный Совет по уникальным историческим территориям, в обязанности которого входила разработка методологии, теории и методического аппарата, ориентированных на решение задач по сохранению и возрождению историко-культурных территорий. Совет имел постоянные контакты с другими подразделениями Фонда. Среди них наиболее плодотворной была совместная работа с коллективом Центра “Культура и мировой океан” под руководством П.В.Боярского, который принимал самое активное участие в деятельности Совета по уникальным территориям.

Но деятельность Совета не ограничивалась только проведением конкретных исследований и обсуждением результатов среди своего профессионального сообщества. Как известно, большинство проблем, с которыми приходится сталкиваться в процессе охраны памятников истории и культуры и, прежде всего, при решении задач, связанных с сохранением территориальных объектов наследия, нельзя реализовать только на локальном и даже региональном уровне. Необходимо создавать новое, принципиально иное правовое пространство. Нам повезло, и мы встретились с людьми, которые, будучи депутатами Верховного Совета РСФСР, оказались нашими единомышленниками. Началась совместная работа по формированию пакета новых законодательных актов.

Первым документом, который был разработан и утвержден в качестве нормативного документа в те годы, стало Постановление Верховного Совета РСФСР “О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия народов Российской Федерации”. Затем началась работа по созданию проекта “Основ законодательства об охране и использования объектов культурного и природного наследия”. В процессе работы над этим

документом мы встречались с множеством специалистов — архитекторами, искусствоведами, природоведами, палеонтологами, работниками музеев, министерств и ведомств, специалистами, связанными с деятельностью в сфере особо охраняемых территорий и т.д. Именно в этом законопроекте в основу построения системы охраны наследия было положено широкое представление о наследии. При этом подчеркивались актуальность комплексного территориального подхода, необходимость учёта взаимосвязи между природой и культурой как необходимого условия их сохранения, факт того, что невозможно сохранить объекты наследия вне включения их в современные социальные, экономические и политические процессы.

В 1992 году появилась возможность создать специальное государственное научное учреждение — Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия (Институт Наследия), в основу деятельности которого были бы положены именно те принципы, которые были разработаны во время работы в Фонде культуры и в процессе законотворчества. В 1999 году институту было присвоено имя академика Д.С. Лихачёва.

Основу коллектива института составили специалисты, участвовавшие в работе Совета по уникальным территориям Советского Фонда Культуры. Сфера интересов института, определенная уже в самом начале его функционирования: методология и теория сохранения культурного и природного наследия, разработка комплексных территориальных программ сохранения наследия, формирование системы особо охраняемых территорий, картографическое обеспечение сферы охраны наследия, изучение живой традиционной культуры, — остается актуальной и сегодня.

Прошло уже десять лет со дня основания Института Наследия. Это время подведения первых итогов, анализа первых проведенных работ. Именно с такой целью и был задуман этот сборник.

ВЕДЕНИН Ю.А.,

д.г.н., профессор, директор Института Наследия,

ШУЛЬГИН П.М.,

к.э.н., заместитель директора Института Наследия

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫМ НАСЛЕДИЕМ

Наследие — это один из важнейших ресурсов, определяющих социально-экономическое и социокультурное развитие России. Оно составляет основу ее духовного и интеллектуального потенциала и характеризует высокий авторитет России как великой мировой державы. На базе эффективного использования историко-культурного наследия происходит развитие личности и формирование новых поколений, определяющих будущее России.

В основе формирования стратегического плана сохранения и использования наследия на долгосрочную перспективу лежат следующие принципы.

1. Признание фундаментальной роли наследия в формировании важнейших общественных процессов и устойчивом развитии. При этом наследие рассматривается как широкая категория, включающая не только недвижимые или движимые памятники истории, культуры и природы, но и живую традиционную культуру, традиционные культурные ценности, ремесла и промыслы, исторические технологии, традиционные формы природопользования, этнокультурную среду и природное окружение. При этом наследие рассматривается как системное образование, в котором отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом и вне окружающей среды.

2. Признание особой роли территориального подхода к сохранению наследия, при котором основным объектом охраны и использования становится территория со всем многообразием присущих ей элементов наследия, сохранившимися формами традиционной культурной и хозяйственной деятельности, исторически сложившимися системами расселения.

3. Рассмотрение деятельности по охране и использованию наследия как органической части комплекса современных социокультурных и экономических процессов.

Подобный подход отвечает общемировым тенденциям, отраженным в принятом ЮНЕСКО «Плане действий по политике в области культуры в инте-

ресех общего развития”, где в числе важнейших задач содержится четкая постановка вопроса укрепления политики и практической деятельности с целью сохранения и повышения роли материального и нематериального, движимого и недвижимого наследия, а также задача превращения политики в области культуры в один из ключевых элементов стратегии развития. Учитывая богатство и разнообразие национального наследия, Россия может и должна стать одним из лидеров мирового сообщества в разработке новых подходов и реализации предложенных целей в сфере сохранения наследия.

Важнейшей задачей, стоящей сегодня перед Институтом Наследия, является разработка стратегии сохранения и эффективного использования наследия, отвечающего требованиям современного и будущего общества. В основе этой стратегии лежат три взаимосвязанных между собой концепции — ноосферная, экологии культуры и культурного ландшафта. В разработке этих концепций определяющую роль сыграли замечательные русские ученые В.И. Вернадский и Д.С. Лихачёв.

Место Вернадского в современной науке об окружающей среде общеизвестно и не требует особых подтверждений. Один из основателей геохимии и биогеохимии, ученый, внесший колоссальный вклад в развитие естественных наук, В.И. Вернадский развил учение о ноосфере как о новом этапе развития Земли, связанном, прежде всего, с научной и интеллектуальной деятельностью человека.

Огромный вклад в развитие науки о Земле, в осознание роли культуры в формировании окружающей среды и ее культурных ландшафтов внес Д.С. Лихачёв — ученый, основной специальностью которого была история древнерусской литературы. Д.С. Лихачёв рассматривал тему гуманитарного фактора становления среды обитания человека во многих своих книгах, в том числе и в своих исследованиях, посвященных семантике садово-паркового искусства. Особое внимание он уделял духовному началу в формировании окружающей среды и ее культурной составляющей. “Сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его нравственной самодисциплины и социальности” (Лихачёв, 1983, с.82). Д.С. Лихачёв подчеркивает “нравственное значение и влияние воздействующей силы на

человека всей культурной среды во всех ее взаимосвязях” (там же, с. 82).

Для всех очевидным является процесс нарастания мощности культурного слоя, культурной среды. Д.С. Лихачёв обращает внимание на обратный процесс. “”Запас” памятников культуры, “запас” культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью” (там же, с. 93). Именно это, по Д.С. Лихачёву, является предопределяющим фактором особого отношения к культурному и природному наследию, делает необходимым ведение активной деятельности по сохранению наследия. Человек, по представлениям Лихачёва, формирует особую нравственно-духовную сферу в оболочке Земли, которая определяет развитие всех других сфер и в то же время сама оказывается под сильным их воздействием. Здесь он близок к идее В.И. Вернадского о ноосфере, в которой определяющей силой ландшафтоформирующих процессов становится мысль и труд. “В живом веществе создалась новая геологическая сила ума и техники, раньше на нашей планете небывалая, которая нам кажется беспредельной и, возможно, в будущем выходящей за пределы планеты” (Вернадский, с. 165).

Уже в течение длительного времени интеллект становится силой, соизмеримой с геологическими и космическими процессами. В этом также проявляется сущность экологии культуры, ее вклад в становление современной концепции о сохранении окружающей среды. Об этом одним из первых сказал Д.С. Лихачёв.

В настоящее время мы можем говорить о необходимости нового прочтения трудов этих двух великих учёных; поскольку именно в разработанных ими концепциях впервые было сформулировано представление о фундаментальной роли интеллектуального и духовного начала в формировании ноосферы, понимание особой роли историко-культурного наследия в сохранении всей окружающей среды. В соответствии с этими идеями, на основе концепций ноосферы, экологии культуры и культурного ландшафта, формулируются и новые подходы к сохранению наследия. Среди возможных подходов, предопределяющих принципиально новое отношение к наследию, следует выделить следующие:

— генетический подход (наследие как носитель исторической памяти, определяющей сохранение самобытности национальной или региональной культуры);

— экологический подход (наследие как основа устойчивого развития общества и биосферы);

— географический подход (наследие как основа сохранения культурного и природного разнообразия мира, страны, отдельных регионов, этносов, групп населения).

В основе этих подходов лежит представление о наследии как о фундаментальной категории, определяющей возможность формирования самобытного, устойчивого и разнообразного культурно-ландшафтного пространства. Тем самым предопределяется конструктивная роль наследия при формировании экономической и социальной политики государства, его поведение на мировой арене. Естественно, что это должно быть осознано и людьми, находящимися во главе государства.

В соответствии с новым взглядом на роль наследия как одного из важнейших средообразующих факторов должна измениться и политика в области сохранения культурного и природного наследия. Приоритетными областями деятельности органов охраны наследия и субъектов, связанных с использованием наследия, должны стать *национальные и региональные комплексные программы управления культурным и природным наследием*, раскрывающие возможности включения наследия в современные системы управления культурными, социально-экономическими и экологическими процессами развития. Особое значение приобретает формирование сетей *особо охраняемых историко-культурных и природных территорий*, ответственных за сохранность всего культурно-природного пространства страны, отдельных её регионов. Принципиально новым положением в управлении наследием должна стать гуманитарная концепция культурного ландшафта, рассмотрение и признание культурного ландшафта как комплексного и интегрального объекта культурного и природного наследия.

В соответствии с этими принципиальными позициями строится научная деятельность в Институте Наследия, участие сотрудников института в управлении культурным и природным наследием, в развитии концепции экологии культуры, в разработке стратегии и тактики организации окружающей среды. Все эти особенности современного подхода к культурному и природному наследию были положены в основу при разработке методологии, теории и практической деятельности, связанной с охраной и использованием наследия.

Важнейшей стратегической задачей, решение которой необходимо для сохранения культурного наследия народов России, является *формирование ис-*

торико-культурного каркаса страны. В основе подобного каркаса лежит система особо охраняемых историко-культурных территорий Российской Федерации, имеющих особое значение для сохранения ее культуры, национальной и региональной самобытности. Эта система является своеобразным аналогом сети особо охраняемых природных территорий, обеспечивающих экологическую безопасность и защиту окружающей среды.

Среди наиболее актуальных и вместе с тем очень конкретных задач, которые необходимо решать в первую очередь, следует назвать *разработку концепции и стратегии формирования и развития системы особо охраняемых историко-культурных территорий.*

В настоящее время система особо охраняемых историко-культурных территорий России еще только начинает формироваться. Все многообразие охраняемых историко-культурных территорий сведено к музеям-заповедникам, а общая сеть охраняемых территорий культурного наследия и их правовое обеспечение существенно уступает системе охраняемых природных территорий.

В качестве приоритетных задач, которые необходимо решать уже сегодня, следует поставить *задачу создания развитой сети историко-культурных территорий Российской Федерации.* Основу этой сети должны составлять такие объекты как исторические города, исторические сельские регионы, усадьбы и монастырские комплексы, мемориальные ансамбли и поля сражений, археологические комплексы, этноэкологические зоны проживания малочисленных народов или этнографических групп, исторические дороги, исторические промышленные зоны и другие возможные типы территорий.

Формирование развитой сети особо охраняемых историко-культурных территорий создаст благоприятные условия для эффективного использования историко-культурного потенциала и развития на его основе туристской отрасли, научно-образовательного комплекса, совершенствования инфраструктурного комплекса. Для ряда регионов, не располагающих значительным промышленным или аграрным потенциалом, ориентация на культурное богатство становится одной из реальных возможностей социального и экономического развития. Таким образом, наследие может выступать и как фактор хозяйственной специализации, причем фактор экологически безопасный и способствующий решению социальных проблем, занятости населения, развитию социальной инфраструктуры.

Необходимым условием успешного решения данной задачи является включение земель историко-культурного назначения в земельный кадастр. Реализация данной задачи приобретает особое значение в связи с формированием Единого Государственного Реестра Земель Российской Федерации. Для ее осуществления необходима выработка единых параметров учёта и классификаторов, разработка порядка отнесения земельных участков к категории земель историко-культурного назначения, установление особого порядка наложения ограничений на землепользование. Данная работа позволит спасти ценные культурные ландшафты, археологические памятники, исторические территории, памятники ландшафтной архитектуры от нарушений или даже возможного уничтожения в связи с перспективной застройкой или сельскохозяйственными мероприятиями, определить реальную ценность земель историко-культурного назначения.

Создание развитой системы особо охраняемых историко-культурных территорий позволит перейти от спонтанных действий, направленных на сохранение отдельных памятников, к формированию научно обоснованной программы сохранения всей исторической культурной и природной среды, к становлению надёжной системы защиты исторических городов, музеев-заповедников, музеев-усадоб, национальных парков и других форм сохранения исторической культурной и природной среды. Эта тема должна рассматриваться Министерством культуры в качестве приоритетной. Актуальность решения этой задачи подтверждает и тот факт, что в последнее время появились новые тенденции в формировании списка Всемирного наследия ЮНЕСКО. Наибольший интерес стал проявляться к выделению территориально выраженных смешанных (культурных и природных) объектов наследия, к номинации таких принципиально новых объектов наследия, как культурные ландшафты (Веденин, Кулешова, 2001).

Признание культурного ландшафта в качестве одного из типов наследия, включаемых в Список Всемирного наследия, поставило перед учеными и практиками ряд абсолютно новых задач. В международной практике, в частности, связанной с формированием Списка Всемирного наследия, фигурируют три подхода к ландшафту как объекту наследия (Operational Guidelines...1997). Первый подход ориентируется на творческий гений художника, создающего великолепный дворцово-парковый ансамбль или инженера, конструирующего принципиально новую природно-техническую систему. Фактически, он бази-

руется на идеях наших отечественных физико-географов — Д.Л. Арманда и Ф.Н. Милькова о культурных ландшафтах как хорошо устроенных (с точки зрения эстетики и функциональности) антропогенных ландшафтах.

Второй подход основан на классическом этнографическом подходе, рассматривающем культурный ландшафт как некую среду обитания определенной культурной (чаще всего этнокультурной) общности, сформировавшейся в течение длительного исторического периода. Это может быть уникальный, дошедший до наших дней, ландшафт, сложившийся на Русском Севере, в местах проживания поморов, или ландшафт, связанный с жизнью коренных малочисленных народов, сохраняющий уникальные черты особенностей их быта, отношения к природе, в том числе и связанные с их традиционными верованиями.

Третий подход ближе всего соответствует взглядам Д.С. Лихачёва и В.И. Вернадского на характер соотношения между природой и культурой. В данном случае особенно подчеркивается интеллектуальная и духовная составляющая ландшафта. Это так называемые ассоциативные ландшафты, т.е. ландшафты, хранящие в себе память о выдающихся исторических событиях, исторических личностях, их связи с художественными произведениями или несущие в себе черты сакральности.

При этом необходимо отметить, что культурный ландшафт как объект наследия рассматривается весьма широко. Он включает не только вещественно выраженные природные и культурные объекты, но и сохранившуюся на этой территории живую традиционную культуру, проживающее на его территории население как носителя этой культуры. Проблема классификации культурных ландшафтов, сохранения их аутентичности и целостности стала объектом как теоретических исследований, так и практических проектов, связанных с разработкой концепции и стратегии развития музеев-заповедников и национальных парков, разработкой конкретных проектов, касающихся отдельных проектов и территорий.

Новый подход к наследию предопределяет особую актуальность проблемы организации экологического мониторинга культурного наследия. Как известно, в настоящее время тема охраны культурного наследия нашла своё отражение в Государственном докладе «О состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации». Очень важно подчеркнуть то, что значение этой темы выходит за традиционные узкоот-

раслевые рамки. Её содержание может быть сформулировано следующим образом: *наследие как фактор сохранения культурного и природного разнообразия и устойчивого развития*. Тем самым подчёркивается фундаментальная роль наследия в жизни общества и управления окружающей средой.

Особая роль в подготовке данных разделов в государственном докладе принадлежит регионам. Только при наличии надежной и достоверной системы регионального мониторинга можно дать объективную картину на уровне Российской Федерации. С другой стороны, для организации эффективного экологического мониторинга наследия необходима надежная научная и методическая база, достаточное финансирование, наличие специализированных научных учреждений. Все это может быть достигнуто только при условии соответствующей государственной поддержки, тесном контакте между природоохранными ведомствами и ведомствами, ответственными за сохранение объектов культурного наследия в субъектах федерации, при участии научных и общественных организаций, в том числе музеев-заповедников и национальных парков.

Сегодня в Государственный доклад “О состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации” включены следующие разделы: экологические факторы воздействия на культурное наследие (архитектурно-историческое и археологическое наследие); особо охраняемые территории (музеи-заповедники и музеи-усадьбы, объекты ландшафтной архитектуры, ботанические сады и дендрологические парки, объекты Всемирного наследия, особо ценные объекты культурного наследия).

Оценка воздействия экологических факторов на памятники истории и культуры позволила выявить реальную ситуацию, в которой находится сегодня наследие России. Характерной особенностью этой ситуации является устойчивое сокращение культурного богатства нашей страны в результате негативного воздействия экологических факторов и, прежде всего, факторов антропогенного происхождения. Среди них следует выделить: во-первых, загрязнение воздушного бассейна, что приводит к разрушению кирпичной кладки, белого камня, лепнины, красочных слоев и т.д.; во-вторых, вибрацию, что ведет к разрушению конструкции здания, появлению трещин; в-третьих, это подтопление городов, монастырских и усадебных комплексов вследствие подъема грунтовых вод. К экологическим

факторам может быть отнесена и нерегулируемая застройка ценнейших памятников, что приводит к гибели как самих памятников, так и окружающей их территории. Большая часть археологических памятников подвергается прессу антропогенных нагрузок, связанных с промышленным и жилым строительством, гидротехническим строительством и распашкой. Проблема сохранения археологического наследия тесно связана с проблемой охраны земель и организацией рационального землепользования.

Важнейшую роль в формировании системы мониторинга и в сохранении наследия играют особо охраняемые историко-культурные и природные территории, в том числе музеи-заповедники и национальные парки.

Именно эти учреждения должны стать основным полигоном для отработки методологии и методики экологического мониторинга. В задачу музеев-заповедников и национальных парков входит не просто сохранение и использование недвижимых памятников истории и культуры, расположенных на их территории. Фактически, они должны быть ориентированы на сохранение целостной традиционной историко-культурной и природной среды. При этом национальные парки связаны, прежде всего, с природной или сельской средой, а музеи-заповедники имеют более широкий спектр сред — от городской, сильно урбанизированной, до чисто природной.

Институт Наследия совместно с музеями-заповедниками регулярно проводит совещания по экологическому мониторингу наследия с участием представителей регионов (Бородинская конференция с участием представителей учреждений культуры и природоохранных учреждений, вузов и научных институтов). Издание материалов о методике и разнообразии подходов к подготовке разделов экологических докладов в различных областях России способствует распространению этих идей по всей России.

Чрезвычайно важной задачей, которая стоит сейчас перед Институтом, является *разработка принципов и методов не просто экологического, а социально-экологического мониторинга культурного наследия*. Для этого необходимо начать регулярную работу по проведению исследований отношения населения к объектам наследия, к исторической среде. Институт в своё время начал проводить такого рода исследования, однако из-за недостаточного финансирования эти работы были приостановлены. Необходимо, чтобы Министерство культуры выступило с инициативой разработки программы комплексного экологического мониторинга культурного наследия, а в рамках этой проблемы

выделило особо разработку новой темы “Социологические и социально-экономические проблемы сохранения историко-культурных и природных территорий (исторических городов, музеев-заповедников, национальных парков)”.

Одна из актуальнейших задач, стоящих перед Институтом Наследия, заключается в обосновании предложений по совершенствованию системы управления в сфере сохранения и использования наследия. При этом имеется в виду вся система управления — законодательство, экономическое стимулирование, административное управление. Создание правовой основы деятельности по сохранению культурного наследия предполагает необходимость не только принятия закона об охране и использовании культурного наследия (памятников истории и культуры), но и соответствующих подзаконных актов.

В качестве следующего шага необходимо формирование принципиально новой для Российской Федерации системы законодательства об особо охраняемых историко-культурных территориях, которая бы определила общие задачи формирования историко-культурного каркаса страны и правовое положение отдельных типов территориальных объектов наследия. Необходимо принятие основополагающего закона об археологическом наследии, регулирующего эту специфическую сторону сохранения национального достояния; системы законов о сохранении традиционной культуры, традиционного хозяйства, традиционных форм природопользования, которые позволят поддержать политику возрождения национальных культур в Российской Федерации.

Разработка системы стимулирования деятельности по сохранению и использованию культурного наследия предполагает со стороны федерального центра формирование специальной финансовой и налоговой политики в этой сфере. Имеющиеся предпосылки использования богатого культурного потенциала не могут быть полностью решены в самые ближайшие годы из-за недостатка финансовых ресурсов. Необходима разработка и принятие налоговых решений для поддержки бережного содержания памятников истории и культуры, эффективного функционирования историко-культурных территорий, для участников программ сохранения национальных культур, помощи партнерам в программах культурного развития и обеспечения реставрационной деятельности.

Необходимо также решение различных вопросов, связанных с возможностью приватизации памятников истории и культуры, организации эффек-

тивного контроля за состоянием приватизированных памятников, четким регулированием использования экономических средств, полученных в результате приватизации и аренды памятника. Важным фактором экономического регулирования может стать создание специализированного фонда сохранения наследия.

Роль федерального управления в прогнозный период особенно велика в связи с необходимостью методического обеспечения деятельности по сохранению и использованию культурного наследия. Федеральному центру принадлежит ведущая роль в разработке федеральных и крупных межрегиональных программ сохранения и использования наследия, а также в поддержке объектов наследия, не имеющих самостоятельных источников развития, например, национальных культур малочисленных коренных народов. Необходимо лицензирование реставрационной, исследовательской и иных видов деятельности на объектах наследия.

Чрезвычайно важным является формирование эффективных механизмов передачи информации о национальном наследии и о культурном развитии мирового сообщества органам управления различного уровня и гражданам. Для реализации этой задачи необходимо создание банка данных историко-культурного наследия для страны в целом и ее регионов и расширение специальной издательской деятельности.

Одной из актуальных задач в построении системы информационного обеспечения сферы сохранения наследия становится в настоящее время разработка национального атласа "Культурное и природное наследие России". Сейчас эта работа уже началась. Разработана общая концепция такого атласа. Во многих регионах страны разрабатываются свои региональные атласы культурного наследия, историко-культурные атласы, атласы культурного и природного наследия. Институт выступает в качестве консультанта или участника этих работ. Одновременно начинается работа по созданию отдельных карт, связанных с конкретными регионами или с определенным видом наследия. Однако эту работу необходимо перевести на единую методологическую базу, сделать эти материалы сопоставимыми друг с другом.

В этой статье изложены только некоторые из актуальных задач, которые необходимо решить в процессе совершенствования системы управления объектами культурного и природного наследия России. Однако

их надо решать уже сегодня. Институт Наследия по мере своих возможностей будет осуществлять активную научно-исследовательскую работу по данным проблемам.

Литература

Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия. Известия АН, сер. геогр., 2001, № 1, с. 7-14.

Лихачёв Д.С. Земля родная. М.: Просвещение, 1983.

Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М., 1989.

Арманд Д.Л. Наука о ландшафте. М., 1975.

Мильков Ф.Н. Человек и ландшафты. М., 1973.

Operational Gaidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO.WHC-97/2. February 1997.

ШУЛЬГИН П.М.,

к.э.н., заместитель директора Института Наследия

РАБОТА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ НАД КОМПЛЕКСНЫМИ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ПРОГРАММАМИ

Одной из задач, поставленных в постановлении Правительства Российской Федерации о создании Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия, является “обоснование и разработка региональных программ сохранения и использования культурного и природного наследия (для различного типа регионов)”. Эта тематика стала одной из ведущих с первых лет научной деятельности института.

Полноценная программа работ по возрождению национального достоинства должна включать развернутую систему мероприятий по выявлению, восстановлению, изучению, сохранению и использованию культурного и природного наследия. Следует подчеркнуть, что необходимо решение именно такой комплексной задачи во всем ее объеме. Существующая практика показала, что ни само выявление памятника, ни постановка его на учет и государственную охрану, ни ведение восстановительных работ еще не могут обеспечить его сохранение как национального богатства. Во многих случаях у нас отсутствует концепция использования объектов наследия, будь то усадебный комплекс, квартал деревянных домов в историческом городе или же заброшенная историческая деревня. Без использования, без жизни памятник очень быстро опять приходит в запустение. Число примеров, подтверждающих этот тезис, велико. Да и можно ли сопоставить понятие “неиспользуемый памятник” с задачей сохранения и передачи будущим поколениям национального достоинства.

Условия присоединения страны к конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия, уникальность многих находящихся на территории Российской Федерации памятников истории и культуры, а также острейшая ситуация в сфере их охраны и восстановления — все это уже на рубеже 1990-х годов вызвало необходимость принятия новых и неординарных решений.

Новое направление в культурной политике связывается с разработкой концепции “уникальных историко-культурных территорий” и предпо-

лагает именно территориальный подход к сохранению наследия. Необходимость выделения подобного рода территорий вызвано тем, что такой тип выпал из существующей системы охраняемых объектов (собственно памятники, зоны охраны памятника, заповедники, национальные парки и пр.). Вместе с тем становится ясно, что охрана и использование единичных (“точечных”) объектов не может быть эффективной вне окружающего их исторического и природного пространства. Оно необходимо с точки зрения не только восприятия памятника, но также и с точки зрения его жизнеспособности (будь то природная система или архитектурный комплекс). Мертвый, неиспользуемый памятник долгое время (и во многом до сих пор) является наиболее распространенным объектом. Однако каждый памятник был живым организмом и его современное функционирование также невозможно без подключения окружающей территории, причем не как охранной зоны, а как естественной, традиционной природно-исторической среды. Поэтому создание уникальных территорий призвано одновременно решить вопросы и охраны, и рационального использования памятников истории, культуры и природы.

Обоснованием подхода к созданию системы уникальных территорий является и тот несомненный факт, что само пространство, как бы насыщенное исторической и природной памятью, становится объектом наследия. Следует также добавить, что в современных условиях активного хозяйственного воздействия на природный или историко-культурный объект невозможна их охрана вне сохранения их естественной среды.

Уникальная историко-культурная территория может быть определена как особый целостный пространственный объект, где в традиционной природной и социально-культурной среде находятся природные и историко-культурные объекты исключительной ценности и значимости. Она создается на основе комплекса памятников и территории, объективно связанной с ними в силу этнических, экономических, исторических, географических факторов. Ее уникальность определяется наличием и сочетанием комплекса мемориальных, архитектурных, археологических объектов, памятников науки, инженерных сооружений, исторической застройки, традиций народных промыслов и хозяйственной деятельности, фольклора и обрядовой национальной культуры, природных достопримечательностей или исторических форм природопользования, представляющих

исключительную ценность с точки зрения истории и культуры народов нашей страны или даже мирового культурного наследия.

Под уникальными историко-культурными территориями мы понимаем такие объекты, как, например, малый исторический город с окружающими его старинными селами, архитектурными памятниками и природными угодами; старинные усадебные или монастырские комплексы; островные уникальные территории, такие, как Кижии или Соловецкие острова, где природа, архитектура и человек составляют единое целое; поля великих сражений; этноэкологические ареалы проживания малочисленных народов и т.д.

В рамках проводимых Институтом Наследия исследований можно говорить о выделении следующих типов историко-культурных территорий:

- исторические города,
- исторические сельские поселения,
- исторические сельские территории,
- монастырские комплексы,
- усадебные комплексы,
- поля сражений,
- исторические производственные территории,
- этноэкологические районы проживания малочисленных народов,
- археологические территории,
- исторические пути и дороги.

Система уникальных территорий может стать основной формой сохранения живого наследия народов Российской Федерации. Интересно отметить, что понятие “экологический каркас” существует в экологической политике многих стран, в том числе оно принято и Европейским Сообществом. Оно обозначает те природные районы (не только особо ценные, но и наиболее типичные для данной страны), которые необходимо сохранить с целью обеспечения экологической чистоты лесов, рек, воздушного бассейна и сохранения природного наследия. Подобное представление об “историко-культурном каркасе страны” необходимо ввести и для культурного наследия, тем более в сложных кризисных социально-культурных условиях. Это представляется особенно важным и в связи с тем, что сейчас практически не существует представления об особо ценных исторических территориях как целостных пространственных объектах, а тем более объектах единого хозяйственного и правового регулирования.

Определенный шаг на этом пути уже сделан. Развивается система особо охраняемых природных территорий, в структуре которых ключевую роль играет достаточно разветвленная сеть национальных и природных парков. На их территориях расположены также памятники архитектуры, археологии, старинные села с проживающим там населением. В то же время практика деятельности национальных парков в России пока носит очень явный ведомственный характер (как природоохранных организаций), и в их работе, за редким исключением, почти не прослеживается четкая программа сохранения и использования культурного наследия.

Охрана памятников культуры также стремится выйти за пределы “точечного” объекта путем создания музеев-заповедников и других подобных учреждений. Однако речь должна идти не только о создании какого-либо учреждения (будь то заповедник или большой музей). Новый подход ставит задачу особого развития территорий, проведения региональной политики в особом аспекте.

Нельзя не учитывать того, что многие памятники культуры находятся в активной хозяйственной среде. На территории зон охраны живут люди, действуют какие-либо предприятия. Возле памятников ведутся сельскохозяйственные работы и производственная деятельность. Поэтому важнейшим аспектом нового подхода к сохранению национального наследия путем создания системы уникальных территорий является задача формирования здесь целостного экономического образования, способного в комплексе решить проблемы не только сохранения, но и использования наследия. Данная деятельность имеет своей целью сохранение и возрождение памятника и его естественной среды, рационального их использования в традиционных хозяйственных формах. В результате такой региональной политики появляется возможность воссоздания традиционного природопользования, национальных традиций, циклов обыденной жизни и всего бытового уклада с одновременным органическим вхождением в современные хозяйственные и социальные процессы. Реализация значительного природного и историко-культурного потенциала территории может сказаться также на развитии рекреационной сферы, информационного, научно-образовательного комплексов, воссоздания народных промыслов и производств, активизации на этой основе других сопряженных хозяйственных структур.

Можно сказать, что подобный путь находит специфическое выражение в региональной политике — он проявляется в особой специализации ряда

регионов на сохранении и использовании природного и культурного наследия. Это предполагает особый статус таких территорий, особую хозяйственную политику и возможность на этой основе обеспечения достойного социального развития населения, возрождение национальной культуры.

Таким образом, наследие выступает и как важный фактор современного социокультурного и экономического развития отдельных районов. Оно обеспечивает развитие территории именно на базе использования этого специфически присущего данному региону историко-культурного и природного ресурса, а не на искусственном внедрении промышленных и сельскохозяйственных технологий. Для ряда территорий, не располагающих значительным промышленным или аграрным потенциалом, ориентация на социокультурное богатство района становится одной из реальных возможностей социального подъема. Причем возможностью, не несущей угрозу экологии или социальной среде, а, наоборот, позволяющей восстановить традиционные формы природопользования, отношения между людьми, культуру.

Такой подход непосредственно отвечает положению, содержащемуся в ст.5 Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия и рекомендующему государствам-участникам "проводить общую политику, направленную на придание культурному и природному наследию определенных функций в общественной жизни и на включение охраны этого наследия в программы общего планирования".¹

Подобное развитие предопределяет и необходимость разработки особого статуса подобных территорий, возможно даже изменение их административно-территориального состояния. Так, например, Валаам имеет статус сельсовета. Долгое время в ранге сельсовета находился и Соловецкий архипелаг. Кижы являются одним из рядовых сельских населенных пунктов. Большая же часть памятников просто находится на иждивении местной власти или на балансе какого-либо предприятия или учреждения. Поэтому, говоря о новом территориальном подходе к сохранению и использованию наследия, в ряде случаев представляется необходимым выделение данных объектов в новый, специфический, тип административно-территориальной единицы,

¹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО // Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. — М.: Институт Наследия, 1999, с. 11.

который и можно назвать уникальной исторической территорией. Этот статус позволил бы четко выделить данную территорию в административном и правовом отношении, дать ей существенные хозяйственные права. В любом случае такой статус должен явиться отражением и закреплением специфики социально-культурного и хозяйственного развития региона.

Статус уникальных территорий должен содержать два основных положения. Первое касается признания ценности историко-культурного наследия на данной территории и законодательное определение системы мер по его охране (выявление, постановка на учет, зонирование территории и режимы использования земель, осуществление охранных и реставрационных работ, экологический и архитектурный контроль и т.д.).

Второе положение направлено на создание экономических условий сохранения и использования наследия. Это предполагает как прямую федеральную помощь в форме средств на восстановление объектов наследия и на проведение социокультурной политики, так и осуществление особой налоговой политики, способствующей вложению средств на реализацию программы развития территории, уменьшению налогового пресса на территорию и пр.

Важно подчеркнуть, что такая постановка вопроса не является попыткой добиться каких-либо исключительных прав для подобного рода территорий. Она отражает объективные особенности их развития, специфическое место земель особо ценного наследия в системе территориального разделения труда. Основные принципы территориального подхода к решению проблем сохранения и использования национального наследия впервые были заявлены в постановлении Правительства Российской Федерации № 266 от 22 апреля 1992 года "О мерах государственной поддержки культуры и искусства в период экономических реформ", в котором даны рекомендации местным органам по разработке региональных программ развития культуры и по созданию системы историко-культурных и природных территорий как наиболее действенной меры сохранения и использования наследия. В том же году Указом Президента Российской Федерации была создана первая особо ценная историко-культурная и природная территория на Валаамском архипелаге. Сходные проблемы были поставлены в ряде других регионов России, например, особый статус был придан территории кавказских Минеральных Вод.

Актуальной задачей для реализации предложений о создании системы историко-культурных территорий становится разработка конкретных предложений в *форме комплексной региональной программы*, определяющей перспективы развития культуры, социальной среды и хозяйства конкретного региона. Разрабатываемые материалы такой программы включают концептуальную модель будущего развития территории, методические положения, способствующие выявлению и использованию историко-культурного и природного потенциала, экономические расчеты и обоснование перспективных показателей по основным элементам социальной сферы и хозяйства, рекомендации по характеру организационно-управленческих решений.

Комплексность такой программы заключается в анализе современного состояния и перспектив развития различных сфер деятельности и отраслей, связанных с существованием и развитием историко-культурной территории, причем, их набор может быть различным для того или иного типа объекта. Региональность данной программы определяется тем, что всегда в качестве объекта исследования выбирается территория (различного ранга). Уже в первые годы своего существования Институт Наследия начал деятельность по разработке подобного рода программ для различных типов территорий, а также по отработке методики такого подхода.

Как правило, первый раздел программы призван определить и оценить историко-культурное и природное наследие территории во всей его полноте. Несмотря на ведущуюся работу по фиксации памятников истории и культуры, они выявлены еще крайне неполно, а на государственный учет поставлена неполная часть из уже выявленных памятников. Нуждаются в дополнительном обследовании и выявлении памятники конца XIX и XX вв., памятники производственной архитектуры, рядовая застройка малых и средних городов, сельских населенных пунктов. Предстоит также переосмыслить выделение памятников истории практически всех эпох существования Российского государства, по иному подойти к памятникам религиозной жизни.

Остаются без должного внимания и охраны также большое количество природных памятников. К ним следует отнести, кроме уникальных объектов, также и типичные для данного региона ландшафты, формы рельефа, малые реки, болота, леса и роции.

Важно подчеркнуть, что перспективный подход в культурной политике основан на переходе от охраны отдельных памятников к сохранению всего

историко-культурного наследия, охватывающего сами объекты наследия, среду, в которой они существуют, человека как носителя наследия. Предполагается работа по выявлению всей совокупности наследия, включающей не только отдельные выдающиеся памятники истории, культуры и природы, но и народную культуру, традиции, ремесла и промыслы, язык и литературу, музыкальную и художественную культуру, сельскую застройку и сельскую систему расселения, историческую городскую среду, этнокультурную среду, природное окружение не как фон или условия существования наследия, а как его самоценный элемент.

Подобный комплекс исследований целесообразно обобщить проведением специального культурно-ландшафтного районирования территории. Фактически этот этап работы представляет собой выявление историко-культурной и природной ценности различных земель. Он позволяет подойти к функциональному зонированию различных регионов, определить особо ценные территории, нуждающиеся в той или иной форме охраны наследия. Но одновременно эта работа позволяет провести и дополнительную оценку стоимости земли, причем оценку, основанную не на кадастровой ее стоимости по возможным условиям ведения сельскохозяйственного производства, а на дополнительном учете исторических, эстетических, рекреационных особенностей того или иного участка. Это очень важно именно в настоящее время в связи с изменением отношений собственности на землю, возможностью продажи или аренды земельных участков.

Выявление наследия не является самоцелью. Следующим важнейшим разделом программы является разработка и обоснование системы мер по его сохранению и использованию наследия. Здесь следует назвать следующие разделы.

Программа развития отрасли культуры, которая включает как детальное рассмотрение вопросов развития музейного комплекса на выделяемой территории, так и вопросов совершенствования других видов культурной деятельности (театрально-зрелищные учреждения, сфера народной культуры, взаимодействие с образовательным комплексом и пр.).

Программа туристско-рекреационного развития, которая очень тесно связана с деятельностью отрасли культуры. В то же время важно учесть и специфику развития туризма на современном этапе. Его задачей является формирование программного специализированного туризма, способного удов-

летворить запросы различных групп населения и учесть специфику территорий и их ресурсов. Помимо различных форм экскурсий, познавательного туризма это могут быть также формы религиозного, научного, экологического, этнографического туризма. Рассматриваются возможности создания туристских деревень, использования усадебных комплексов, частного жилого фонда в малых исторических городах. В программе уделяется внимание и организационным вопросам создания местной туристской инфраструктуры и местных туристских организаций.

Программа развития производственной деятельности, связанной с наследием. Она предполагает возможность возрождения традиционных и исторических производств и промыслов, традиционных форм природопользования, очень перспективных для экологического ведения сельского хозяйства. При этом важно иметь в виду перспективу взаимодействия с более активными производственными структурами (от современных промышленных предприятий, имеющих традиционную производственную основу, до возрождения традиций ярмарочного цикла).

Частью осуществляемой программы является и определение социальных факторов существования наследия. К ним относятся общий уровень социального развития региона и его социальные проблемы. Особое внимание уделяется социальному развитию сельской местности, сохранности сельских поселений, степени освоенности территории. Программа социального развития также включает рассмотрение проблем, связанных с демографической и социальной структурой населения, проблем занятости, особенно актуальных в малых исторических городах и в сельской местности. Специально исследуется функциональная структура сельских поселений, их возможные агорекреационные функции, вопросы развития малых сел. При разработке этого раздела социальные и экономические процессы рассматриваются не просто как фон, а как часть процесса охраны и использования наследия.

Заключительной частью программы является проработка экономических, правовых и организационных условий ее реализации. В ней ставятся конкретные задачи перед органами охраны наследия и предлагаются возможные пути их совершенствования. Особая роль уделяется статусу историко-культурных и природных территорий, правовым и организационным формам деятельности в сфере охраны наследия, зачастую готовятся проекты решений местных и областных органов управления по данным вопросам.

Именно комплексность программы позволяет полно и грамотно решать поставленные задачи сохранения наследия, привлекать специалистов смежных отраслей (экология, градостроительство, экономика и др.). Межведомственный характер программы открывает путь для привлечения дополнительных финансовых средств, используя для решения общей задачи ресурсы, направляемые, например, на экономические проекты развития производства, региональные целевые программы, средства и гранты общественных фондов и благотворительных организаций. В отдельных случаях такие программы выходят и на уровень целевого федерального финансирования.

Выдвигаемые положения могут рассматриваться как принципиально новый механизм функционирования особо значимых охраняемых историко-культурных территорий страны. Они отвечают коренным задачам современного совершенствования хозяйственного механизма и предусматривают усиление роли местного самоуправления и введение рыночных элементов, направленных на повышение эффективности хозяйствования и достижение наилучших конечных результатов. Их воплощение может послужить действенным инструментом реализации задач по сохранению всемирного культурного и природного наследия, стать весомым вкладом нашей страны в мировую практику охраны историко-культурных ресурсов.

Предлагаемый подход позволяет отказаться от сложившейся практики мертвой музеефикации и заповедования, от стремления к сохранению внешних атрибутов памятника при утрате его жизненности. Он позволяет включить наследие в современную жизнь общества, видеть в нем основу будущего развития ряда территорий. Особую актуальность приобретает такой подход при определении стратегии развития малых исторических городов, сельских исторических территорий, мест расселения малочисленных народов, различных этнографических групп. Система уникальных территорий также может стать тем своеобразным полигоном, где будет осуществляться интенсивный международный обмен и сотрудничество в деле сохранения и изучения природного и культурного наследия.

Представляется, что именно этот новый комплексный подход, обеспечивающий как сохранение, так и использование историко-культурного и природного потенциала, позволит дать мощный дополнительный импульс решению вопросов сохранения памятников истории, культуры и природы и

рассматривать культурное и природное наследие как особый фактор региональной экономической политики.

С первых лет своего существования в институте стали осуществляться исследования по разработке комплексных региональных программ сохранения и использования историко-культурного и природного наследия. Причем для отработки методики их составления это были программы разного уровня: уровень субъекта Российской Федерации (Калужская, Тверская область), уровень административного сельского района (Козельский, Мосальский район), уровень исторического города и его окружения (Боровск), вплоть до уровня сельских советов (усадебя Середниково и ее окрестности).

Идея данного методического подхода и практика его реализации оказались плодотворными и востребованными временем. В частности, в 1992 г. Верховным Советом Российской Федерации был рассмотрен опыт формирования комплексной программы для Тверского региона и принято специальное постановление “О государственной программе социально-культурного развития Тверской области”. Эта региональная программа в дальнейшем послужила основой федеральной целевой программы. На уровне Калужской области в 1993 г. была также принята специализированная областная программа, получившая имя “Калужская область — уникальная территория”. Благодаря детальным научным проработкам перспектив сохранения и использования историко-культурного наследия, выполненным в Институте, исторический город Козельск был включен в число первоочередных шести городов, по которым осуществлялась финансовая поддержка в рамках общереспубликанской программы “Возрождение”.

Большую часть выполненных за минувшее десятилетие разработок составляют программы по историческим городам. Институтом Наследия были выполнены работы для Боровска, Козельска и Мосальска в Калужской области, Торопца в Тверской области, Верхотурья в Свердловской области, Каргополя и его окружения в Архангельской области, Берёзово в Ханты-Мансийском автономном округе, Ялуторовска, Ишима и Тобольска в Тюменской области, Суздаля и Покрова во Владимирской области, Тотьмы в Вологодской области, Сарапула в Удмуртской Республике. Результатом этих работ стали не только перспективные планы сферы культуры и сохранения наследия в отдельных городах, но и предложения по

общей стратегии развития городского хозяйства, принятие законодательных решений как на местном уровне, так и на уровне субъекта Федерации.

Пожалуй, наиболее показателен в этом отношении опыт Ялуторовска. Этот город является самым малым среди исторических городов Тюменской области (около 30 тысяч жителей) и, хотя он имеет интересные отдельные памятники архитектуры и сохранившуюся деревянную историческую застройку, тем не менее, остается малоизвестным и обычно вспоминается как место ссылки декабристов.

В 1996-1997 гг. была разработана "Комплексная программа сохранения и использования историко-культурного и природного наследия исторического города Ялуторовска и его окружения". Данная программа включала вопросы выявления историко-культурного и природного наследия города и его окрестностей, изучения культурных и хозяйственных традиций, вопросы современной стратегии культурной жизни, музейного строительства, туристского развития, систему организационных и хозяйственных мероприятий.

Обсуждение и принятие этой программы дало мощный импульс культурному развитию Ялуторовска, и данная программа стала стратегическим документом развития культуры в этом малом городе. За прошедшие годы здесь были выявлены и поставлены под охрану более 100 памятников истории и культуры, активно ведется музейное строительство. Вместо ранее единственного (и достаточно политизированного) Музея декабристов в настоящее время действуют четыре музейных центра: краеведческий музей — на основе экспозиции "Хлеб и Масло Сибири", Музей декабристов, Дом природы, учебно-музейный центр "ланкастерской" школы. В городе создан "Дом ремесел", как центр, объединяющий народных мастеров и одновременно проводящий работу по обучению детей. Активно работает Центр национальных культур (с татарским, немецким, казахским, украинским, кавказским и др. отделами). Фактически, фестивалями культуры являются ежегодные Декабристские вечера и весенний Мамонтовский фестиваль (Савва Мамонтов является уроженцем города). За последние годы в городе поставлены памятники: декабристам, С.Мамонтову, памятный знак на месте основания города, часовня с музейной экспозицией на месте разрушенного центрального собора.

На основании предложений, сформулированных в программе, были прежде всего созданы организационные и правовые предпосылки для развития

сферы культуры и сферы сохранения и использования наследия в более широком смысле. Были внесены изменения в Устав города, учитывающие специфику его развития как исторического населенного пункта, и принят на Городской Думе ряд местных законодательных инициатив, способствующих реализации программы сохранения и использования культурного и природного наследия.

На основании этих решений был разработан проект закона о программе сохранения наследия в Ялуторовске, внесенный в Тюменскую областную Думу. Этот закон был принят, его принятие не имеет precedентов в других регионах — *это первый на территории Российской Федерации законодательный акт, касающийся специфики развития малого исторического города.* (Следует сказать, что в целом по России нет ни закона об историческом городе, ни другого законодательного акта, определяющего права исторических городов, особенности их управления, использования исторической территории и объектов).

Именно благодаря данному закону и разработанной стратегической программе развития культуры стали возможными описанные изменения в Ялуторовске. Фактически данная программа позволила рассматривать деятельность в сфере наследия как одну из отраслей специализации хозяйственного комплекса Ялуторовска, которая должна в перспективе определить его лицо, его известность среди остальных городов региона и России в целом.

Бюджет города получил дополнительные источники финансирования сферы культуры. Исходя из программы, были подготовлены конкретные проекты деятельности учреждений культуры и сформулированы предложения для различных бюджетных и конкурсных заявок. Большинство этих проектов получило поддержку и финансирование. За прошедшие годы Ялуторовск смог выиграть около 10 грантов по программам разных фондов. В их числе грант на развитие музейного комплекса, грант на создание принципиально новой музейной экспозиции “Хлеб и Масло Сибири”, грант на проведение фестиваля “Декабристские вечера”, грант на формирование городского учебного центра на базе бывшей первой в Сибири школы для девочек, открытой декабристом Якушкиным, грант на работу Центра национальных культур. Ялуторовская культурная стратегия стала составной частью общей хозяйственной стратегии развития этого малого города.

В мае 2002 года в Ялutorовске состоялся форум малых исторических городов и поселений Урало-Сибирского региона, собравший около 40 представителей из 8 соседних субъектов федерации. Участники совещания высоко оценили пятилетний опыт Ялutorовска и особо отметили необходимость применения подобных подходов, связанных с сочетанием перспективных задач в сфере культуры с общей хозяйственной стратегией городского развития.

Во многих случаях аналогичные программы разрабатывались не только для исторического города, но и для всего административного сельского района: Козельск и Козельский район, Мосальск и Мосальский район, Торопец и Торопецкий район. В этом случае достаточно подробно рассматривались также перспективы развития сельских исторических поселений, проводилось культурно-ландшафтное районирование территории, определялось функциональное зонирование территории района.

Пожалуй, наиболее интересной работой подобного рода стала программа для Осташковского района Тверской области (включающего район озера Селигер). Именно эта работа дала возможность осуществить детальный анализ комплекса проблем развития сельской территории, чрезвычайно богатой памятниками истории и культуры и одновременно представляющей уникальную для России природную территорию (куда входит и верховье реки Волги). Помимо детальной оценки природного и культурного потенциала района, функционального зонирования, выделения культурно-ландшафтных комплексов в программе также были сформулированы предложения по особому статусу района Селигера. Данная работа получила высокую оценку ученых и администрации Тверской области, были предприняты шаги к установлению особого статуса Селигера, которые, однако, на том этапе не смогли быть реализованы из-за отсутствия законодательного прецедента.

Подробная работа, связанная с культурно-ландшафтным районированием территории, определением перспектив ее социального и экономического развития, а также формирования структуры рекреационной и туристской деятельности была выполнена для регионов Калужской области, на территории которых предполагалось создание национального парка "Угра". Эта работа позволила собрать и проанализировать детальную информацию о культурно-ландшафтных комплексах, об историко-культурном наследии региона, а также сформулировать конкретные предложения, которые в настоящее время используются в деятельности этого национального парка.

Значимые работы были выполнены по формированию перспектив развития усадебных комплексов. Одной из первых стала комплексная региональная программа по подмосковной усадьбе Середниково. Это один из интереснейших подмосковных усадебных комплексов. Существующий архитектурный ансамбль был создан в конце XVIII века, сохранились не только главное здание и соединенные колоннадой четыре флигеля, но также конный и скотный дворы, парк, аллеи, каскадные пруды и мосты. Это позволяет рассматривать усадьбу как целостный, практически ненарушенный комплекс. Усадьба связана с именем М.Ю. Лермонтова, со Столыпинскими, что создает возможность для интересных музейных решений. Важно отметить также, что территория вокруг усадьбы практически не тронута и насыщена разнообразными памятниками.

Именно это обстоятельство позволило рассматривать данный комплекс как объект комплексной региональной программы. Для территории двух сельсоветов была разработана перспективная программа становления здесь музейного, учебно-образовательного, туристского и историко-производственного комплекса. Центром этой деятельности являлась собственно лермонтовская усадьба с функциями музея и образовательного центра. Намечалось активное использование других объектов культурного и природного наследия региона — бывшей школы народных ремесел, связанной с именем В.И. Фирсановой, традиционного промысла краснодеревщиков, использование мемориальных мест, связанных с именами художника К. Юона, архитектора И. Леонидова. В соседних сельских поселениях предполагалось строительство малой туристской гостиницы и детского центра художественного образования. Предполагалось возрождение производственных функций конного двора, была также разработана программа сельскохозяйственного использования земель.

Программа рассматривала вопросы занятости жителей деревень, расположенных на данной территории. Она предполагала также механизмы заинтересованности в этом проекте администрации соседнего крупного поселения — спутника Москвы Зеленограда, включала также финансовый план реализации намеченных предложений. Разработанная в начале 1990-х годов, эта программа не смогла быть реализована в связи с острыми финансовыми проблемами и организационными преобразованиями системы управления на региональном уровне. Однако сейчас Середниково передано

обществу потомков Лермонтова, вместе с которым разрабатывались многие положения данной программы.

Подобный подход был предпринят и при разработке перспективной программы развития усадьбы “Ясная Поляна”. Она разрабатывалась как программа деятельности существующего музея-заповедника. Однако уже с самого начала в ней был заложен принцип комплексного регионального подхода к решению проблем как музеефикации, так и хозяйственного использования территории.

В программе было обосновано расширение границ музея-заповедника, включение в него не только мемориального усадебного парка и его окружения, но и связанных с жизнью Л.Н. Толстого сельских поселений — собственно Ясной Поляны и деревень Грумант, Козлова Засека, Кочаки. Предполагалось, что музей-заповедник сможет взять на себя функции организатора социального и хозяйственного развития территории, в том числе сельскохозяйственные работы по фруктовому саду, пасеке, конюшне, прудовое хозяйство, сформировать гостиничный и туристский комплекс собственно в Ясной Поляне, осуществлять ряд функций по социальному развитию сельских поселений.

Именно это направление было принято в качестве перспектив развития Ясной Поляны и постепенно, но четко, шаг за шагом осуществляется музеем-заповедником. Можно сказать, что именно музей-заповедник Ясная Поляна в настоящее время в наибольшей степени, чем какой-либо другой музейный комплекс или иная охраняемая культурная территория отвечает принципам развития “уникальной историко-культурной территории”.

В перспективе музеем-заповедником намечается освоение всего “толстовского пространства” Тульской области (это и бывшие усадьбы, связанные с родом Толстых, и бывший уездный город, а сейчас практически заброшенное село Крапивна). Институтом Наследия вместе с музеем-заповедником проведена очень интересная работа по ландшафтному (ландшафтно-историческому) районированию территории Тульской области, связанной с историческим районом Ясной Поляны и другими местами жизни и деятельности Л.Н. Толстого, и намечены пути музейного и хозяйственного освоения этого пространства.

Во второй половине 1990-х годов новым для Института направлением в разработке комплексных региональных программ стали исследования полей

исторических сражений. Начало этой работы связано с созданием музея-заповедника “Куликово поле” и определением основных концептуальных положений его деятельности. Поразительно, но в практике сохранения культурного наследия нашей страны еще в начале 1990-х годов фактически не были взяты под охрану поля битв (за исключением музея-заповедника “Бородинское поле”). Во многом это связано со спецификой подобного объекта, когда главным для них является не создание какого-либо музея, а сохранение именно исторического ландшафта, связанного с конкретным событием. Это можно осуществить только в рамках сохранения территории, разработки специальной региональной программы.

Именно ландшафтный, территориальный подход и был реализован в работе по Куликову полю. В 2000 году Институтом Наследия и музеем-заповедником “Куликово поле” был проведен первый в России конгресс полей исторических сражений (с участием также представителей Украины, Белоруссии, Болгарии, Польши). Задачи мемориализации полей битвы в настоящее время рассматриваются в нескольких регионах: место Невской битвы в Ленинградской области, место Ледового побоища на Чудском озере, поля сражений на территории современной Калининградской области. Очень интересная работа по выявлению и восстановлению исторических ландшафтов проводится на Бородинском поле сотрудниками музея-заповедника и Института Наследия. В 2002 году в Пскове был проведен второй конгресс полей исторических сражений.

Одна из первых работ по программе сохранения этно-экологической территории была осуществлена в Ханты-Мансийском автономном округе для региона проживания салымских хантов (Нефтеюганский район). Целью этого нового регионального проекта явилась попытка совместить задачи охраны природы с активной деятельностью по реализации задач сохранения традиционного природопользования и социально-культурного развития. Проект получил название “Создание особо охраняемой природной и историко-культурной территории “Пунси” в Ханты-Мансийском автономном округе”. Его название предложено по наименованию озера и одноименному названию поселения-юрт Пунси, что в переводе с местного хантыйского диалекта означает “утиный пух”. Предполагаемая площадь этой территории примерно 6,5 тыс. кв. км.

Предложения по созданию здесь особо охраняемой природной территории были сформулированы достаточно давно (еще в конце 1980-х годов)

по инициативе биологов-болотоведов. Территория характеризуется сочетанием природных ландшафтов, типичных для подзоны средней тайги. Болотные массивы очень разнообразны по происхождению, стратиграфии торфяных отложений, структуре растительного покрова, гидрологическому режиму. Они включают типы болот, характерные для всей подзоны средней тайги и являются репрезентативным объектом для выявления их пространственно-временных закономерностей. По выраженности процессов заболачивания эта территория является мировым феноменом.

Вместе с тем, данный проект совершенно не учитывал иное значение региона, связанное с его уникальными этнографическими характеристиками. На этой территории сохраняется традиционная культура коренного населения. Здесь существует около десяти традиционных поселений-юрт, жители которых представлены родами-семьями Каюковыми и Когончинными. Местные ханты сохранили практически все знания и навыки, связанные с традиционным образом жизни, владеют историческими технологиями и ремеслами. Уникальным для данной территории является существование самой южной в Западной Сибири популяции северного оленя. Именно здесь возможно возрождение специфического традиционного вида хозяйственной деятельности — таежного оленеводства, намного отличающегося от тундрового оленеводства и практически к настоящему времени уже утраченного в этом и других регионах России. На данной территории также существуют устойчивые популяции всех охотничье-промысловых видов, в том числе лося, выдры и соболя, что обеспечивает сохранение традиционного образа жизни.

В салымо-юганском междуречье сохранилась традиционная система расселения хантов, облик жилых и хозяйственных построек. Сохранность этого компонента этнографического ландшафта является уникальным, что видно на примере собственно поселения-юрт Пунси, где живет семья А.Д. Каюкова. Помимо жилых и хозяйственных построек (лабазов, предназначенных для хранения продуктов, печи и пр.) в структуру поселения входят: запасные лабазы, расположенные в отдалении от основного жилища; охотничьи домики; рыболовецкие домики и запруды; искусственно сооруженные в таежном лесу загоны для оленей (оленьи огороды) вместе с небольшими домиками с дымокурами, предназначенными для их спасения от гнуса; установленные ловушки для глухарей, рыбные садки и пр. Участок, зани-

маемый семьей А.Д. Каюкова, размером примерно 20 на 20 км, наполнен системой троп, проходящих как по твердым грядам, так и по болотистым участкам, на которых тропа поддерживается гатями.

Одновременно, рассматриваемая территория имеет и огромную археологическую ценность. Здесь выявлено более 200 археологических памятников (поселений, городищ, могильников, святилищ, относящихся к разным эпохам). Это очень высокая концентрация памятников для данной природной зоны, и этот участок можно назвать одной из центральных археологических зон хантыйской истории. Большая часть археологических памятников связана с предками хантов. Памятники прослеживаются по невысоким грядам, поросшим в настоящее время соснами. Древние городища являются основой для легенд, многие из которых могут быть связаны с реальной историей.

Можно утверждать, что выделенная территория является местом концентрации памятников истории и культуры, местом сохранения проживающей здесь самобытной этнической группы хантов и местом сохранения традиционного природопользования в родовых угодьях. Это уникальный участок этнографического ландшафта в его естественности и полноте. Здесь также может идти речь об изучении и сохранении "этнографического археологического ландшафта".

Сочетание на сравнительно небольшой территории этих двух важных особенностей - наличие уникального природного явления и редкого социокультурного феномена - является основанием придания этому региону особого охраняемого статуса. В условиях существующего в настоящее время законодательства и местных экономических возможностей сформулированным задачам сохранения и использования в этом регионе наследия в виде, как уникальных природных систем, так и самобытной этнической группы коренного населения может соответствовать статус природного парка (на основе закона об особо охраняемых природных территориях).

В качестве основной цели организации природного парка "Пунси", создаваемого в салымо-юганском междуречье, определена охрана природных комплексов и уникального историко-культурного наследия салымских хантов. Решение этой проблемы предполагает реализацию двух основных направлений деятельности природного парка. Первое сопряжено с выявлением природного наследия и обоснованием системы мероприятий по охране

природных характеристик данного участка. Второе направление связано с принятием мер по возрождению традиционного природопользования, сохранению традиционного образа жизни, системы расселения и архитектурных особенностей жилища хантов этого региона и организации своеобразной ландшафтной и этнографической территории.

Фактически, в качестве основной цели деятельности парка формулируется задача создания особого природно-этнографического комплекса (этнографического ландшафта), специализация которого базируется на охране уникального природного наследия, свойственного землям округа, и на сохранении и использовании специфического культурного наследия коренных жителей с привлечением ряда других видов деятельности, например, научные исследования, музейное дело, туризм.

В последние годы Институт также начал интересные работы по археологическим территориям. Необходимость их выделения также связана с тенденцией перехода от охраны и изучения отдельных археологических памятников к исследованию археологического наследия в целом. Эти территории представляют именно археологические земли (комплекс уже известных памятников и еще не изученных, но потенциально богатых археологическими объектами участков) в их единстве с природным окружением. Охрана именно всей этой территории чрезвычайно важна с точки зрения обеспечения ненарушенности земель и сохранности естественных природных компонентов: рельефа, растительности и пр. Выделение археологических территорий особенно важно в связи с возможностью создания специальных археологических музеев-заповедников.

Первая такая работа была проведена Институту Наследия в связи с обоснованием создания археологического музея-заповедника "Ирендык" в Республике Башкортостан. Предложение о создании археологического музея-заповедника в Баймакском районе высказано специалистами Научно-производственного центра охраны и использования памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Башкортостан на основе многолетней экспедиционной и аналитической работы по изучению историко-культурного наследия башкирской земли. Данное предложение обосновывается высокой концентрацией археологических памятников на сравнительно небольшой территории при очень хорошей их сохранности, а также наличием в этом регионе разнообразных археологических объектов.

К настоящему времени на рассматриваемой территории выявлено более 200 археологических и этнографо-археологических объектов. В процессе исследования возможны и новые интересные открытия. В хронологическом отношении памятники на территории музея-заповедника относятся к периодам мезолита (средний каменный век), неолита (новый каменный век), энеолита (медно-каменный век), развитой и поздней бронзы, раннего железного века, раннего и позднего средневековья и этнографическому времени. Организация здесь музея-заповедника позволяет создать условия для всестороннего научного исследования памятников, их музеефикации, формирования своеобразного эталона археологического наследия, имеющегося на территории республики.

В то же время рассматриваемый регион имеет также очень интересные природные характеристики. Здесь практически нетронутыми остаются природные ландшафты предгорий и склонов хребта Ирэндык. Район очень живописен в весеннее и летнее время. Здесь сохранились участки ковыльных степей, лесные территории, служащие убежищем для диких животных. В настоящее время данный участок не подвержен интенсивному хозяйственному освоению и сохраняет как ландшафтную самобытность, так и целостность археологических и природных ландшафтных комплексов.

Территория Баймакского района является также местом наивысшей концентрации башкирского населения среди других районов республики. Здесь ведется активная культурная работа, высоки достижения не только художественной самодеятельности, но и профессионального народного мастерства, сохраняются национальные традиции, существуют реальные возможности для возрождения отдельных направлений исторического природопользования.

Эти особенности региона послужили базой для разработки комплексной региональной программы, которая стала основой для создания историко-археологического и природно-ландшафтного музея-заповедника. Одновременно в программе были рассмотрены и возможности участия районного центра Баймака в деятельности по сохранению и использованию культурного наследия, а также перспективы формирования на юге республики обширного исторического района, включающего рассмотренные территории и первую историческую столицу Башкирии — Темясово.

Работа над этим проектом оказалась плодотворной, и он постепенно начинает реализовываться. Заинтересованность регионов в сохранении археологи-

ческих территорий в настоящее время достаточно велика, что проявилось в предложениях по дальнейшим совместным работам подобного рода для памятников Барсовой Горы в Ханты-Мансийском автономном округе, для Аркаима в Челябинской области, Каргалинским рудникам в Оренбургской области.

Ядром разработки комплексных программ в Институте стал сектор комплексных региональных программ охраны и использования культурного и природного наследия. Но практически, во всех работах участвовали сотрудники других секторов Института, привлекались специалисты местных научных учреждений и музеев, краеведы.

Первым руководителем сектора комплексных программ сохранения культурного и природного наследия (в 1992-1994 гг.) стал кандидат экономических наук *Борис Тимофеевич Лагутенко*. Специалист в сфере экономической географии он смог объединить исследования по проблемам регионального развития с вопросами чисто экономической проблематики (формирование бюджетов регионов, налоговая политика и пр.). Впоследствии он продолжил работу в органах государственной власти, в Институте экономики РАН.

С 1992 г. в секторе работает один из наиболее опытных сотрудников Института Наследия, кандидат географических наук *Ирина Петровна Чалая*. Основное направление ее работ связано с проблемами историко-ландшафтного районирования. Она являлась основным разработчиком карт историко-культурного и природного ландшафтного районирования для Тверской и Калужской областей, которые стали первым опытом подобных картографических работ в стране. И.П. Чалая осуществила разработку культурно-ландшафтного районирования во всех проводимых сектором региональных исследованиях. Она также выполняет большую работу в выделении историко-культурных территорий и комплексов памятников, в оценке культурного и природного потенциала исследуемых городов и регионов.

Десятилетний стаж работы в секторе имеет кандидат архитектуры *Ирина Германовна Иванова*. Ее опыт незаменим при анализе и оценке архитектурного наследия, при предпроектных работах по выделению зон охраны исторических городов и историко-культурному зонированию городских территорий, при анализе архитектурного своеобразия сельских поселений. Значительный методический интерес представляют ее работы по малым историческим городам, где требуется тщательный подход к анализу тради-

дионной городской среды, исторической городской планировки, к детальному изучению не столько выдающихся памятников, сколько рядовой городской каменной и деревянной застройки. И.Г. Иванова также активный участник работ по культурно-ландшафтному районированию и выделению системы историко-культурных территорий в различных регионах.

С 1993 г. в секторе работает кандидат сельскохозяйственных наук *Владимир Иванович Степенев*. Его специализация — исследование традиционных сельскохозяйственных технологий и возможностей их использования и адаптации в современных экономических условиях. Объектом исследования В.И. Степенева могут быть традиционные севообороты, региональный опыт выращивания отдельных культур, возможности возрождения кумысного производства, задачи сохранения традиций в озеленении, народная кулинария и пр. В последние годы задачи сохранения традиционного природопользования становятся весьма актуальными, поэтому часть формулируемых в секторе предложений в этой сфере находит также выражение в разработке конкретных бизнес-планов.

Большую помощь в разработке экономических разделов комплексных региональных программ оказал кандидат экономических наук *Евгений Михайлович Николаев* (руководитель сектора экономических проблем сохранения наследия и также в 1993-1997 гг. заместитель директора института). Им рассматривались вопросы экономической оценки памятников и земель, задачи определения статуса охраняемых территорий, разрабатывались проекты нормативных и законодательных документов, необходимых для утверждения программ на местном уровне, их реализации.

Следует подчеркнуть, что уже с первых работ над комплексными региональными программами большая их часть выполнялась в рамках межсекторальных исследований. Участниками совместных научных разработок стали следующие секторы: экономических проблем сохранения наследия, традиционных форм природопользования, рекреационных форм использования наследия, живой традиционной культуры, археологического наследия, экологических проблем сохранения наследия, центр документации, центр традиционных и исторических технологий.

Именно сочетание специалистов разного профиля позволило обеспечить комплексность проводимых исследований и в каждом конкретном случае грамотно выделить ключевые проблемы территории и обозначить пути их

решения. Фактически, работы над отдельными комплексными региональными программами стали заметным явлением в научной жизни института, объединили специалистов сразу нескольких секторов, а в дальнейшем эти территории послужили своеобразным полигоном для более углубленных специализированных исследований.

Разработка комплексных региональных программ в настоящее время остается одним из перспективных направлений деятельности Института Наследия. Ежегодно исследования по составлению и реализации таких программ ведутся в нескольких российских регионах. Работы по этой проблеме имеют как методическое, так и практическое значение, высок их внедренческий эффект.

Литература

Комплексные региональные программы сохранения и использования культурного и природного наследия. Под ред. Шульгина П.М. - М.: Институт Наследия, 1994. - 173 с.

Исторический город Ялуторовск: материалы к программе сохранения и использования историко-культурного наследия города и его окружения. Под ред. Шульгина П.М. - М.: Институт Наследия, 1997. - 206 с.

Чалая И.П., Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. - М.: Институт Наследия, 1997. - 286 с.

Музей-заповедник "Куликово поле": концепция развития. Под ред. Шульгина П.М. - М.: Институт Наследия, 1999. - 151 с.

Веденин Ю.А. Шульгин П.М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия академии наук. Сер. геогр., № 3. 1992. С. 90-99.

Иванова И.Г. Уникальные историко-культурные территории Козельского района // Живая культура российской провинции. Калужский край. Козельский район. - М.: Институт Наследия, 1999. С. 22-37.

Иванова И.Г. Градостроительное своеобразие Горопца и пути его сохранения // Наследие и современность. Вып. 8. - М.: Институт Наследия, 2000. С. 159-186.

Степенев В.И. Хлебные рынки России: историческое наследие и преемственность объективных принципов развития // Наследие и современность. Вып. 7. - М.: Институт Наследия. С. 31-48.

Степенев В.И. Современная аграрная реформа в России: актуальность исторического наследия в природопользовании // Наследие и современность. Вып. 8. С.138-158.

Ширгазин О.Р. География кустарной промышленности России в начале XX века // Наследие и современность. Вып. 5. - М.: Институт наследия, 1997. С. 80-91.

Шульгин П.М. Уникальные территории в региональной политике // Наследие и современность. Вып. 1. - М.: Институт Наследия, 1995. С. 9-21.

Шульгин П.М. Перспективы создания природного парка "Пунси" в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа. // Болота и люди (материалы международного семинара "Болота и археология"). - М.: Институт Наследия, 2000. С. 193-205.

Шульгин П.М. Экономическое возрождение русской усадьбы // Русская усадьба на пороге XXI века (Хмелитский сборник, выпуск 3). - Смоленск, СГПУ, 2001. С. 166-177.

БОЯРСКИЙ П.В.,

д.и.н., заместитель директора Института Наследия,

СТОЛЯРОВ В.П.,

заведующий сектором

МОРСКАЯ АРКТИЧЕСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (МАКЭ)

Одним из приоритетных направлений деятельности Института Наследия является проведение экспедиционных исследований. Институт Наследия — одно из немногих учреждений отрасли, которое осуществляет постоянные комплексные экспедиции. Это направление научной работы позволяет всегда дать интересный материал для теоретических и прикладных исследований, выявить и изучить новые памятники истории и культуры, представить всё многообразие проблем сохранения наследия конкретного региона.

С 1986 г. на островах Арктики работает Морская арктическая комплексная экспедиция. До 1992 года МАКЭ осуществляла свои исследования под эгидой НИИ культуры (ныне — Российский НИИ культурологии) и Центра “Культура и Мировой океан”. С 1992 года организатором работ МАКЭ стал Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва Министерства культуры РФ и РАН совместно с Фондом полярных исследований. В составе Института Наследия был создан исследовательский центр “Морская арктическая комплексная экспедиция”, в который входят: Сектор исследования культурного и природного наследия Арктики, Сектор исследования культурного и природного наследия Соловецкого архипелага и Беломорья, киногруппа. Кроме того, деятельность музейно-реставрационного Сектора связана, в основном, с результатами работ экспедиции. В разное время в подготовке и проведении работ МАКЭ принимали участие: Министерство культуры РФ, Министерство промышленности, науки и технологий РФ, Министерство РФ по атомной энергии, Министерство экономики РФ, Министерство обороны РФ, Российская академия наук, Администрация Архангельской области, Российский Государственный военный историко-культурный центр при Правительстве РФ, Главное управление навигации и океанографии Военно-морского флота РФ, Московский центр Российского географического общества, Цент-

ральный полигон РФ (архипелаг Новая Земля), АО “Мурманское морское арктическое пароходство”, Северное территориальное управление по гидрометеорологии и контролю окружающей среды, Комитет природных ресурсов Архангельской области, Архангельская гидрографическая база Северного пароходства, Институт океанологии имени П.П. Шишова РАН, Музей Мирового океана, Всемирный Фонд охраны дикой природы (WWF) и другие организации.

В составе МАКЭ работают: археологи, историки, этнографы, реставраторы, архитекторы, социологи, географы, картографы, экологи, биологи, океанологи, геологи, гляциологи, медики, гидрографы, радиогграфы, радиологи, водолазы-исследователи, фотографы, кино- и видеооператоры и другие специалисты. За семнадцать полевых сезонов исследования МАКЭ были проведены: на архипелагах Новая Земля и Земля Франца-Иосифа, на островах Вайгач, Колгуев, Долгий, Матвеев, Местный; на материковом побережье Большеземельской и Малоземельской тундр и пролива Югорский Шар: на побережье и островах Белого моря, включая Соловецкий архипелаг: на полуострове Канин, на полуострове Таймыр. Основные исследования МАКЭ посвящены комплексному изучению природной и историко-культурной среды Арктики и приведению историко-географических экспериментов по реконструкции событий, связанных с географическими открытиями и историей освоения Крайнего Севера России.

В рамках МАКЭ были проведены три международных экспедиции: Россия-Нидерланды (1995 г.), Россия-Нидерланды-США (1998 г.), Россия-США-Нидерланды-Германия (2000 г.).

В 1989 г. сотрудники МАКЭ начали работы по обоснованию необходимости организации комплексных историко-культурных и природных (ноотехносферных) заповедников в Арктике. Исходя из концепции сохранения целостной историко-культурной среды Арктики, сотрудники МАКЭ выдвинули идею создания единой системы особо охраняемых территорий Баренцевоморья и опубликовали соответствующую карту (1992 г.). В этот же период ими было выдвинуто предложение по созданию в Арктике (включая части территорий всех государств арктического бассейна и морскую акваторию) единой международной системы особо охраняемых природных и историко-культурных территорий под условным названием “Арктическое кольцо”. Баренцевоморье было предложено в качестве первого

региона этой международной системы. Сотрудниками МАКЭ с 1992 года подготавливалась научная база для разработки "Концепции формирования системы особо охраняемых природных и историко-культурных территорий на Новой Земле" и проекта создания "Парка Виллема Баренца" на Новой Земле (1994-1999 гг.). Разработки МАКЭ велись в тесном сотрудничестве с Всемирным фондом дикой природы (WWF) и Министерством сельского хозяйства, природопользования и рыболовства Нидерландов. На основе этих разработок МАКЭ совместно с Комитетом природопользования Архангельской области был выдвинут проект создания национального парка "Русская Арктика" (часть территории Новой Земли, архипелаг Земля Франца Иосифа и остров Виктория).

Впервые в мировой практике сотрудники МАКЭ приступили к многотомному изданию, в котором всесторонне описывается природная и историко-культурная среда Арктики: археология и история освоения архипелагов и островов, их геологическое строение, описание ландшафтов и ледников, растительности и животного мира.

В это издание включены описания объектов, обнаруженных и изученных МАКЭ: древних святилищ народов Севера с остатками каменных и деревянных идолов; старинных многометровых поморских деревянных крестов и остатков затонувших или раздавленных льдом деревянных парусных судов; остатков лагерей первооткрывателей XVI-XVIII веков, погребенных под снегом и льдом; первых полярных экспедиций к Северному полюсу XIX-XX веков из России, Австрии, Великобритании, Голландии, Италии, Норвегии, США; ненецких и поморских захоронений и могил первопроходцев; личных вещей, снаряжения, документов, оборудования участников различных отечественных и зарубежных экспедиций, обнаруженных МАКЭ; шахт и остатков лагерей ГУЛАГа на арктических островах, Соловецком архипелаге, побережье пролива Югорский Шар; памятников истории Великой Отечественной войны; памятников истории создания ядерного оружия (на территориях зоны автоматического управления и боевых полей атмосферных ядерных взрывов Центрального полигона РФ на Новой Земле); результаты радиологических исследований МАКЭ на этом архипелаге; результаты этнографических исследований народов Севера.

В многотомном издании под общим названием "Труды Морской арктической комплексной экспедиции" вышли из печати: шесть томов "Новая Земля"

(в восьми книгах: М., 1992 - 2000 гг.); первый том "Остров Вайгач. М., 2000 г."; карты и тома-указатели к ним — "Новая Земля. Природное и культурное наследие. История открытий (карта масштаба 1:1 000 000, М., 1996). "Остров Вайгач, Хэбидя Я — священный остров ненецкого народа. Природное и культурное наследие" (карта масштаба 1:200 000, М., 1999-2000 г.). Карты подготовлены сотрудниками МАКЭ и Сектора Российского национального атласа культурного и природного наследия. Вышли из печати специальные издания, посвященные созданию системы особо охраняемых территорий, и многочисленные публикации, среди которых зарубежные монографии и сборники, посвященные результатам международных исследований МАКЭ.

На основе уникальных находок МАКЭ в Институте Наследия создана музейная экспозиция. В 1998 г. МАКЭ выступила с инициативой и приступила к реализации проекта "Создания свода святилищ и сакральных мест коренных народов Севера".

В 1988 году для исследований историко-культурного и природного наследия Соловков в рамках МАКЭ был создан Соловецкий экспедиционный отряд. В ходе многолетнего изучения Соловков были открыты и описаны сотни памятников на всех крупных островах архипелага.

Исследования Соловецкого отряда МАКЭ легли в основу многочисленных научных и научно-популярных статей, отдельных томов трудов МАКЭ и монографий. Основные публикации участников отряда: Неизвестные Соловки. М., 1991. 189 с.; Соловецкие острова. Большая Муксалма. М., 1996. 238 с.; Флоренский П.В. В поисках обрывков времени // Бежин луг. 1996, № 4. С. 155-171; Колосова Г.Н. Природно-географический анализ исторических территорий. Соловецкий архипелаг. М., 1999. 110 с.; Столяров В.П. Соловецкий монастырь. Анзер и его святыни. М., 2001. 142 с.; Соловецкие острова. Духовное и культурное наследие. Карта для паломников и туристов. М., 2001.

Начальником и научным руководителем МАКЭ с 1986 года является д.и.н. П.В. Боярский (заместитель директора Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, президент Фонда полярных исследований). С 1993 года работу Соловецкого отряда МАКЭ возглавляет В.П. Столяров (заведующий сектором исследований Соловецкого архипелага и Беломорья Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва).

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ

С момента основания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия в секторе Российского национального атласа культурного и природного наследия под руководством профессора А.А. Лютого началась *разработка концепции и программы комплексного атласа “Культурное и природное наследие России”*. В процессе работы решались три основные задачи:

1) отработывалась методика картографирования культурного и природного наследия, включая разработку системы электронных знаков (условных обозначений), приёмов и методов составления карт наследия в электронной среде;

2) создавались карты наследия на определённые территории, а также по результатам экспедиционных исследований;

3) часть научно-исследовательской работы института по разработке комплексных региональных программ осуществлялась в рамках концепции и программы комплексного атласа “Культурное и природное наследие”.

Первая публикация по этой теме появилась в 1995 г. Затем полученные материалы легли в основу концепции тома “Культура и национальное наследие” Национального атласа России (НАР, 1996 г.).

Основная цель создания комплексного научно-справочного атласа “Культурное и природное наследие России”, а также карт культурного и природного наследия — дать свод современной пространственно-временной информации и знаний о культурном и природном наследии России, показать закономерности и особенности распространения и развития региональных и национальных культур, взаимосвязи и механизмы их взаимодействия и представить материал для разработки общероссийских и региональных программ по охране и использованию объектов наследия, а также, что особенно существенно, для сохранения и восстановления историко-культурной и природной среды обитания народов России.

Комплексное, в том числе географическое изучение, инвентаризация и картографирование культурного и природного наследия — дело новое и

начато в России впервые в Российском НИИ культурного и природного наследия.

Строго говоря, элементы (объекты) наследия отображались в картах давно, но это, в основном, был показ на туристских картах, планах и схемах различных памятников, редких видов растений и животных на картах охраны природы, исторических событий на исторических картах, этно-культурных сведений на этнографических картах и т.п., в том числе в комплексных и краеведческих атласах. В то время преобладали аналитические карты, отражающие, главным образом, местоположение объектов (памятников) того или иного вида. Практически никогда не картографировалась среда, в которой существовали или существуют объекты наследия (например, памятники), и главное, в картах не давалось системного представления о наследии в целом. В те годы ещё не было широкого и комплексного понимания самого термина “наследие” и методологии научно-практической работы в этой сфере.

Научные разработки и эксперименты, проводящиеся в Институте Наследия, являются своего рода пионерными. Отработка новых концепций, тем, сюжетов и новых типов карт имеет важное значение для становления и развития нового направления тематического картографирования — картографирования культурного и природного наследия. За прошедший десятилетний период определены особенности картографирования наследия, создан ряд карт наследия разного территориально-иерархического уровня и назначения.

Первые опубликованные карты были разработаны и составлены по результатам комплексных экспедиционных исследований и изучения историко-культурной и природной среды некоторых регионов. К их числу относится серия карт, созданных совместно с другими подразделениями нашего института на Баренцевоморский регион. Это опубликованные карты: “Новая Земля. Природное и культурное наследие” масштаба 1:1 000 000 и врезка к ней “История открытий и исследований” масштаба 1:2 500 000 (1995 г.), “Остров Вайгач. Природное и культурное наследие. Хэбидя Я — священный остров ненецкого народа” масштаба 1:200 000 (2000 г.).

Карта “Новая Земля. Природное и культурное наследие” с картой-врезкой “История открытий и исследований” — новое по замыслу и содержанию комплексное произведение, созданное большим коллективом авторов. Она разработана на основании оригинальных материалов Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) за период работы в Арк-

тике в 1988-1994 гг., изучения литературных, фондовых и картографических источников и при поддержке Фонда полярных исследований. В карте отражено около 300 объектов природного и 200 объектов культурного наследия. Это первый шаг в ходе реализации программы комплексного картографирования природной и историко-культурной среды Российской Арктики. Карта включает в себя геологические, геоморфологические, гидрологические, гляциологические, ботанические, зоологические и ландшафтные объекты природного наследия, которые, в свою очередь, детализируются вплоть до типов и видов.

В качестве объектов культурного наследия в карте представлены памятники археологии, истории освоения Новой Земли поморами и ненцами, зимовки, стоянки, памятные места и приметные знаки различных экспедиций или памятные знаки, посвящённые первопроходцам и исследователям, захоронения, останки судов, знаки-ориентиры, полярные станции, памятники Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., истории создания ядерного оружия и другие. Все объекты культурного наследия охарактеризованы в исторической динамике, то есть с указанием времени (периода) их возникновения.

Карта дополнена врезкой *"История открытий и исследований"* масштаба 1:2 500 000, на которой нанесены практически все маршруты различных экспедиций (В. Баренца, Ф. Розмыслова, П.М. Пахтусова, Ф.П. Литке, Г.Я. Седова и др.), места их зимовок, участки первых прибрежных топографических съёмок, полярные станции, а также примечательные события в изучении архипелага (первая зимовка, первая съёмка, первая полярная станция и т.п.), что даёт возможность получить комплексное представление об архипелаге как одном из регионов национального наследия России.

Учитывая ведущую роль МАКЭ Института Наследия и Фонда полярных исследований в изучении архипелага Новой Земли в последнее десятилетие, в накоплении ими фактологических и аналитических материалов, имеющих большое значение для науки и практики, в книге-приложении к данной карте сделан обзор основных результатов исследований архипелага МАКЭ, приведены списки участников всех экспедиций и другая полезная информация.

Карта *"Остров Вайгач. Природное и культурное наследие. Хэбидя Я — священный остров ненецкого народа"* масштаба 1:200 000 суще-

ственно отличается от предыдущей как по своему содержанию, так и по оформлению.

Остров Вайгач — по-ненецки — Хэбидя Я, что в переводе означает “Святая земля”, — осваивался русскими поморами и ненцами с XVI в. Именно здесь в те времена западные мореплаватели обнаружили ряд святилищ ненецкого народа. Это единственный в Арктике сакральный остров, который являлся местом поклонения главным божествам. С тех времён на острове развивались и взаимодействовали две культуры: поморская и ненецкая. До сегодняшнего времени сохранились многочисленные их свидетельства в виде каменных и деревянных идолов.

На данной карте впервые показано, а в книге-указателе к ней описано более 150 ценных природных объектов и 230 памятников истории и культуры острова Вайгач. Среди последних: древние святилища с каменными и деревянными идолами, поморские приметные и обетные кресты, места стоянок и захоронений, памятные места, связанные с деятельностью первопроходцев и исследователей. Таким образом, в карте выделены три культуры: ненецкая, поморская и культурный слой XX в. Из памятников двух первых культур в карте показаны (между собой отличаются цветом): становища, промысловые избы и места промысловой деятельности, стойбища оленеводов, гурии, святилища с деревянными и каменными идолами и т.п. История и культура XX в. представлена полярными и гидрометеорологическими станциями, действующими и законсервированными, базами и лагерями исследователей, посёлками и факториями, шахтами, рудниками и штольнями Вайгачской экспедиции 1931-1935 гг., маяками, остатками оборонительных сооружений Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., а также памятными местами, связанными с именами выдающихся исследователей Севера.

Из объектов природного наследия в карте выделены особо охраняемые природные территории: острова Матвеев, Голец, Долгий, Большой и Малый Зеленец, включая двухкилометровую акваторию вокруг них, являющиеся частью Ненецкого государственного природного заповедника; остров Вайгач с прилегающими мелкими островами и трёхкилометровой акваторией вокруг них, объявленный Вайгачским государственным видовым (охотничьим) заказником областного значения. Кроме того, среди природного наследия выделены геологические, геоморфологические, гидрологические, ботанические и зоологические объекты, которые детально с подразделением

на виды и типы представлены в карте. Также с подразделением на 7 форм выделены арктикотундровые ландшафты.

Изданные в комплекте, карта острова Вайгач и книга-указатель к ней дополняют друг друга и представляют собой единое законченное произведение.

В 2001 г. издана карта для паломников и туристов "Соловецкие острова. Духовное и культурное наследие" масштаба 1:50 000. Карта двусторонняя. На лицевой стороне представлены Соловецкие острова, текстовая часть и условные обозначения. В карте и легенде к ней выделены три основных блока: 1 — памятники монастырской культуры (II тыс. до н.э. — XV в.); 2 — наследие монастырской культуры; и 3 — памятники и памятные места Советского периода (1920-1990 гг.). Кроме того, показаны интересные объекты природы, гидрография и рельеф, а также современная инфраструктура. На оборотной стороне карты помещены схема пос. Соловецкий, планы Соловецкого монастыря и скитов. Карта сопровождается буклетом-указателем с краткой исторической справкой и указателем основных объектов наследия. Готовится научно-справочный вариант этой карты, в котором будут более подробно отражены объекты природного и культурного наследия.

Подготовлен авторский макет карты наследия Земли Франца-Иосифа масштаба 1:500 000, который составлен также с использованием экспедиционных материалов МАКЭ.

С середины 1990-х годов проводилась отработка методики картографирования карт культурного и природного наследия по отдельным субъектам Российской Федерации. Например, карта "Ярославская область. Природное и культурное наследие" масштаба 1:350 000 с планом города Ярославля и его исторического центра масштабов 1:25 000 и 1:10 000 соответственно, вышедшая из печати в конце 2001 г. Это первая региональная карта такого содержания.

Данная карта представляет собой свод пространственно-временной информации о наследии, а именно: археологических, архитектурных, исторических памятниках и памятниках монументального искусства, а также о других объектах природного, культурного и культурно-природного наследия в виде определённых условных знаков. Специальное содержание карты состоит из трёх разделов: природное наследие, культурное наследие и культурно-природное наследие.

Среди объектов природного наследия в карте выделены: охраняемые территории (заповедник, национальный парк, заказники и микрозаказники); геологические (обнажения геологических пород, валуны и их скопления), гидрологические и гидрогеологические памятники (реки и участки рек, озёра, ключи, родники, минеральные источники); ботанические и зоологические объекты (участки коренных лесов и лесные (генетические) резерваты).

Объекты культурного наследия в карте подразделяются на памятники археологии (стоянки, селища, городища, курганы, могильники), истории (памятные места исторических событий, места жизни и деятельности известных людей), архитектуры (комплексы памятников и ансамбли в городских и сельских населённых пунктах, монастыри, усадьбы, церкви и колокольни, общественные здания, жилые здания, промышленные сооружения), искусства (памятники, монументы).

Объекты культурно-природного наследия в карте Ярославской области представлены искусственными водоемами и их прибрежными зонами, уникальными почвами ополья, местами обитания акклиматизированных и ре-акклиматизированных видов животных, искусственными насаждениями, дендрариями, парками и лесопарками старинных усадеб, отдельными деревьями и группами деревьев, ландшафтами искусственных островов.

В целом на карте показано более 800 памятников археологии, архитектуры, истории, искусства, природы, в том числе Дарвинский заповедник, национальный парк "Озеро Плещеево", заказники и другие объекты природы. Данная карта дополняется брошюрой-указателем, представляющей собой краткую энциклопедию Ярославской области и г. Ярославля, в которой даны историческая и культурологическая справки об области и городе, приводится указатель объектов наследия как области, так и города. Карта разработана совместно с учёными и специалистами научно-практических организаций г. Ярославля.

Создана и опубликована карта "Москва. Духовное и историко-культурное наследие" масштаба 1:50 000 на весь город и центр города масштаба 1:12 500 (2000 г.). В данной карте впервые показана структура городской застройки по историческим периодам его формирования: Кремль, Китай-город, Белый город, Земляной город, Камер-Коллежский вал, Окружная железная дорога, Московская кольцевая автомобильная дорога, современная городская территория.

Подробно представлены в карте и охарактеризованы в тексте к ней памятники археологии (селища, городища и др.), памятники градостроительства и архитектуры (культовой, гражданской, промышленной), памятники истории (в том числе места, где происходили литературные и легендарные события, мемориальные кладбища), памятники монументального искусства, а также музеи, театры, гостиницы.

Здесь же показаны объекты культурно-природного и природного наследия (старинные усадебные парки, искусственные водоёмы, каналы, местонахождения редких и исчезающих видов растений и животных). Памятники архитектуры выделены стилизованными или индивидуальными художественными знаками. Для каждого памятника (цветом) указывается время (период) его сооружения.

Особое место в карте занимают культовые сооружения — монастыри, подворья, храмы и другие значимые объекты разных религиозных конфессий и, в первую очередь, Русской Православной Церкви. Храмы, являющиеся памятниками архитектуры или имеющие святыни, показаны индивидуальными знаками — рисунками, воспроизводящими их облик.

На карте даются подписи исторических частей города: старинных слобод, поселений, а также городов, сёл и деревень, вошедших ныне в черту города Москвы. Названия улиц подписаны с подразделением их на старомосковские и современные, выделены пешеходные участки.

Карта открывает новые возможности в изучении истории и культуры Москвы, в решении проблем сохранения уникального облика города. Она сопровождается брошюрой-указателем с исторической и культурологической справками, перечнем памятников с указанием их адреса и других характеристик.

В настоящее время находится в производстве (в издании) карта «Шатурский район Московской области. Культурное и природное наследие» масштаба 1:150 000. Это первая карта районного уровня. Здесь специальными условными знаками показаны объекты культурно-исторического, культурно-природного и природного наследия, а также комплексы объектов наследия в пространственно-временном аспекте. В карте помещены схемы г. Шатуры и его исторического центра, с. Дмитровского Погоста и пос. Мишеронского с отображением объектов наследия и инфраструктуры населённых пунктов. Карта разработана по заказу администрации Шатурского района Московской области и, в основном, по материалам местных краеведов.

В этой карте впервые показаны утраченные объекты наследия. К ним относятся и утраченные археологические памятники, и исчезнувшие усадьбы, церкви, места исторических поселений в современной застройке, а также старинные тракты или участки старинных дорог, узкоколейки, места утраченных объектов фабрично-заводской промышленности (XIX-XX вв.), места утраченных мельниц на реках. Новым в этой карте, по сравнению с предыдущими изданиями, является показ, например, мест древних “многослойных” поселений, мест, связанных с именами людей, причисленных к лику святых, ареалов распространения “чёрных лодок”, предположительных мест языческих капищ, мест, связанных с легендами. В населённых пунктах, которые представлены на врезках, цветом выделены участки исторической застройки — деревянной, кирпичной и смешанной. Среди объектов культурно-природного наследия впервые в данной карте показаны ландшафты первых торфоразработок. Среди объектов природного наследия в разделе “гидрологические объекты” впервые показаны ключи и родники освящённые, обустроенные, именные и т.д.; среди ботанических объектов — названия древних и современных лесных урочищ, здесь же показаны местонахождения редких для Шатурского района видов растений; среди зоологических — местообитания редких для Шатурского района видов животных.

Примером картографирования отдельной отрасли культуры может служить карта “*Москва театральная — на рубеже веков*” масштаба 1:50 000 на весь город и масштаба 1:12 500 на центр Москвы.

Цель карты — дать одному из крупнейших городов мира — столице России Москве уникальное картографическое издание, которое позволяет получить целостное представление о пространственном размещении таких объектов культуры, как театры, концертные залы, цирки, и всей театральной жизни столицы. Карта содержит в себе большой объём научно-справочной информации.

В карте специальными условными знаками в цвете показаны основные органы управления культурой — Министерство культуры России, Комитет по культуре правительства Москвы, Союз театральных деятелей, Дом актёра. Театры города, а их в Москве около 220, в карте подразделяются по видам (жанрам) на драматические; молодёжные, детские и юношеские, кукольные; оперы и балета; музыкальные, музыкально-драматические; эстрады, историко-

этнографический, пластических искусств, мимики и жеста, эксклюзивных направлений. В карте каждому жанру определён свой цвет знака.

Для полноты отображения театральной жизни Москвы в карте нашли отражение продюсерские центры, агентства и антрепризы, театральные центры и объединения, ведущие любительские студии и коллективы, музей-квартиры, дома-музеи театральных деятелей, места жизни и деятельности известных театральных деятелей, отмеченные мемориальными досками, а также памятники им. Из объектов культуры, имеющих непосредственное отношение к театральному искусству, нанесены на карту театральные и музыкальные учебные заведения, театральные библиотеки, музеи и театрально-технические фирмы.

Театральная пресса играет немаловажную роль в освещении сценического искусства и событий, связанных с ним. Поэтому в карте указано местоположение редакций и издательств специализированных театральных журналов, газет, альманахов, и прочей печатной продукции, отражающей текущую театральную жизнь Москвы. Кроме того, в карте показаны театральные рестораны и кафе, театральные кассы Московской дирекции театрально-зрелищных касс.

Из элементов городской инфраструктуры в карте выделены гостиницы, станции метро, в том числе станции метро с театральными кассами, вокзалы, а также основные архитектурно-исторические достопримечательности города и наиболее выдающиеся здания-ориентиры. Кроме того, на полях карты помещены фотографии старейших театров, а также тех, которые отметили недавно свои юбилеи.

Использование данной карты в качестве “визитной карточки” столичного города непременно усилит приток театралов, туристов к посещению учреждений культуры. Благодаря этой карте расширятся возможности комплексного изучения театральной жизни столицы специалистами различных направлений науки, культуры, бизнеса. Карта “Москва театральная - на рубеже веков” служит вкладом в изучение определённого пласта культуры - почти трёхвековой театральной жизни столицы.

Кроме рассмотренных выше карт, в секторе разработаны и созданы авторские макеты карт: “Памятники истории и культуры России” федерального уровня, “Исторические города России”, “Всемирное наследие на территории России”, “Тульская область. Культурное и природное насле-

дие”, “Смоленская область. Памятники истории и культуры”. “Москва. Памятники истории и культуры” — учебный вариант для школьников.

Проводились экспериментальные работы по созданию электронных оперативных статистических карт на основе ежегодных отчётных данных разных управлений Министерства культуры РФ для системы управления учреждениями культуры.

Изданные карты и сопровождающие их материалы, в силу своей новизны и оригинальности содержания, научного и прикладного значения займут достойное место в ряду картографических изданий, посвящённых культурному и природному наследию регионов России. Они послужат хорошим пособием для общего ознакомления с памятниками края, принесут пользу при изучении географии, истории, краеведения и других дисциплин в учебных заведениях разного уровня. Эти карты могут использоваться в комитетах по культуре и туризму, природных ресурсов и экологии, в проектных работах по дальнейшему развитию природоохранных мероприятий, а также в различных учреждениях и институтах, заинтересованных в сохранении и приумножении культурного и природного наследия для будущих поколений.

Картографирование культурного и природного наследия, формируясь в течение последних 10 лет в качестве нового научного и прикладного направления картографирования, призвано отразить пространственно-временные закономерности формирования, существования и развития наследия как целостной материально-идеальной системы в контексте культурно-исторического процесса. Накопленный опыт в подготовке к изданию и издание карт наследия являются основой для дальнейшего развёртывания (становления) нового направления тематического картографирования — картографирования культурного и природного наследия. Оно связывается, прежде всего, с многоаспектностью содержательной стороны, а также с практической значимостью комплексного изучения, сохранения и рационального использования культурного и природного наследия, восстановления нарушенных ландшафтов, историко-культурной и природной среды существования человека.

Сотрудники сектора творчески подходят к процессу картографирования. Подготовка и создание карт является результатом долгого, упорного и глубокого изучения территории картографирования и объектов наследия, детального изучения этих объектов в естественной природной среде. Так, сотрудники

сектора участвовали практически во всех экспедициях по территориям картографирования. Они работали на Соловках, Вайгаче, Новой Земле, в Московской области и других местах. Сотрудники сектора принимали участие в конференциях различного ранга, включая и международные, симпозиумах, выступали на полевых семинарах, в Русском географическом обществе.

Проведение картографических работ неоднократно поддерживалось научными грантами. Так, были получены гранты Российского фонда фундаментальных исследований на разработку и создание авторского макета карты "Ярославская область. Культурное и природное наследие", а затем выдан региональный грант на издание этой карты. Совместно с Морской арктической комплексной экспедицией был получен Президентский грант Министерства культуры РФ на издание карты "Остров Вайгач. Природное и культурное наследие. Хэбидя Я — священный остров ненецкого народа".

Работы сектора за десятилетний период отмечены премиями Министерства культуры Российской Федерации и "Европейской премией Генри Форда за сохранение культурного и природного наследия" (обе получены в 1998 г.).

В секторе из года в год проходят практику студенты Московского государственного университета геодезии и картографии (МИИГАиК). Практику прошли около 20 человек, 5 из них работали над дипломными проектами по тематике сектора (Института Наследия) и успешно защитили их. Два сотрудника сектора проходят обучение в аспирантуре.

За десятилетний период сотрудниками сектора опубликовано более 50 научных трудов, из них 6 карт. Статьи опубликованы в различных научных изданиях (сборниках, журналах) — таких, например, как "Наследие и современность", "Геодезия и картография", "Ресурсы регионов России", "Известия Академии наук. Серия географическая", "Экологический мониторинг культурного наследия: анализ и документы", "Территория". Карты, разработанные в секторе, использованы в изданиях Государственного доклада "О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации". Сотрудники сектора участвовали в создании карт культурного наследия на Приволжский федеральный округ по заказу аппарата полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе.

На данный момент в секторе Российского национального атласа культурного и природного наследия трудится 10 научных сотрудников: (8 че-

ловек с высшим образованием, 1 — с незаконченным высшим, 1 — со средним специальным). Из них 1 — доктор географических наук, 3 — кандидата географических наук; 4 человек закончили географический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 4 — МИИГАиК.

С самого начала образования Института Наследия и до своей безвременной кончины в 2001 г. сектор Российского национального атласа культурного и природного наследия возглавлял выдающийся учёный-картограф, профессор, доктор географических наук, академик Российской академии естественных наук Александр Алексеевич Лютый. Под его научным руководством начинались все работы сектора, прежде всего, концепция и программа комплексного атласа “Культурное и природное наследие России”. А.А. Лютым разработаны и опубликованы методологические статьи по картографированию культурного и природного наследия регионов, а также серия первых в истории российского картографирования карт наследия.

В планах сектора на будущее — работы в области картографирования культурного и природного наследия различных регионов России. Идёт подготовка к созданию карт на Республику Башкортостан, Оренбургскую область, некоторые районы Московской и Калужской областей. Эти регионы выбраны нами как ключевые, служащие для отработки методики картографирования объектов культурного и природного наследия. После отработки этой методики планируется издание пособия по картографированию культурного и природного наследия.

Как было отмечено в начале статьи, сотрудники сектора принимали участие в создании концепции тома “Культура и национальное наследие” 10-томного Национального атласа России (опубликована в 1996 г.), а затем в разработке концепции тома “История. Культура и национальное наследие” планируемого 4-х томного издания Национального атласа России (2001 г.). В 2002 г. разрабатывается уже программа и содержание этого тома. Федеральной службой геодезии и картографии России планируется с 2003 г. финансировать авторские работы по созданию отдельных карт (отдельных сюжетов). Разработкой содержания этих карт вплотную займутся сотрудники сектора. Создание 4-го тома Национального атласа России “История. Культура и национальное наследие” планируется осуществить за три года.

Конечная цель нашей общей работы — это создание атласа “Культурное и природное наследие России”. Издание такого фундаментального труда позволит дать целостную картину ресурсов культурного и природного наследия страны и отдельных её частей, использовать его в качестве инструмента в практической деятельности по социально-экономическому развитию российских регионов. Использование комплексной картографической информации повышает эффективность разработки ряда общенациональных и региональных программ в области изучения, охраны и рационального использования культурного и природного наследия. Комплексные карты необходимы при подготовке нормативных, регламентирующих, законодательных и других документов различного назначения, в поиске путей рационального использования наследия, в том числе туристского и рекреационного, в деле рекламы и пропаганды объектов наследия; в процессе перспективных исследований в сфере его охраны и использования. Атлас предназначенся работникам науки, культуры, преподавателям и студентам вузов, краеведам, работникам сферы управления в центре и на местах, а также всем, кто заинтересован в изучении истории и культуры России, сохранении и приумножении наследия для будущих поколений.

Литература

1. Веденин Ю.А., Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В. Российский национальный атлас культурного и природного наследия (к постановке вопроса) // Ориентиры культурной политики. Информ. вып. № 2. - М.: ГИВЦ МК РФ, 1993. С. 44-51, 82-88.
2. Веденин Ю.А., Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В. Культурное и природное наследие России (Концепция и программа комплексного атласа). М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1995. - 119 с.
3. Веденин Ю.А., Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В. Основные положения концепции Российского атласа культурного и природного наследия // Наследие и современность: Информ. сб. Вып. 1. - М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1995. С. 22-48.
4. Ельчанинов А.И., Лютый А.А., Петров П.В., Свешников В.В. Электронные карты для системы управления учреждениями культуры // Геодезия и картография. № 9. М.: 1995. С. 36-40.

5. Лютый А.А., Бронникова В.К., Бондарчук С.В., Гайшинец Е.В., Ельчанинов А.И., Свешников В.В., Срединская О.А. Карты культурного и природного наследия регионов // Памятники истории, культуры и природы Европейской России: Тезисы докладов VI научн. конф. "Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России" (Нижний Новгород, сентябрь 1995 г.). Нижний Новгород, 1995. С. 141-142.

6. Основные положения Концепции Национального атласа России: Проект / Авторы А.А. Лютый, В.В. Свешников, А.И. Ельчанинов и др. Научн. рук. разработки А.А. Лютый, В.В. Свешников. М.: Роскартография, 1996. - 24 с.

7. Концепция Национального атласа России: Проект / Авторы А.А. Лютый, В.В. Свешников, А.И. Ельчанинов и др. Научн. рук. разработки А.А. Лютый, В.В. Свешников. М.: Роскартография, 1996. - 96 с.

8. Лютый А.А., Бронникова В.К., Бондарчук С.В., Гайшинец Е.В., Ельчанинов А.И., Свешников В.В., Коробова О.А. Карты культурного и природного наследия регионов России // Наследие и современность: Информ. сб. Вып. 3. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1996. С. 15-30.

9. El'chaninov A.I., Bronnikova V.K., Boyarsky P.V., Liouty A.A., Sveshnikov V.V., Korobova O.A., Zelentsov I.O. The Map "Novaya Zemlya. Natura and Cultural Heritage. The History of Exploration" // Abstracts. Barentsburg, 1996, p. 11.

10. Боярский П.В., Лютый А.А., Бронникова В.К., Ельчанинов А.И., Зеленцов И.О., Коробова О.А., Свешников В.В. Карта "Новая Земля. Природное и культурное наследие. История открытий" // М.В. Ломоносов и национальное наследие России. Тезисы докл. междунар. научн. конф., посвященной 285-летию со дня рождения великого русского ученого М.В. Ломоносова. Ч. IV.: М.В. Ломоносов: история и культура Европейского севера России (Архангельск, 1996 г.). Архангельск: Архангельский центр РГО РАН, 1996. - С. 160-162.

11. Карта "Новая Земля. Природное и культурное наследие. История открытий" / Отв. ред. П.В. Боярский, А.А. Лютый. Авторы: П.В. Боярский, Д.Д. Бадюков, В.К. Бронникова, Н.В. Вехов, С.В. Гусев, А.И. Ельчанинов, Ю.С. Захаров, И.О. Зеленцов, Л.Г. Пovyшева, О.А. Коробова, А.Н. Кулиев, А.В. Лапо, В.И. Лепский, А.А. Лютый, Ю.Л. Мазуров, А.М. Матущенко, Е.А. Саликов, В.Г. Сафронов, В.В. Свешников, В.В. Тепляков. Односторонняя, многокрасочная. Тираж 1000 экз. С.-Петербург: Российский НИИ культурного и природного наследия, ГУНИО МО РФ, 1997.

12. Ельчанинов А.И., Бронникова В.К., Лютый А.А., Свешников В.В. Картографирование культурного и природного наследия — новое направление тематической картографии в России // Картография на рубеже тысячелетий: Доклады I Всероссийской научной конференции по картографии (Москва, 7-10 октября 1997 г.). М.: Институт географии РАН, 1997. С. 281-286.

13. Веденич Ю.А., Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В. Атлас "Культурное и природное наследие России" // Картография на рубеже тысячелетий: Доклады I Всероссийской научной конференции по картографии (Москва, 7-10 октября 1997 г.). М.: Институт географии РАН, 1997. С. 294-300.

14. Boyarsky P.V., Bronnikova B.K., El'chaninov A.I., Korobova O.A., Liouty A.A., Sveshnikov V.V., Zelentsov I.O. Map "Novaya Zemlya. Natural and Cultural Heritage. History of Discoveries" // Barents. Spitsbergen. Arktika: Труды Международной конференции (Barentsburg, 1996). М.: Институт археологии РАН, 1997. Р. 49-51.

15. Boyarsky P.V., Liouty A.A., El'chaninov A.I. Mapping of the Barents sea region // Willem Barents Memorial Arctic Conservation Symposium - Abstracts (Moscow, Russia, 10-14 March 1998). М.: Институт Наследия, 1998. С.167, 169.

16. Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В. Том "Культура и национальное наследие" Национального атласа России // Современное состояние и перспективы развития геодезии, фототопографии, картографии и геоинформационных систем / Тезисы докладов юбилейной научно-тех. конференции, посвященной 850-летию г. Москвы (Москва, ЦНИИГАиК, сентябрь 1997 г.). Ч. 3. М.: ЦНИИГАиК, 1998. С. 127-129.

17. Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В. Том "Культура и национальное наследие" Национального атласа России // Современное состояние и перспективы развития геодезии, фототопографии, картографии и геоинформационных систем / Материалы (доклады) юбилейной научно-тех. конференции, посвященной 850-летию г. Москвы (Москва, ЦНИИГАиК, сентябрь 1997 г.). Ч. 3. М.: ЦНИИГАиК, 1998. С. 116-120.

18. Ельчанинов А.И. Физико-географическое описание полуострова Панькова Земля / Труды Морской арктической комплексной экспедиции под общ. ред. П.В. Боярского // Новая Земля: Природа, история, археология, культура. Кн. 1.: Природа. - М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1998. - С. 234-237.

19. Ельчанинов А.И., Лысенкова У.А., Свободина Л.В. Памятники истории освоения Новой Земли (результаты экспедиционных исследований МАКЭ в 1995 г.) // Труды Морской арктической комплексной экспедиции под общ. ред. П.В. Боярского // Новая Земля: Природа, история, археология, культура. Кн. 2. Ч. 1. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1998. С. 133-151.

20. Боярский П.В., Лютый А.А., Ельчанинов А.И. Картографирование Баренцевоморского региона // Охрана природы Арктики - Тез. докл. симпозиума памяти Виллема Баренца (Москва, 10-14 марта 1998 г.). М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1998. С. 168, 170.

21. Бронникова В.К., Бондарчук С.В., Ельчанинов А.И., Лютый А.А., Свешников В.В. Картографирование культурного и природного наследия Ярославской области // Природные территории и устойчивое развитие в Центре Русской равнины: Сб. материалов двух межвед. конф. по Центральному региону РФ (1997, 1999 гг.). М.: Изд-во ЦОДП, 1999. С. 32-33.

22. "Остров Вайгач. Хэбия Я — священный остров ненецкого народа. Природное и культурное наследие": Указатели, пояснительный текст к карте, справочные сведения / Под ред. П.В. Боярского, А.А. Лютого. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1999. - 128 с.

23. Карта "Остров Вайгач. Природное и культурное наследие. Хэбия Я — священный остров ненецкого народа" Масштаб 1:200 000 /Отв. ред. П.В. Боярский, А.А. Лютый. Авторы: П.В. Боярский, В.К. Бронникова, Н.В. Вехов, К.Л. Виноградова, А.И. Ельчанинов, Ю.С. Захаров, И.О. Зеленцов, О.А. Коробова, А.Н. Кулиев, А.А. Лютый, А.А. Парамонова, В.В. Свешников, В.П. Столяров, С.В. Яковлева. Односторонняя, многокрасочная, 100x70 см. Тираж 1000 экз. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 2000.

24. Карта "Москва. Духовное и историко-культурное наследие". Масштаб 1:50 000, Центр города - 1:12 500 / Отв. ред. А.А. Лютый, А.И. Ельчанинов, В.В. Свешников. Авторы: А.А. Лютый, В.К. Бронникова, А.Г. Векслер, А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов, О.А. Коробова, А.А. Парамонова, Н.Н. Романов, В.В. Свешников, А.Н. Швецов, С.В. Яковлева. Двусторонняя, многокрасочная, 100x70 см. Тираж 6000 экз. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 2000.

25. "Москва. Духовное и историко-культурное наследие": краткая историческая справка, указатель улиц и объектов наследия к карте / Отв. ред. А.А.

Лютый, А.И. Ельчанинов, В.В. Свешников. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 2000. - 28 с.

26. Боярский П.В., Ельчанинов А.И., Лютый А.А. Картографирование культурного и природного наследия Баренцевоморского региона: опыт и перспективы // Картография XXI века: теория, методы, практика: Доклады II Всероссийской научно конференции по картографии, посвящённой памяти А.А. Лютого (Москва, 2-5 октября 2001 г.). М.: Институт географии РАН, 2001. С. 322-330.

27. Ельчанинов А.И., Бронникова В.К., Свешников В.В. Карта "Москва. Духовное и историко-культурное наследие" перспективы /Картография XXI века: теория, методы, практика // Доклады II Всероссийской научно конференции по картографии, посвящённой памяти А.А. Лютого (Москва, 2-5 октября 2001 г.). М.: Институт географии РАН, 2001. С. 385-390.

28. Ельчанинов А.И., Зеленцов И.О., Парамонова А.А. Карта "Москва театральная — на рубеже веков" / Картография XXI века: теория, методы, практика // Доклады II Всероссийской научно конференции по картографии, посвящённой памяти А.А. Лютого (Москва, 2-5 октября 2001 г.). М.: Институт географии РАН, 2001. С. 390-393.

29. Ельчанинов А.И., Свешников В.В. Состояние нового направления в тематической картографии России — картографирование культурного и природного наследия /Картография XXI века: теория, методы, практика // Доклады II Всероссийской научно конференции по картографии, посвящённой памяти А.А. Лютого (Москва, 2-5 октября 2001 г.). М.: Институт географии РАН, 2001. С. 393-397.

30. Карта "Ярославская область. Природное и культурное наследие". Масштаб 1:350000 / Отв. ред. А.А. Лютый, В.К. Бронникова. Ред. А.И. Ельчанинов, В.В. Свешников. Авторы: В.К. Бронникова, Е.В. Гайшинцев, Г.В. Глушкова, В.В. Горохова, А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов, Л.А. Князьков, Е.Ю. Колбовский, О.А. Коробова, А.А. Лютый, М.В. Осипова, А.А. Парамонова, В.А. Петров, В.В. Свешников, С.В. Яковлева. 1 л. (2 с.). Многокрас. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2001.

31. "Ярославская область. Природное и культурное наследие": указатель к карте / Отв ред. А.А. Лютый, В.К. Бронникова. Редакторы-составители А.И. Ельчанинов, В.В. Свешников. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2001. - 80 с.

32. Карта "Соловецкие острова. Духовное и культурное наследие". Карта для паломников и туристов. Масштаб 1:50000 / Отв. ред. П.В. Боярский, А.А. Лютый, В.П. Столяров. Авторы: П.В. Боярский, В.К. Бронникова, А.И. Ельчанинов, Ю.С. Захаров, И.О. Зеленцов, Г.Н. Колосова, О.А. Коробова, М.Е. Кулешова, А.А. Лютый, С.В. Морозов, А.А. Парамонова, Л.И. Проурзин, Е.А. Саликов, В.В. Скопин, В.П. Столяров, Н.Н. Черенкова. - 1 л. (2 с.). Многокрас. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2001.

33. Карта "Москва театральная — на рубеже веков". Масштаб 1:50000, Центр города - 1:12500 / Отв. ред. А.И. Ельчанинов, В.К. Бронникова, В.В. Свешников. Ред. И.О. Зеленцов, А.А. Парамонова. Авторы: В.К. Бронникова, А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов, Н.А. Калмыкова, А.А. Лютый, Д.А. Никишин, А.А. Парамонова, В.В. Свешников. - 1 л. (2 с.). Многокрас., 100x70 см. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2001.

34. *Ельчанинов А.И., Бронникова В.К., Свешников В.В.* Карта "Ярославская область. Природное и культурное наследие" / Проблемы формирования региональных систем особо охраняемых природных территорий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции "Эколого-экономические аспекты развития региональных систем особо охраняемых природных территорий", Ярославль, 25-26 октября 2001 г. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2001. С. 68-73.

35. *Ельчанинов А.И., Свешников В.В.* Атлас "Культурное и природное наследие России" / Ресурсы регионов России. М.: ВНИИЦ, 2001. № 6. С. 40-43.

36. Карта "Шатурский район Московской области. Культурное и природное наследие". Масштаб 1:150 000 / Отв. ред. В.К. Бронникова. Авторы: В.К. Бронникова, И.О. Зеленцов, А.И. Ельчанинов и др. - 1 л. - многокрас., 50x95 см. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2002 (готовится к изданию).

ПЛУЖНИКОВ В.И.,

к. иск., заведующий центром

ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЦИИ НАСЛЕДИЯ

Это подразделение Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва в первое время имело более развёрнутое название — с определением “научно-методический”. Такая добавка к названию связана с тем, что Центр документации наследия (ЦДН) получил обширные архивные фонды Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР. В 1963 г. эту организацию, возникшую в 1940-е гг., переподчинили Министерству культуры СССР, а после распада Советского Союза, с января по июнь 1992 г., она входила в систему Министерства культуры Российской Федерации.

Унаследованные документы и иные материалы (например, печатные издания пленумов и конференций) исчисляются тысячами единиц хранения. В них содержится разнообразная информация о памятниках архитектуры, монументального искусства, археологии, истории, а также о системе государственной охраны историко-культурного наследия, реставрационных организациях и музеях (главным образом, послевоенного периода советской эпохи). Такие материалы с большой полнотой охватывают все республики, входившие в Советский Союз, за исключением Узбекистана, которому пришлось передать учетные документы на памятники общесоюзного значения Узбекской ССР. Передача произошла на основании письма Министерства культуры Российской Федерации от 27 января 1992 г.

Определение “научно-методический” было со временем изъято из названия Центра документации наследия не только для краткости. Прежний вариант произвольно напоминал о прекратившем существование Научно-методическом совете и создавал неуместную иллюзию о продолжении его функций. Это было неправильно не только потому, что уже возник новый Научно-методический совет, но и потому, что объединение научной общественности не стало обязанностью Центра, а круг его профессиональных интересов между тем расширился. Сюда, прежде всего, надо было ввести памятники природы, далеко не всегда совпадающие с природными элементами при памятниках культуры.

В своём развитии Центр документации наследия неизбежно должен быть отразить необычайную широту разноаспектной информации, которая отличает Институт Наследия от научных учреждений, причастных к историко-культурному наследию и возникших раньше. В соответствии с этим различием постепенно перестраивалась и работа Центра документации наследия. В расширенный ассортимент явлений, которым он должен уделять внимание, теперь должны входить и уникальные физико-географические территории, и результаты инженерно-конструкторского творчества, и свидетельства перемен в промышленной технологии.

Архивы НМС были своего рода уставным капиталом для Центра документации. Но чрезмерная зависимость от наследия этого “уставного капитала” подавила бы личные профессиональные склонности и научные интересы штатных сотрудников ЦДН, а также отдалила бы их от перемен в жизни страны и большой науки.

Сильные профессиональные кадры экономико-географов, собранные в штате Института Наследия, влияют на перспективы сотрудничества Центра документации наследия с другими подразделениями Института. Перспективным союзником в работе Центра документации наследия представляется институтский Сектор комплексных региональных программ охраны и использования культурного и природного наследия. Проводимый в этом секторе глубокий многогранный анализ крупных архитектурно-ландшафтных и историко-природных образований мог бы объединиться с детальным анализом и описанием отдельных архитектурных объектов, в многолетней работе с которыми сотрудники ЦДН накопили полезные навыки.

Первые пробы такого сотрудничества показали, что оно было бы особенно плодотворным в малых русских городах с историческим прошлым, особенно в тех, которым в советское время понизили статус (например, бывшие уездные города Покров и Епифань, теперь ставшие заштатными — ниже ранга райцентра). Связанное с этим снижение экономических возможностей в своё время спасло их историко-архитектурную основу от оголтелого тотального обновления в эпоху индустриализации и иных форм гипертрофированного социалистического строительства, а также нигилистического пренебрежения к духовным ценностям прошлого. Достаточно вспомнить областной (бывший губернский) центр Владимир с разношёрстной суммарной панорамой и подчинённый ему райцентр (в прошлом уездный город) Суздаль.

До недавнего времени Центр документации наследия силами своих сотрудников и общественных помощников проводил изучение памятников культуры и природы, прежде всего, по архивным источникам и литературе давних лет. Появление институтского Сектора электронных публикаций стимулирует натурные исследования историко-архитектурных памятников сотрудниками Центра документации наследия и открывает новые возможности в пропаганде историко-культурного наследия. Помимо прочего цифровая фотосъёмка способна передать постепенное и плавное движение взгляда по сложной поверхности, насыщенной информацией: например, по росписи сводов и стен.

Вместе с Сектором электронных публикаций Центр документации наследия начал обследование архитектурных памятников Рязани и Сергиево-Посадского района Московской области, которое должно закончиться выходом научно-просветительских компакт-дисков об этих зонах большого скопления архитектурно-художественных ценностей. В отличие от привычных полиграфических изданий электронный способ позволяет без дорогостоящей цветной печати, без трудоёмкой ретуши и без дополнительной печатной площади сопоставлять полихромную фиксацию нынешнего вида памятника и его реконструктивно-аналитический облик с той же точки съёмки. На таком снимке можно тактично и вместе с тем отчётливо выявить разными способами позднейшие наслоения и грамотное воссоздание утраченных первоначальных частей.

На сравнительно раннем этапе своего существования Центр документации наследия предпринял значительные усилия по созданию собственной электронной базы данных о всевозможных памятниках культурного и природного наследия, а также о юридических документах, на которых основаны учёт, охрана, использование и восстановительные работы как по Российской Федерации в целом, так и по её отдельным регионам. По одной только типологии архитектурных форм база данных Центра документации наследия имеет около тысячи ключевых слов, значительно превосходя аналогичные базы в других местах нашей страны и за рубежом. Эта работа дала известные результаты, но осталась малоприметной для широкой научной общественности, несмотря на большую трудоёмкость.

Сформированная в Центре документации наследия база данных по законодательным документам, касающимся наследия, позволила сотрудникам Центра документации наследия проанализировать по просьбе Министерства культуры

РФ передачу религиозным объединениям в 1995-2000 гг. памятников истории и культуры. В этот период одни государственные предписания противоречили другим, отчего в первую очередь страдало архитектурно-художественное наследие. С июня 1995 г. по ноябрь 2000 г. было выпущено около 430 таких распоряжений. На их основании различным конфессиональным организациям и объединениям в безвозмездное пользование передано свыше 560 объектов, включая единичные и комплексные памятники. В одной лишь Московской области за этот период было передано 192 объекта. На ряде территорий Российской Федерации обращались в Министерство культуры лишь в тех случаях, когда памятники передавались неправославным конфессиям. А православные объединения быстро почувствовали себя единоличными и полновластными хозяевами произведений искусства, которые ещё недавно считались общенародной собственностью.

Ситуация в стране, радикально изменившись за последние 10–15 лет, выдвинула ряд серьёзных проблем, которые не возникали перед работниками охраны и реставрации памятников в годы советской власти. Резкий переход от коммунистического прессинга на религиозные организации к демонстративному благочестию влиятельных лиц привёл к ряду издержек в закономерном возрождении традиционной духовности. Многочисленны факты недавнего самоуправства церковных деятелей в отношении памятников архитектуры и монументального искусства.

По ряду причин (прежде всего экономических) пополнение информационных фондов о памятниках наследия приобрело в последние годы весьма спорадический характер. Не только экономические причины, но и стремление к гибкости в работе побуждают Центр брать самую разнообразную документацию о наследии, по возможности переводя её в электронную форму.

Помимо постепенного перевода информации о разнообразных памятниках по всем российским регионам, рассчитанного на долгие годы, Центр документации наследия начал разработку обширной, но всё же обозримой архитектурно-типологической темы “Интерьерные часовни”. В последнее десятилетие значение этого малоисследованного вида культовой архитектуры существенно возросло в связи с возрождением религиозной культуры в постсоветской России. Иллюстративный материал о часовнях докоммунистической эпохи, сопровождаемый историческими справками, перечнями ключевых слов, типологическими подборками и картографически-

ми врезками, предполагается издать в виде альбомов, которые покажут нашим современникам и потомкам разнообразие данного вида национального зодчества и предоставят достойные аналоги для возведения новых построек того же назначения. В подготовке картографического сопровождения ЦДН рассчитывает на поддержку другого институтского сектора — работающего над созданием Национального атласа культурного и природного наследия России. Есть надежда, что такая публикация ослабит антиисторичные тенденции в новейшем церковном строительстве и поможет сберечь традиционный колорит в облике российских населённых мест.

К 2002 г. Центр документации наследия собрал и перевёл в электронную Базу данных основу: текстовую и иллюстративную информацию (во многих случаях включая обмерные планы) примерно на двести сохранившихся часовен на европейском Русском Севере. Даже предварительное сопоставление их меняет распространённые суждения о патриархальном архаизме северных часовен: разноаспектные их подборки по наличию колокольни либо довольно развитого иконостаса (кстати, эти признаки редко сосуществуют в одной и той же часовне), а также по формам классицизма (например, шпили, сфероидные купольные покрытия, фронтоны, портики, пилястры, ордерные капители, мутулы, руст, итальянские и рисованные окна). С непривычки удивляет их обилие на территории, которую считали свободной от столичных вкусов 19—20 веков.

Предполагается, что в первый выпуск задуманного издания войдут северные и сибирские часовни, притом не только уцелевшие, но и известные по старинным изображениям. В этой работе, прежде всего, используются собственные фонды Центра документации наследия, паспорта для Свода памятников, составлявшиеся с конца 1960-х гг., и документация за все послевоенные годы, накопленная в Министерстве культуры Российской Федерации.

С 2001 года Центр документации наследия расширил тематику своих фондов, включив в неё этнокультурное наследие — свидетельства о своеобразии национальных и религиозных культур, которые должны уцелеть даже при малочисленности их носителей. Русская культура и русская история приоритетны в профессиональных занятиях Центра документации наследия. Русская нация — титульная нация нашей огромной страны. Однако культурное наследие России нелепо сводить только к русскому. Огромная российская территория объединила разнохарактерные коренные

культуры и время от времени предоставляла заезжим мастерам рабочие места. Культура сильного народа с большим творческим потенциалом (а русский народ, безусловно, принадлежит к этой категории) обогащается от таких контактов, переплавляя сторонние навыки для своих потребностей. Эволюция русского языка — одно из доказательств этого утверждения.

Нельзя бесстрастно относиться к затяжной кровопролитной войне на Северном Кавказе, и очень опасно потакать ксенофобии, которая легко маскируется под бескомпромиссный патриотизм. Сегодня согласие и взаимопонимание между народами исключительно актуальны. Едва ли не в первую очередь это относится к межконфессиональным диалогам, в частности, к христианско-исламским. На своеобразии России веками влияло динамичное взаимодействие православного христианства и ислама. Христианам и мусульманам присуща духовная общность на базе авраамического монотеизма. Нынешний информационный материал, собранный сотрудниками Центра документации наследия, выявил паритетность в возрождении религиозной жизни и связанного с ним восстановления конфессиональной инфраструктуры — открытия храмов, монастырей, духовных школ, включая возвращение религиозным общинам памятников православной и мусульманской архитектуры, восстановление православных и мусульманских памятников на первостепенных историко-культурных территориях — в Казанском и Астраханском кремлях, на городище Булгара Великого. Мусульманская общественность (включая духовенство) участвует в восстановлении таких православных храмов, как Благовещенский собор в Казани, собор Рождества Богородицы в Уфе, Владимирский собор в Астрахани. С другой стороны, представители православной культуры участвуют в воссоздании мечети Кул Шариф в Казани и Белой мечети в Астрахани.

В Центре документации наследия подготовлен сборник научных очерков (суммарный объём 19 авт.л.) о разных аспектах этнокультурного сотрудничества русских с исламистами в разные периоды истории, об участии магомедан в защите России от внешних врагов, о мирном сосуществовании православия и мусульманства на территории нашей страны, о русских переводчиках корана и исследователях ислама (один из них — отец известного государственного деятеля А.Ф. Керенского). Книгу завершит подборка аннотированных иллюстраций об архитектуре действующих мусульманских храмов в наши дни в разных российских регионах.

Ислам — самая молодая из конфессий глобального масштаба. К древнейшим относится буддизм — едва ли не самая бесконфликтная религия мирового значения. Её исповедует ряд народов как в азиатской, так и в европейской части России. Самый мощный анклав северного буддизма (точнее, ламаизма) — Забайкалье. В Центре документации наследия подготовлен (помимо статей для научных сборников) иллюстрированный словарь энциклопедического типа, посвящённый бурятско-ламаистской художественной культуре (объём 7 авт.л.) — яркому оригинальному вкрапленю в сибирско-славянское окружение.

До сих пор далека от полной изученности культура славянских народов. Для частичного заполнения этого пробела Центр документации наследия ведёт фрагментарное исследование белорусской архитектуры, которое соприкасается с упомянутым выше сбором данных о русских часовнях. Информация о белорусских часовнях (на их облик влияла и русская православная культура, и польская католическая), к сожалению, сегодня добывается из книг и архивов, а не с натуры, хотя в советское время штатные сотрудники ЦДН обследовали на месте такие объекты. Белорусская культура оказала особенно благотворное влияние на русскую в конце 17 — начале 18 в.: в богатой и сложной резьбе иконостасов, в фигурных изразцах, в исключительно важном и продуктивном переходе России на гражданский шрифт. Сама белорусская культура того времени существовала в тяжёлых условиях, будучи диссидентской в глазах польской администрации, но сумела извлечь из неё формы и приёмы, не свойственные своему восточному соседу, с которым в начале 2-го тысячелетия составляла цельную общность.

Белорусское зодчество косвенно сопоставляется с польским и русским (а заодно с английским, венгерским, испанским, итальянским, немецким, французским, чешским) и в другом печатном издании Центра документации наследия, которое должно выйти в свет до конца 2002 г. — в иллюстрированном 10-язычном словаре 350 терминов европейской архитектуры.

Центр документации, при поддержке администрации Института, старается развивать свою издательскую деятельность. Она расширяет деловые контакты с иными организациями и стимулирует общественный интерес к забытым объектам наследия и его непривычным видам. Особое значение Центр документации наследия придаёт ежегодному изданию иллюстрированного научного сборника “Архив наследия”. Это издание не только делает достоянием научной обще-

ственности разнообразные изыскания с историческим уклоном, подтверждённые архивными материалами, но также служит объединению разрозненных научных сил в нашей стране и распространяет представления о большой многогранности и смысловом наполнении понятия “наследие” — гораздо шире, чем считали в советское и дореволюционное время.

Сборник начал формироваться в 1999 г. В его первых четырех выпусках (в среднем по 15 авт.л.) большое место отводится архитектурному наследию. На этом направлении материалы сборника знакомят со сложной историей создания и переделок Большого кремлёвского дворца, со строительно-художественной биографией МХАТа, с утраченными произведениями зодчества в Смоленской области и древнем восточно-сибирском городе Илимске, затопленном ради возведения Усть-Илимской ГЭС; со всеми уцелевшими архитектурными памятниками сибирского города Енисейска, с отдельными памятниками зодчества на Орловщине и во Владимирской области, в Тамбове и Сызрани, с градостроительной эволюцией Сызрани, с природными раритетами в имении знаменитой Салтычихи. Материалы сборника рассказывают о малоизвестных усадебных постройках рядом со знаменитым шатровым храмом в селе Остров; об архитектуре русских питейных домов и тюрем 18 в.; о перипетиях с музеефикацией Домика Петра I в Голландии и “Кутузовской избы” в Филях; о влиянии православной архитектуры на буддийскую, о функциях цвета в бурятской культуре; о реконструкции Выборгской крепости в 19 в.; о храме, который по желанию П.П. Ершова (автор “Конька-Горбунка”) был выстроен на его родине в Сибири; о русском зодчестве в Манчжурии, о дворце последнего корейского императора, построенном русским архитектором Серединым; о трофейных изображениях главного архитектурного произведения нацистского периода в Германии; о переменах в историко-художественных установках при воспитании московских зодчих 19 в., об их воспитателях, о художественных вкусах в дворянских усадьбах накануне отмены крепостного права; о строительной-хозяйственной деятельности знаменитого полководца А.В. Суворова в собственном имении, об архитекторах Ф. Штенгеле, А. Мельникове, Ф. Тольцинере.

Из статей со скульптурной тематикой можно узнать о московских памятниках германским государственным деятелям и о неожиданных перипетиях в судьбе крупного произведения швейцарского скульптора А. Трип-

пеля. В статьях сборника уточняются национальные корни Арнольфа, личного врача Ивана Грозного и М. Сердюкова — знаменитого строителя Вышневолоцкой водной системы при Петре I.

Про организацию охраны российских памятников старины повествуют стенограммы пленума Научно-методического совета (первого форума защитников историко-культурного наследия), первая детальная инструкция по учёту памятников старины, архивные документы о трудностях охраны исторического и художественного наследия в царской России, о противодействии работников охраны памятников нигилизму властей в первое десятилетие советской власти, о безуспешной борьбе населения против сноса классицистического собора в Златоусте, о художнике и музейном работнике Мушкетове, обвинённом в коллаборационизме и вычеркнутом из общественной памяти.

Разнообразно представлена историческая тематика, не имеющая прямого отношения к пространственным искусствам. Она главенствует в статьях о проведении больших празднеств в московском Кремле в 19 в., о ярмарках на Русском Севере и о строительстве одной из последних железных дорог царского времени (с использованием труда военнопленных), о ятроматематике в России и начале отечественного пути в астрономию, о фальсифицированной “Влесовой книге”.

Двадцатое столетие стало минувшим. Более полувека отделяют нас от Великой Отечественной войны — едва ли не самого напряжённого периода в жизни России и не познанного до конца по сей день. Статьи в сборнике ЦДН знакомят читателей с малоизвестными памятниками отчаянной обороны Москвы осенью 1941-го, с конкурирующими материалами об авторстве песни “Священная война”, с пособием для бомбардировки Берлина, подготовленным советской разведкой в период номинальной дружбы между СССР и нацистской Германией, со справочным томом для выявления гитлеровских генералов и фельдмаршалов среди пленных и убитых.

Из тёмных сторон советской истории статьями сборника освещён инцидент с Лениным, который в тяжёлое для советской страны время внезапно поехал на дальнюю охоту; сообщается о разгроме советского краеведения, о выдающихся деятелях советской культуры, ставших узниками Соликамских лагерей, и о подневольных строителях Московского государственного университета на Ленинских горах — самого значительного архитектурного

произведения в конце сталинской эпохи. Подготовлены статьи о тех, кто решительно не принял большевистскую систему — о генерале М.В. Алексееве (фактическом создателе Белого движения) и уцелевших архитектурных памятниках в Смоленске, связанных с его именем; о морских офицерах царской армии, воевавших против большевиков в азиатской части России и против республиканцев в испанской гражданской войне.

Центр документации наследия, создавая выпуски сборника “Архив наследия”, поддерживает отношения не только с отдельными специалистами, но и с учреждениями: прежде всего с Отделом охраны недвижимых памятников истории и культуры Минкультуры РФ, с Отделом Свода памятников в Государственном институте искусствознания, Центральными научно-реставрационными мастерскими, Государственным музеем архитектуры имени А.В. Щусева, Институтом искусства реставрации (Академия реставраций), факультетом истории искусств в Российском государственном гуманитарном университете.

По типу изданий сборник “Архив наследия” можно считать антиподом к тем сборникам научных статей, которые посвящены какой-либо частной проблеме или конкретному вопросу, а потому представляют интерес главным образом для специалистов, занимающихся узкой тематикой. Главная задача сборника “Архив наследия” — привлечь внимание не только специализированной научной общественности, но и значительного круга лиц, не равнодушных к истории России и её наследию. Для расширения этого круга текст (начиная с третьего выпуска) замыкают именной и географический указатели. Для обращения к зарубежному читателю в выпусках сборника теперь публикуются переводы на французский язык (предисловие, вкратце передающее сюжеты статей, и оглавление). Публикациями в сборнике “Архив наследия” Центр документации наследия оказывает поддержку аспирантам, работающим по тематике историко-культурного профиля. Начиная с третьего выпуска сборника в его состав включена рубрика “Шаг назад”, материал которой переключается с уже опубликованным. Это позволяет продлевать разговор исследователей и читателей на затронутую тему, уточняя выводы и предоставляя дополнительную информацию.

Сборник публикует документы и иные материалы, которые ещё не стали достоянием общедоступной исторической науки. Ассортимент архивов для сборника не ограничивается основными государственными хранилищами

документов, а наряду с ними включает в себя и архивы учреждений, фототеки, личные коллекции иллюстраций и газетно-журнальных вырезок. Для уяснения истории только что минувшего века заметную роль будут играть мемуары. Сейчас на пути к изданию в составе сборника находятся воспоминания художницы, известной публике с начала 20 в. и рассказавшей о встречах с выдающимися деятелями русской культуры; записки советского дипломата об истории его родного села — крупного волостного центра в Нижнем Поволжье; фрагмент подробной автобиографии ветерана советской Внешней разведки, добровольно ушедшего на фронт ещё до своего совершеннолетия, а после Великой Отечественной Войны брошенного на подавление бандеровского движения.

В массиве документации, унаследованной Центром документации наследия от прежнего Научно-методического совета, есть документы, до сих пор вызывающие волнение из-за причастности к великим людям и великим событиям. К таким документам относятся первые рукописные сообщения о разрушении славянских архитектурных памятников немецко-фашистскими оккупантами, зафиксированные на месте задолго до окончания Великой Отечественной войны; подлинник письма Александра Бенуа с тревогой за судьбы русского культурного наследия в эпоху победившего большевизма, воспоминания о М.В. Нестерове, длинный рукописный перечень произведений из Дрезденской галереи, составленный в год окончания войны; разнообразные материалы из довольно обширного фонда, не разобранного по стандартным правилам. Это фонд личных бумаг Сергея Павловича Григорова, фактически руководившего прежним Научно-методическим советом в конце 1950-х и начале 1960-х гг. При Григорове Научно-методический совет, особенно в работе его штатного состава, продолжал предреволюционные традиции императорской Археологической комиссии, с оперативными выездами на места, где памятникам архитектуры и искусства угрожала опасность, противодействовал самоуправству больших и иных начальников. С.П. Григорова отличали высокий профессионализм, широта научных интересов и взглядов, умение вовлекать авторитетных специалистов в свои служебные занятия — гражданственные и патриотичные не по форме, а по сути. Эти же качества намерен развивать в своей работе и коллективный наследник организации, в которой трудился С.П. Григоров, — Центр документации наследия.

МАЗУРОВ Ю.Л.,
к.г.н., заведующий сектором,
КУЛИНСКАЯ С.В.,
МАКСАКОВСКИЙ Н.В.,

к.г.н.

ПАКИНА А.А.,

к.г.н.

ФЕНОМЕН НАСЛЕДИЯ И ОСОБО ЦЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ (Ретроспектива сектора уникальных территорий)

Сектор уникальных территорий (официальное название — “сектор проблем развития уникальных историко-культурных и природных территорий”) существует в структуре Института Наследия с самого его основания. Название сектора в известной мере отражает приоритеты деятельности создаваемого института и связано с популярной в начале 1990-х годов концепцией уникальных территорий. Во избежание непродуктивных терминологических дискуссий по согласованию названия сектора, решено было трактовать понятие “уникальные территории” как синоним “особо ценных территорий”. На основании этого была определена миссия этого научного подразделения, уточнявшаяся и корректировавшаяся в течение прошедшего десятилетия, но в целом не претерпевшая принципиальных изменений.

Научный профиль

Академическая миссия сектора уникальных территорий определяется как всестороннее изучение территориально выраженных особо ценных объектов культурного и природного наследия и научное обоснование политики в отношении их охраны и использования. Исходя из этого, сектор стремится сочетать работу по выявлению и изучению фундаментальных, стратегических проблем в рассматриваемой сфере с разработкой наиболее актуальных, текущих проблем научного обеспечения управления наследием и решением соответствующих прикладных задач.

Одним из результатов работы в первом из названных направлений стало определение системы основных научных проблем изучения наследия как

пространственного феномена, формирующих в совокупности своего рода “научный каркас” рассматриваемой сферы знания. В своем современном виде названная система включает в себя следующие компоненты:

1. Научные подходы и методические приемы выявления объектов и явлений наследия, а также его размежевание с понятиями *ресурсы*, *ценности* и т.п.

2. Теория и практика выявления экологических, социальных и прочих функций наследия (*территорий наследия*), разработка методик пространственно-функционального анализа территории.

3. Идентификация ценности природного и/или культурного наследия, оценка и исчисление потенциала био-, ландшафтного, этнического, культурного и *георазнообразия* территории.

4. Разработка систематики явлений и объектов культурного и природного наследия, а также территорий наследия.

5. Развитие концепции *каркаса территории* (природного, экологического, природно-экологического, социокультурного и т.п.), разработка научных подходов к формированию систем охраняемых территорий наследия на основе оптимизации их сетей.

6. Выявление закономерностей взаимодействия (взаимовлияния и взаимозависимости) объектов и явлений природного и культурного наследия.

7. Выявление закономерностей пространственно-временной динамики экологической и социальной ценности наследия. Разработка принципиальных подходов к формированию охраняемых территорий наследия для различных территориальных уровней.

8. Совершенствование научных основ территориального экологического проектирования, внедрение охраны природного и культурного наследия в региональную и национальную политику.

9. Выявление факторов риска природному и культурному наследию, разработка научно-методических приемов определения динамики состояния наследия (прогнозирование) под воздействием естественных и антропогенно обусловленных факторов риска.

10. Идентификация состояния природного и культурного наследия как индикатора степени устойчивости развития регионов.

Несомненно, что представленный выше список научных проблем изучения наследия может быть уточнен, отредактирован и, по-видимому, про-

должен. Однако и в таком виде он может рассматриваться как своего рода долгосрочная программа развития формирующегося научного направления, как средство преодоления эмпиризма в сфере управления наследием, непосредственно связанной с жизнеобеспечением, т.е. там, где последствия ошибок или неточностей особенно болезненны для общества.

Отраженная в названии пространственная специфика научного профиля работы сектора обуславливает интегральный характер его деятельности по отношению к другим подразделениям института. Именно в географическом пространстве находят выражение все известные проявления феномена наследия. Поэтому сотрудники сектора не только внимательно следят за работой коллег, но и принимают самое активное участие во внутринститутской кооперации. Особенно тесным в рассматриваемый период было сотрудничество с МАКЭ, сектором живой традиционной культуры, сектором комплексных региональных программ охраны и использования наследия и другими подразделениями.

Основные достижения

К основным достижениям мы относим результаты наших исследований, нашедшие определенное признание в отечественной и зарубежной науке и практике. В их числе:

1. Формирующаяся географическая (пространственная) концепция наследия. Ее основными функциональными понятиями являются: природное и культурное наследие, функции территории, георазнообразие, геокаркас территории, территории (регионы) наследия. Основная идея названной концепции может быть сформулирована следующим образом: *природное и культурное наследие является необходимой предпосылкой стабильной динамики (устойчивого развития) геосистем любых территориальных уровней*. Важнейшее следствие сформулированного вывода состоит в незаменимости наследия как фактора развития.

2. Инициированный сектором долгосрочный проект “*Экологический мониторинг недвижимых объектов культурного наследия*”. Было доказано, что введение этого вида мониторинга в практику экологической и культурной политики является одним из наиболее актуальных направлений формирования сферы управления культурным наследием. Были обоснованы и предложены

относительно простые, но достаточно результативные методические приемы, что позволило в краткие сроки внедрить их в практику в России как на федеральном, так и на региональном уровне. Проект позволил привлечь внимание профессионалов, политиков и общественности к проблеме сохранения культурного наследия нашей страны. Одним из побочных результатов проекта стала формулировка “компенсационного принципа” финансирования охраны культурного наследия, который при включении соответствующего политического и административного ресурса может обеспечить еще один самостоятельный и устойчивый канал финансирования сферы культуры.

3. Внедрение *изучения феномена культурного и природного наследия в высшей школе страны*. Известно, что становление всякой новой сферы предполагает ее представленность в системе образования, в том числе — высшего. Исходя из глубокой уверенности в необходимости скорейшего распространения научной идеологии наследия, была осуществлена программа действий по внедрению изучения феномена культурного и природного наследия в высшей школе страны, которая включала в себя: разработку типовой программы самостоятельного учебного курса; внедрение идеологии наследия в ряд учебных курсов сферы экологии, природопользования, культурологии и управления; подготовку и публикацию необходимых учебно-методических материалов; обоснование новой специализации в системе высшего образования в России и пр. В рамках реализации этой программы впервые в стране разработан и начиная с 1996 г. читается лекционный курс “Природное и культурное наследие” на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Мы также способствовали внедрению изучения наследия и в средней школе страны.

4. *Исследование феномена экологической культуры в отечественной литературе*. В ряде наших публикаций и выступлений был обоснован вывод о том, что экологическая культура общества, будучи частью его общей культуры, является важнейшим условием и предпосылкой сохранения природного наследия и решения экологических проблем в целом, чем и обуславливается столь высокий приоритет этого феномена. Традиционным каналом распространения экологической культуры в нашей стране является литература, как художественная, так и документалистика. История развития последней тесно взаимосвязана с эволюцией экологической культуры, что и рассмотрено в наших работах, привлечших внимание специалистов в России и за рубежом (США,

Великобритания, Япония, Китай). Симптоматично и закономерно, что основным ведомством, причастным к охране природы как самоценного феномена, а не как ресурса утилитарного потребления, в России традиционно является Министерство культуры, т.к. поддержка природоцентричной российской культуры в значительной мере направлена, в конечном счете, на сохранение родной природы как среды и источника национальной культуры.

Прикладные результаты

С научными достижениями сектора тесно связаны основные прикладные результаты работы его сотрудников. В их числе:

— Участие с 1994 г. в ежегодном Государственном докладе “О состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации”, эволюционировавшее от небольшого подраздела до самостоятельной структурной части при сохранении нескольких автономных подразделов, в чем нашло отражение общественное признание значимости сохранения культурного наследия.

— Внедрение в структуры региональных государственных докладов о состоянии окружающей природной среды разделов, посвященных оценке состояния культурного наследия. К настоящему времени количество субъектов федерации, ведущих упомянутый раздел в названных систематических публикациях превысило 50 и продолжает расти.

— Обоснование (совместно с МАКЭ) создания первого в Российской Арктике национального парка “Русская Арктика”, включенного Постановлением Правительства России от 23 мая 2001 г. в список учреждаемых в предстоящем десятилетии особо охраняемых природных территорий.

— Содействие созданию новых и поддержанию функционирования действующих особо охраняемых природных территорий (национальные парки “Паанаярви” в Карелии, “Лапландский лес” в Мурманской области, “Югыд Ва” в Республике Коми, “Плещеево озеро” в Ярославской области, “Приэльбрусье” в Кабардино-Балкарии и др.).

— Внедрение преподавания знаний о культурном и природном наследии в вузах и средних школах страны.

— Установление партнерских отношений в сфере изучения, охраны и использования наследия с рядом отечественных, зарубежных и международных организаций, в том числе: Европейская инициатива “Ecological

Bricks for Our Common House of Europe”, Фонд Matra (Нидерланды), Всемирный фонд дикой природы (WWF), Московское Бюро ЮНЕСКО, Институт устойчивых сообществ (США) и др.

Публикации

Все основные научные результаты и прикладные достижения сектора нашли отражение в публикациях его сотрудников. Первой из них стала небольшая по объему, но принципиально важная книга о национальном парке “Югыд Ва” — “Национальный парк в Приполярном Урале: аргументы и прецеденты”, трактующая технологию охраны и использования наследия посредством создания полифункциональных охраняемых территорий. Книга, с введением директора института Ю.А. Веденина, вышла в середине 1993 г. и стала одной из первых книжных публикаций нового института.

С тех пор и до настоящего времени сотрудниками сектора опубликовано более 120 научных работ. Среди них — статьи в журналах и сборниках, разделы в монографиях и монографии, научные сборники, официальные доклады, тематические сборники, учебные пособия и учебно-методические материалы, а также выступления и их тезисы на разного рода конференциях.

Важную, как мы полагаем, роль в развитии теории и практики охраны и использования наследия сыграли такие публикации, как: коллективные монографии “Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов” (1994), “Новая Земля: Концепция формирования системы особо охраняемых природных и историко-культурных территорий” (1994, совместно с МАКЭ), “Northbound with Barents. Russian-Dutch Integrated Archaeological Research on the Archipelago Novaya Zemlya in 1995” (1997, совместно с МАКЭ и голландскими коллегами), монография Н.В. Максакковского “Национальные парки в урбанизированных районах России” (1997), раздел “Russian Ecological Nonfiction” в коллективной монографии. “Literature of Nature. An International Sourcebook” (редактор Patrick D. Murphy, Chicago-London: Fitzroy Dearborn, 1998), сборники “Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов” (1999) и “Экологический мониторинг культурного наследия: анализ и документы (1999)”, “Экология культуры. Альманах Института Наследия” (2000), “Методические рекомендации по экологическому мониторингу недвижимых объектов культурного наследия” (2001).

Из учебной литературы отметим учебное пособие для управленческих специальностей университетов "Географические основы управления" (2000, издательство "Дело", тираж 6 тыс. экз.), где впервые представлены разделы по природному и культурному наследию.

Наиболее важные наши статьи публиковались в таких периодических изданиях, как: "Известия Академии Наук. Серия географическая"; "Вестник Московского университета. Сер.5. География"; "Ориентиры культурной политики"; "Наследие и современность"; "Территория"; "Вісник ДІТБ", "Russian Conservation News" и "Arctic Bulletin".

Основные результаты исследований докладывались и обсуждались в на многочисленных научных российских и международных встречах.

Список основных публикаций приводится в библиографическом разделе настоящей статьи.

Отдельные результаты исследований представлялись на международной выставке "Арктика - Антарктика" в Бонне, Германия (осень 1997 г. - весна 1998 г.

Ряд российских и международных научных встреч был организован по инициативе и при непосредственном участии сектора, в том числе:

— международный этнокультурный форум "ETNA - 95" (Попрад, Словакия, 1995);

— международный симпозиум "Вызов теории: Восток встречается с западом и наоборот" (Москва, Вена, 1997);

— научно-практическая конференция "Культурное и природное наследие в региональной политике" (Ставрополь, 1997);

— международный симпозиум памяти Виллема Баренца "Охрана природы Арктики" (Москва, 1988);

— научно-практический семинар Института Наследия "Экологический мониторинг недвижимых объектов культурного наследия в регионах Центра и Севера России" (Москва, 1999);

— международная конференция студентов-экологов Европы "ViB (Born in Born) - 2000", посвященная сохранению природного и культурного наследия Европы (Москва, Владимир, 2000).

Профессиональные связи

Академические институты и научно-исследовательские центры: Институт географии РАН, Институт проблем эволюции и экологии имени

Северцова, ЦНИИП градостроительства, Институт культурологии МК и РАН, Алгега (Нидерланды), Институт подводной археологии (Нидерланды).

Вузы: МГУ имени М.В. Ломоносова, МАрХИ, Кабардино-Балкарский госуниверситет, Ставропольский госуниверситет, Пермский госуниверситет, Донецкий институт туристического бизнеса (Украина), Абердинский университет (Великобритания), Амстердамский университет (Нидерланды), Бергенский университет (Норвегия), Лейденский университет (Нидерланды), Университет Париж — 8 (Франция), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия), Тамкангский университет (Тамсуй, Тайвань).

Министерства и ведомства: Министерство культуры РФ, Министерство природных ресурсов РФ (до мая 2000 г. — Госкомэкология России), Минстрой (Госстрой) России, Министерство сельского хозяйства, природопользования и рыболовства Нидерландов, Департамент природных ресурсов Норвегии.

Международные правительственные учреждения: Центр Всемирного наследия ЮНЕСКО, Московское Бюро ЮНЕСКО, ЮНЕП (Найроби, Кения), офис ЮНЕП для стран СНГ.

Неправительственные организации: Всероссийское общество охраны природы, Ассоциация ученых “Экология и мир”, Социально-экологический союз, Комитет спасения Печоры, Российский Союз исторических городов и регионов, Всемирный фонд дикой природы (Арктическая программа — Осло, Норвегия и Российский программный офис), Институт устойчивых сообществ (США), Национальный Баренцевский комитет (Амстердам, Нидерланды), национальные трасты Великобритании, Шотландии, Японии, Голландии, Словакии, США, Пуэрто-Рико.

Особо охраняемые территории: заповедник Усть-Ленский, национальные парки Плесцево озеро, Водлозерский, Паанаярви, музеи-заповедники Бородинский, Кирилло-Белозерский, Пушкинский.

Музеи: Государственный музей (Амстердам, Нидерланды), Национальный морской музей (Амстердам, Нидерланды), Мемориальный музей Виллема Баренца (Вест-Терсхеллинг, Нидерланды).

Подготовка специалистов

Сектор постоянно осуществляет прием на летнюю производственную практику студентов МГУ, дает консультации студентам и аспирантам вузов

Москвы и других городов страны. Сотрудники сектора в отчетный период читали лекции в столичных вузах, а также в Нальчике, Перми, Ставрополе, Тольятти, а также в Донецке, Севастополе и Будапеште. В секторе проходили стажировку специалисты в области охраны наследия из соответствующих учреждений ряда субъектов федерации (Смоленск, Вологда и др.).

Сотрудниками сектора или с их участием разработан ряд базовых программ для вузов страны, а также других учебно-методических материалов, которые опубликованы и используются в практике высшего образования.

Экспертиза

Сотрудники сектора представляют Институт Наследия в ряде межведомственных рабочих групп (по Экологической доктрине Российской Федерации и др.), в Федеральном экспертный совет Министерства образования Российской Федерации (секция географии) и т.д. Они являются также экспертами по вопросам наследия, охраны природы и т.п. Федерального реестра экспертов научно-технической сферы, Государственной Думы, Министерства культуры, Министерства природных ресурсов (ранее — Госкомэкологии России), Министерства экономики, Госстроя России, ряда международных правительственных (ЮНЕСКО, ЮНЕП) и неправительственных организаций, а также научных периодических изданий. Сотрудники сектора регулярно рецензируют научные издания (монографии, сборники, отдельные статьи), оппонируют диссертации.

Реклама и пропаганда

Одним из важных направлений своей деятельности сектор считает популяризацию научной идеологии наследия. С этой целью используются все доступные каналы связей с общественностью (названы ниже).

Газеты: “Зеленый мир”, “Природно-ресурсные ведомости”, “Полярный круг”, “Век”.

Журналы: “Территория”, “На пути к устойчивому развитию России”, “Голос России”.

Содействие выпуску видеофильма “Парк Виллема Баренца на Новой Земле” (студия “Наследие”, режиссер Г.С. Чумаченко).

Выступления с популярными лекциями в профессиональных и молодежных аудиториях, выступления по радио и телевидению, интервью для газет в стране и за рубежом (Франция, Германия, Голландия).

Признание достижений

За достижения в работе сотрудники сектора отмечались благодарностями Министра культуры Российской Федерации и Председателя Госкомэкологии России, руководителей управлений культуры субъектов федерации, Посольства Королевства Нидерландов, памятной медалью Виллема Баренца правительства той же страны, дипломами победителя Международной Соросовской программы в области естественных наук и дипломами лауреата конкурса “Грант Москвы” Правительства Москвы, сертификатами Всемирного фонда дикой природы.

Перспективы

Свои перспективы мы видим, прежде всего, в дальнейшем развитии пространственной концепции наследия. Мы полагаем, что в ближайшие годы акцент должен быть сделан на той ее части, которая связана с решением проблем управления наследием (правовые, организационные, образовательные и воспитательные аспекты, вопросы адекватного многоканального финансирования охраны наследия и т.п.).

Особое внимание должно быть уделено совершенствованию преподавания наследия. В ближайшие годы должны быть подготовлены первые учебные пособия по культурному и природному наследию для различных категорий учащихся. Идеология наследия должна также проникнуть в учебную литературу по природопользованию и геокультурологии.

Мы полагаем, что остро назрела необходимость издания систематического (например, раз в 5 лет) государственного доклада о культурном и природном наследии России и готовы внести свой вклад в эту работу.

И, наконец, будучи убеждены, что наследие — это стабилизатор и важнейшая предпосылка устойчивого развития, мы понимаем, что главное в нашем деле — распространение идеологии наследия в самые широкие массы населения страны и мира в целом. Поэтому мы, как часть коллектива Института Наследия и профессионального сообщества в целом, должны быть готовы к восприятию и внедрению всех тех инноваций, которые приблизят достижение этой цели.

Краткая библиография (1993-2002)

Захаров Ю.С., Мазуров Ю.Л., Фомченков А.К. Национальный парк в Приполярном Урале: аргументы и прецеденты. - М.: Институт Наследия, 1993.

Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. Отв. ред. Ю.Л.Мазуров. - М.: Институт Наследия, 1994. (авторы Ю.Л. Мазуров, Ю.С.Захаров, Г.А.Казанцева, М.Е.Кулешова, С.В. Кулинская, Н.В. Максаковский и др.).

Боярский П.В., Мазуров Ю.Л. Новая Земля: Концепция формирования системы особо охраняемых природных и историко-культурных территорий. - М.: Институт Наследия, 1994. (авторы Ю.Л. Мазуров, Ю.С. Захаров и др.).

Мазуров Ю.Л. Ландшафтно-экологическое обоснование территориального проектирования: принципы и практика. // Вестник Московского университета. Сер.5. География.1995. № 1

Мазуров Ю.Л., Фомченков А.К. Ландшафтное планирование в Германии как механизм экологического регулирования. - В кн.: Охрана наследия за рубежом: опыт прошлого и современные проблемы. Отв. ред. Р.А. Мнацаканян. - М.: Институт Наследия, 1995.

Максаковский Н.В. Опыт охраны объектов природного наследия в Великобритании. // Охрана наследия за рубежом: опыт прошлого и современные проблемы. - М.: Институт Наследия, 1995.

Веденин Ю.А., Мазуров Ю.Л. Основы государственной политики в сфере экологической безопасности культурного и природного наследия. // Ориентиры культурной политики. 1995, № 3.

Мазуров Ю.Л. Природное наследие как новый акцент в Европейской экологической политике. // Наследие и современность.1995. № 1.

Мазуров Ю.Л. Вариант "Северны". // Территория. 1995, № 2.

Максаковский Н.В., Попов В.А. Принципы формирования системы национальных парков Российской Федерации. // Охрана и защита леса, механизация, лесные пользования. Обзорн. информ. НИИЦЛЕСРЕСУРС. М., 1995, вып. 6, 40 с.

Мазуров Ю.Л. Жить по природе. Естественные факторы социального бытия с позиций устойчивого развития. // Ориентиры культурной политики. 1995, № 3.

Мазуров Ю.Л. В защиту природного наследия Севера России (то же на английском языке в англоязычном издании бюллетеня) // Бюллетень Центра экологической политики России. 1996, № 3.

Максаковский Н.В. Опыт сохранения природного и культурного наследия в системе национальных парков Канады // Наследие и современность, вып. 3. М.: Институт Наследия, 1996.

Мазуров Ю.Л., Медведев Л.В. ЕТНА-96. Единство в многообразии. // Наследие и современность. 1996, № 3.

Мазуров Ю.Л. Государственная культурная политика и проблемы экологии. - В кн.: Наследие и государственная культурная политика. - М.: ГИВЦ Минкультуры РФ, 1996.

Мазуров Ю.Л. Охраняемые территории природного и культурного наследия. // Вестник Московского университета. Сер.5. География. 1996. № 4.

Боярский П.В., Захаров Ю.С., Мазуров Ю.Л. и др. Карта "Новая Земля. Природное и культурное наследие". (На рус. и англ. яз.). М 1 : 1 000 000. - СПб: ГУНИО, 1997.

Боярский П.В., Захаров Ю.С., Мазуров Ю.Л. и др. Новая Земля. Природное и культурное наследие. История открытий. Под ред. П.В. Боярского и А.А. Лютого. (На рус. и англ. яз.). - М.: Институт Наследия, 1997.

Gawronski J.H.G., P.V.Bojarsky, Yu.L. Mazourov, N.V.Vekhov, P.M. Floore, et al. Northbound with Barents. Russian-Dutch Integrated Archaeological Research on the Archipelago Novaya Zemlya in 1995 (на англ. и рус.яз.). - Amsterdam: Uitgeverij Jan Mets, 1997.

Мазуров Ю.Л. Природное и культурное наследие. Учебная программа. - В кн.: Программы обязательных дисциплин по направлению "Экология и природопользование" и по специальностям "Природопользование", "Геоэкология". - М.: УМО университетов, 1997.

Мазуров Ю.Л. Раздел "Экологическая ситуация". - В кн.: Предпринимательский климат регионов России. Отв. ред. А. Лавров и др. - М.: Начала-Пресс, 1997.

Мазуров Ю.Л. Наследие как учебная дисциплина: концепция преподавания и программа курса // Ориентиры культурной политики. 1997, № 8.

Мазуров Ю.Л. Всемирное культурное наследие в географическом и экологическом контексте // Вестник Московского университета. Сер.5. География. 1997. № 5.

Максаковский Н.В., Николаев С.В. Особо ценные объекты природного и природно-историко-культурного наследия народов Российской Федерации. М.: МНЭПУ, 1997.

Шульгин П.М., Мазуров Ю.Л. Хоперский казачий регион и его наследие: предложения к обоснованию долгосрочной государственной программы // Наследие и современность. 1997, № 5.

Максаковский Н.В. Национальные парки в урбанизированных регионах России. - М. - Рязань, 1997.

Веденин Ю.А., Вергунов А.П., Кулинская С.В., Мазуров Ю.Л., Максаковский Н.В. Культурное наследие России под воздействием экологических факторов: современное состояние и проблемы охраны // Ориентиры культурной политики. 1997, № 6.

Boyarski, Piotr W., Mazourov Yu.L. Novaja Semlja. In: Arctis. Antarctic. - Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, 1997.

Вергунов А.П., Мазуров Ю.Л. Культурное наследие деревни Панозеро: опыт комплексной эколого-культурологической экспертизы // Наследие и современность. 1998, № 6.

Мазуров Ю.Л. Экологические факторы сохранения культурного наследия: проблемы и решения. - В кн.: Природа и культура древнего города. Под ред. Т.В. Васильевой и Т.К. Чуриловой. - М.: Геос, 1998.

Mazourov Yu.L. Russian Ecological Nonfiction. In: Literature of Nature. An International Soucerbook. Ed. Patrick D. Murphy. - Chicago-London: Fitzroy Dearborn, 1998.

Боярский П.В., Захаров Ю.С., Мазуров Ю.Л. Парк Виллема Баренца на Новой Земле (на рус. и англ. яз.). - М.: Институт Наследия, 1999.

Мазуров Ю.Л. Культура и культурная политика. Послесловие к Стокгольмской конференции по культуре и развитию // Наследие и современность. 1999, № 7.

Mazourov Yu.L. Willem Barents Park on Novaya Zemlya: Tourism and Conservation. In: Northern Development and Sustainable Livelihoods: Towards a Critical Circumpolar Agenda. - Aberdeen: University of Aberdeen, 1999.

Мазуров Ю.Л. Экологическая карта, М 1 : 600 000. Атлас Кабардино-Балкарской Республики. - М.: Роскартография, 1997. 1 л. (с/а Р.З. Гарейшин, М.Е. Кулешова и др.).

Мазуров Ю.Л. Региональная экологическая политика, карта М 1 : 600 000. Атлас Кабардино-Балкарской Республики. - М.: Роскартография, 1997. 1 л. (с/а Р.З. Гарейшин, М.Е. Кулешова и др.).

Мазуров Ю.Л. Арктический туризм в России: потенциал и перспективы. - Голос России. 1999, № 4.

Мазуров Ю.Л. Природное наследие в региональной экологической политике // Вестник Мос. Ун-та. Сер.5. География. 1999. № 4.

Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. Отв. ред. Ю.Л. Мазуров. - М.: Институт Наследия, 1999. (авторы Ю.А. Веденин, Н.В. Максаковский и др.).

Экологический мониторинг культурного наследия: анализ и документы. Отв. ред. Ю.Л. Мазуров. - М.: Институт Наследия, 1999. (авторы Ю.А. Веденин, А.П. Вергунов и др.).

Максаковский Н.В., Шупер В.А. Зарубежный опыт организации и управления провинциальными и региональными парками // Заповедники и национальные парки, бюлл. ЦОДП, № 27, 1999.

Максаковский Н.В. Природные (региональные) парки России // Заповедники и национальные парки, бюлл. ЦОДП, N 29, 1999.

Бабурин В.А., Мазуров Ю.Л. Географические основы управления: Курс лекций по экономической и политической географии. Учебное пособие. - М.: Дело, 2000.

Boyarsky P.V., Mazourov Yu.L. Willem Barents Memorial Park. // Arctic Bulletin. 1999, # 4.

Mazourov Yu.L. Novaya Zemlya: Nuclear Wasteland or Pristine Nature? // Russian Conservation News. №22 Winter / Spring, 2000.

Веденин Ю.А., Мазуров Ю.Л. Экологический мониторинг недвижимых объектов культурного наследия. // Наследие и современность. 2000, № 8.

Боярский П.В., Захаров Ю.С., Мазуров Ю.Л. Парк Виллема Баренца в системе сохранения и использования природного и культурного наследия Российской Арктики. // Известия РАН. Сер. геогр. 2000, № 4.

Mazourov Yu.L. Nature as a Heritage in Culture, Science and Policy. In: Tamkang International Conference on Ecological Discourse. - Tamsui: Tamkang University, 2000.

Гладкевич Г.И., Кружалин В.И., Мазуров Ю.Л. Типологическая дифференциация территории по риску последствий стихийных бедствий // Известия РАН. Сер. геогр. 2000, № 6.

Boyarsky P.V., Mazourov Yu. L. The first national park in the Russian Arctic — from idea to implementation. DN — notat. 2000, №6.

Ebbinge B.S., Mazourov Yu.L., Tomkovich P.S. (Eds.). Heritage of the Russian Arctic: Research, Conservation and International Cooperation. - M: Ecopros Publishers, 2000.

Boyarsky P.V., Mazourov Yu.L., Zakharov Yu.S. Willem Barents park as a part of the network of strictly protected areas in the Russian Arctic. - В

кн.: Heritage of the Russian Arctic: Research, Conservation and International Cooperation. - М.: Escopros Publishers, 2000.

Экология культуры. Альманах Института Наследия. Ред. и составитель Ю.Л. Мазуров. - М.: Институт Наследия, 2000. (р/к Ю.А. Веденин и др.).

Мазуров Ю.Л. Культура и культурная политика. Серия "Научные доклады", №15. - М.: Московский общественный научный фонд, 2000. (с/а И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов и др.).

Mazourov Yu.L., Vartapelov. K. Our Common Heritage of Europe: Proceedings and Report from the Sixth Meeting of Environmental Studies Students. - Moscow: Russian Heritage Institute, 2001.

Максаковский Н.В. Список объектов Всемирного наследия / Всемирное наследие в руках молодых. Методическое пособие для учителей (русское издание). Московское Бюро ЮНЕСКО, 2000.

Пакина А.А. Ботанические сады и дендрологические парки как объекты наследия: история развития и современное состояние - В кн.: Эколого-экономические аспекты развития регионов - Саранск, 2000.

Методические рекомендации по экологическому мониторингу недвижимых объектов культурного наследия. - М.: Институт Наследия, 2001. (с/а Ю.А. Веденин и др.).

Максаковский Н.В. Список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО и место в нем Российской Федерации // Заповедники и национальные парки, бюлл. ЦОДП, N33, 2001.

Зенгина Т.Ю., Мазуров Ю.Л. Практикум по курсу "Основы природопользования". Учебное пособие. - Ухта: Институт управления, информации и бизнеса, 2002.

Мазуров Ю.Л. Экологический туризм на постсоветском пространстве: потенциал и перспективы. - В кн.: Туристский феномен: экономические, социальные, экологические и культурно-исторические предпосылки и последствия. - Донецк: ДИТБ, 2002.

Мазуров Ю.Л., Максаковский Н.В. Всемирное природное наследие в России // Известия Академии Наук. Сер. геогр. 2002, № 2.

Мазуров Ю.Л. Категории "закон" и "благодать" и их проекции на природное наследие. В кн.: Заповедное дело в общественном сознании: этические и культовые аспекты. - Киев: Логос, 2002.

КУЛЕШОВА М.Е.,

к.г.н., заведующий сектором

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследовательский интерес к культурным ландшафтам проявился с первых лет создания Института Наследия. Вначале это были общетеоретические разработки и работы по культурно-ландшафтному районированию (Веденин 1997; Чалая, Веденин 1997; Туровский 1998). Ряд из них был начат еще в конце 1980-х годов, но опубликованы они были уже в 1990-х, по мере того, как в Институте под руководством Ю.А. Веденина стала формироваться концепция культурного ландшафта. В связи с задачами межотраслевого районирования наследия, которое отражало бы как природные, так и историко-культурные ценности территории, культурный ландшафт стал наиболее удобной моделью и единицей районирования, отражающей природно-культурное своеобразие местности.

С начала 90-х годов в мире особое внимание начинает уделяться культурным ландшафтам как особому типу наследия, обеспечивающему взаимодействие, взаимопроникновение и взаимозависимость природных и культурных компонентов наследия. В 1992 г. в руководящих документах ЮНЕСКО по применению Конвенции о Всемирном наследии появляется дефиниция культурного ландшафта и устанавливается его место в типологическом ряду объектов наследия. Культурный ландшафт формально относится к объектам культурного наследия, но понимается как результат совместной работы, совместного творчества человека и природы. Эта установка имела огромное методологическое значение и послужила основой последующих исследований по культурным ландшафтам как феноменов наследия. Концепция культурного ландшафта как наследия стала проникать в прикладные региональные работы Института (Основные положения организации исторической территории "Кунгурский край", 1996, результаты экспедиций Соловецкого отряда МАКЭ 1994-97 гг.).

С 1995 г. Институт был привлечен к российско-норвежскому сотрудничеству по охране окружающей среды, возглавляемому Министерством окружающей среды Норвегии и Министерством природных ресурсов России. Однако

в Норвегии под окружающей средой понимается не только природная, но и историко-культурная среда, поэтому понадобился партнер с российской стороны, способный обеспечить взаимосвязь между охраной среды, сохранением природного наследия и сохранением культурного достояния. Таким идеальным партнером стал Институт Наследия, а руководителем проектов по культурному наследию с российской стороны — Ю.А. Веденин. Что же касается объекта международного сотрудничества, то таким объектом по настоянию российской стороны был избран культурный ландшафт, а модельными территориями — Соловки, Рерос и, позднее, Кенозерье. На Соловках многие годы работает подразделение Института — Соловецкий отряд МАКЭ под руководством В.П.Столярова, что во многом предопределило выбор данной модельной территории. Благодаря Соловецкому отряду появилась возможность детально исследовать культурные ландшафты архипелага.

В 1998 г. был проведен и опубликован сравнительный анализ практики управления культурными ландшафтами в России и Норвегии (Гаукстад и др., 1999). Основываясь на результатах этой работы, российско-норвежская группа по культурному наследию предложила организовать международную экспертизу Соловков как объекта наследия и провести в последующем их реноминацию, то есть из категории “культурно-исторический ансамбль” перевести в категорию “культурный ландшафт” и рассмотреть вопрос о возможности отнесения территории к смешанному, природно-культурному наследию. Такая экспертиза, организованная норвежской стороной и включившая в состав экспертов представителей Института, была проведена в 1998 г., её результаты были представлены в соответствующие заинтересованные министерства, в бюро ЮНЕСКО в Москве. Многие из рекомендаций экспертной группы по управлению культурными ландшафтами Соловков были использованы руководством Соловецкого музея-заповедника. В основном печатном и периодическом издании Центра Всемирного наследия, *World Heritage Review* (1999), вышла публикация об уникальности культурных ландшафтов архипелага и их мировом значении. Институтом была подготовлена и передана руководству музея-заповедника предварительная заявка на реноминацию. К сожалению, новое руководство музея-заповедника не проявило интереса к тому, на что было потрачено столько усилий специалистов из России, Норвегии и других стран.

С конца 90-х годов приоритетной территорией в рамках российско-норвежского сотрудничества становится Кенозерский национальный парк.

Поначалу совместные проекты ограничиваются реставрацией памятников деревянного зодчества, концентрация которых в Кенозерье уникальна. Постепенно рамки сотрудничества расширяются и распространяются на культурные ландшафты этой территории, которая имеет несомненное мировое значение как хранитель реликтового архаичного живого крестьянского ландшафта. По просьбе руководства Парка Институт подготавливает предварительную заявку на включение Кенозерья в объекты всемирного наследия и передает ее в Российскую Комиссию ЮНЕСКО. При участии и под методическим руководством Института осуществляются исследования культурных ландшафтов, даются рекомендации по их сохранению и использованию. Эти материалы включаются в менеджмент-план национального парка, состоящий из серии программ, в числе которых — программа по культурным ландшафтам (Основные направления..., 2001). Кенозерская программа стала первой программой по культурным ландшафтам в России, которая целенаправленно и настойчиво реализуется его коллективом. Норвежская сторона продолжает оказывать содействие Кенозерью — сюда поступает техника, необходимая для поддержания планировочной структуры культурного ландшафта, проводятся семинары и экспедиции. В 2001 г. разворачиваются работы по составлению опорных планов деревень.

Теперь в состав этих документов включаются основные сведения о культурном ландшафте. Несколько институтских подразделений (сектор управления культурными ландшафтами, сектор компьютерных технологий, сектор живой традиционной культуры) с участием норвежской стороны и под руководством Ю.А. Веденина осуществляют с 2002 г. международный проект по компьютерной визуализации культурного ландшафта Кенозерья.

В 1998 г. в Институте создается специальный сектор — сектор управления культурными ландшафтами. Первоначально его деятельность концентрируется на правовых вопросах управления — составляются экспертные заключения различных проектов правовых актов, проводится анализ и оценка эффективности действующего законодательства по охраняемым территориям, через комитеты Государственной Думы и Высший Экологический Совет вносятся предложения по развитию федерального законодательства, принимается участие в разработке проекта закона “О музеях-заповедниках”, инициатором которого выступает Институт Наследия при поддержке Совета Федерации Государственной Думы. Природные и куль-

турные компоненты наследия в сфере управления разделены ведомственными барьерами, и предпринимаемые в их отношении действия заведомо плохо согласуются между собой. Ведомственная разобщенность в принятии решений и отсутствие солидарной ответственности за их результаты - одна из основных управленческих и правовых проблем. Поэтому предпринимаются попытки повлиять на подготовку профильных федеральных законов — “Об объектах культурного наследия...” и “Об охране окружающей среды”, однако в полной мере они не удаются (Кулешова, 1998).

Правовая тематика, но уже на уровне консультаций и экспертиз, продолжает поддерживаться и в последующем, при одновременном расширении исследовательских задач сектора, ориентации на решение конкретных прикладных задач выявления, изучения и сохранения различного типа культурных ландшафтов, а также их научно-методическое обеспечение. Наибольший интерес к подобным разработкам и очевидное намерение их внедрить обнаруживают национальные парки и музеи-заповедники — наиболее перспективные и эффективные формы территориальной охраны природного и культурного наследия. Их коллективы и представители становятся ближайшими коллегами по работе.

В 2000-2001 гг. Институтом выполняется разработка Программы по сохранению культурных ландшафтов Бородинского военно-исторического музея-заповедника. Бородинское поле — яркий пример исторического ассоциативного ландшафта, насыщенного мемориальной символикой. Главная задача — сохранение его аутентичности, а это требует поддержания и развития в определенных формах и масштабах конкретных видов деятельности — сельскохозяйственной, лесохозяйственной, градостроительной. Экспозиционное пространство музеев-заповедников, их “музейные залы” — это обширные угодья, а не только музейные помещения. Они должны представлять достоверную историческую информацию, но этот “экспонат” не поместить под витриной, он “живой” и развивается по присущим ему законам, поэтому требует особенного внимания и нестандартных управленческих подходов. В Бородинском музее-заповеднике Институт Наследия (сектор компьютерных технологий) осуществляют также разработки по компьютерной визуализации культурного ландшафта, но здесь своя специфика: здесь есть возможность проследить эволюцию ландшафта по его историческим описаниям, старинным гравюрам и фотографиям. Технологии рет-

роспективного видения позволяют создавать компьютерные модели на перспективу — лучше предварительно увидеть на экране то, что будет впоследствии реализовано на местности.

С 1999 по 2002 г. специалисты Института (Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова, Н.В. Максаковский) были привлечены к разработке “Стратегии управления национальными парками России”. Разработка осуществлялась Центром охраны дикой природы совместно с Министерством природных ресурсов (Стратегия..., 2002). Благодаря участию Института, в ней было зафиксировано, что культурный ландшафт должен стать объектом охраны и управления, необходим учёт всего многообразия форм наследия — как природного, так и культурного в их неразрывной связи, а также необходимо поддержание форм живой традиционной культуры как составной части культурного ландшафта. В дополнение к Стратегии была издана серия поддерживающих материалов, в числе которых “Управление культурными ландшафтами и иными объектами культурного наследия в национальных парках”. Национальные парки, с которыми эта работа обсуждалась в рамках предварительных совещаний, и государственное ведомство, в управлении которого находятся национальные парки, признали актуальность и значимость сохранения культурного ландшафта на особо охраняемых природных территориях.

В 2001 г. Институт был приглашен к разработке менеджмент-плана национального парка “Угра”. Этот парк стал вторым, наряду с Кенозерским, где тема культурного ландшафта оказалась в числе приоритетных. Она прозвучала в нескольких программах, посвященных сохранению культурного наследия, живой традиционной культуре, социально-экономическому развитию и развитию научных исследований. Национальный парк выделяется исключительным типологическим разнообразием культурных ландшафтов, в нем широко представлены крестьянский, усадебный, монастырский, археологический, военно-исторический и иные типы ландшафтов (Культурные ландшафты ..., 2001). На примере этого парка удалось показать широкую палитру управленческих задач, которые возникают в связи с сохранением и использованием сложных природно-культурных территориальных комплексов, и предложить пути их решения.

Сотрудничество с конкретными национальными парками и музеями-заповедниками, а также изучение международного опыта в значительной

мере способствовали развитию концепции культурного ландшафта и формированию научно-методической базы его исследования. К настоящему времени в российской географической науке обозначились три основных подхода к определению и пониманию культурного ландшафта, которые условно можно обозначить как классический ландшафтный географический подход (1), этнолого-географический подход (2) и информационно-аксиологический подход (3).

Применение классического географического подхода (школы Московского и Петербургского государственных университетов) позволяет рассматривать культурный ландшафт как частный случай антропогенного ландшафта, а именно комфортный, исторически адаптированный к природным условиям, целенаправленно и целесообразно сформированный антропогенный ландшафт. В свою очередь антропогенный ландшафт - это измененный под влиянием антропогенного воздействия и антропогенных нагрузок природно-территориальный комплекс (ПТК). Этнолого-географический подход (В.Н.Калуцкий) заключается в том, что культурный ландшафт рассматривается как сумма взаимодействующих подсистем, а именно: природного ландшафта, систем расселения, хозяйства, сообщества, языка (в особенности — топонимики), духовной культуры (главным образом фольклора). Базовыми понятиями служат природный ландшафт и этнос-сообщество. Культурный ландшафт, таким образом, — это освоенный этносом-сообществом природный ландшафт.

Информационно-аксиологический подход развивается Институтом культурного и природного наследия, включая его подразделение — сектор управления культурными ландшафтами. Этот подход состоит в исследовании культурного ландшафта как результата сотворчества человека и природы, представляющего собой сложную систему материальных и духовных ценностей, обладающих высокой степенью экологической, исторической и культурологической информативности. Культурный ландшафт — природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных устойчивых сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности.

Базовым в данной концепции является понятие о природно-культурном территориальном комплексе - исторически равновесной системе, в которой

природные и культурные компоненты составляют единое целое, а не только являются фоном или фактором воздействия одного по отношению к другому. В данной трактовке культурный ландшафт находится в полном соответствии с методологией, выработанной ЮНЕСКО в отношении объектов Всемирного природного и культурного наследия. В формировании культурных ландшафтов отражается как позитивная сторона сотрудничества человека и природы, так и результаты конфликтных ситуаций. Особое внимание уделяется при этом тем событиям, которые оцениваются как важные вехи в истории и культуре народов, существенно повлиявшие на их развитие. В качестве культурно-ландшафтных феноменов исследуются выдающиеся по их художественным характеристикам и исторической значимости дворцово-парковые ансамбли, дворянские усадьбы, монастырские комплексы, поля сражений, археологические комплексы, исторические сельские, городские и заводские ландшафты. Понятие «культурный ландшафт» не ограничивается его материальным наполнением. Определяющим его формирование фактором и ведущим компонентом является система духовно-религиозных, морально-нравственных, эстетических, интеллектуальных и иных ценностей, от которых непосредственно зависит направленность созидательных ландшафтообразующих процессов.

В ряде случаев возникает вопрос о разграничении собственно культурных и природных ландшафтов, природных комплексов. «Культурный» аспект может прослеживаться повсеместно по территории региона, который полностью может трактоваться как культурный ландшафт или как совокупность культурно-ландшафтных комплексов. Решение такого вопроса должно основываться на концепции наследия, исходя из результатов определения его базовой ценности — природной, историко-культурной или комплексной. Территориальные комплексы, ключевые свойства и компоненты которых имеют очевидную историко-культурную ценность, целесообразно рассматривать именно в качестве культурных ландшафтов. Территориальные комплексы, отдельные свойства или компоненты которых представляют некоторый историко-культурный интерес, но не выполняют системообразующей роли, могут относиться к тем категориям, которые предусмотрены в составе общей территориальной дифференциации региона. Следует также различать культурный ландшафт как: а) типологическую категорию (например, сельский культурный ландшафт вообще); б) как категорию районирования (культурно-ландшафтный район

может включать как историко-культурные, так и сугубо природные территориальные комплексы); в) как конкретный индивидуальный целостный географически фиксированный участок — операционную единицу управления, по отношению к которой (аналогично памятнику культуры) и принимаются основные управленческие решения.

Основные задачи, стоящие перед Институтом Наследия в области изучения, сохранения и использования культурного ландшафта и отражающие основные проблемные ситуации в этой сфере, сводятся к следующему:

- выявление и систематизация культурных ландшафтов, включая работы по исследованию и номинации культурных ландшафтов мирового значения;
- информационное обеспечение и мониторинг культурных ландшафтов, развитие компьютерных технологий;
- разработка нормативных актов и правоустанавливающих документов, направленных на сохранение культурных ландшафтов и упорядочение их использования;
- разработка программ, проектов, планов, схем, концепций и иных руководящих документов по управлению культурными ландшафтами как объектами наследия;
- изучение живой традиционной культуры и информационного слоя ландшафта как его специфических компонентов, поиск средств и способов поддержания самобытных живых традиций;
- включение информационного потенциала культурного ландшафта в основные программы развития и основную деятельность музеев-заповедников и национальных парков как государственных учреждений.

Согласно типологии, принятой в “Руководящих указаниях по применению Конвенции о Всемирном наследии (п.39 Operational Guidelines ...)”, все культурные ландшафты подразделяются на три основных категории:

- 1) четко определяемые целенаправленно сформированные (clearly defined landscape designed and created intentionally by man), которым в русском языке наиболее соответствует понятие “рукотворные”;
- 2) естественно сформировавшиеся, эволюционировавшие ландшафты (organically evolved landscape), среди которых выделяются субкатегории реликтовых (relict or fossil landscape) и продолжающих поступательное развитие, или развивающихся ландшафтов (continuing landscape);

3) ассоциативные (associative) ландшафты.

Рукотворные ландшафты характеризуются четкой пространственной организацией и в своем развитии подчинены целеполаганию своих создателей. Они, как правило, имеют ландшафтообразующий центр, в них много рукотворных объектов, созданных на основе преобразования или замены природных комплексов. Рукотворные ландшафты представляют наибольший интерес в культурологическом аспекте, поскольку их облик максимально подчинен творческому замыслу. Это ландшафты поселений, садов, парков, различных природно-технических систем, созданные по проектам или в соответствии с художественной либо инженерной идеей.

В естественно сформировавшихся, эволюционировавших ландшафтах в результате длительных целенаправленных и спонтанных антропогенных воздействий природные процессы несколько изменены и скорректированы. Природные компоненты ландшафта адаптируются к этим воздействиям, в результате чего формируется ландшафтный комплекс, где сложным образом переплетаются процессы природной эволюции и творческого целеполагания. К такому типу можно отнести многие сельские, определенные этнические, отчасти исторические индустриальные и мелиорированные ландшафты.

К ассоциативным ландшафтам могут быть отнесены природные ландшафты, обладающие культурной ценностью, а также освоенные ландшафты, в которых характер освоения имеет вторичное значение, а первичное - связь с историческими событиями, личностями, художественными произведениями. В ассоциативных ландшафтах культурная составляющая часто представлена не в материальной, а в ментальной форме, по ассоциации природного объекта с каким-либо феноменом культуры. Таким образом, природные комплексы включаются в историко-культурное пространство без изменения их природной ритмики и эволюции, часто опосредованно, в качестве памятных мест, мест творчества, сакральных (то есть священных, культовых, ритуальных) местностей и т.д.

Важное значение для понимания индивидуальной ценности ландшафта имеет принадлежность к типам культур, которые обладают или обладали собственным "почерком" освоения ландшафта. Созданные ими ландшафты, представляющие ценность наследия, в России нередко определяют внутреннюю специализацию национальных парков и музеев-заповедников. Последние образуют четко выраженные группы, соотносимые со следую-

щими типами культурного ландшафта: усадебным, дворцово-парковым, монастырским, горнозаводским, ландшафтами полей сражений (военная культура), архаичным сельским (крестьянская культура), отчасти - городским (исторические кварталы). Принадлежность к типу культуры неизбежно приводит к вопросам о механизмах самоподдержания ландшафта, отношении к носителям культурных традиций, путях развития ландшафта при отсутствии воспроизводящей культуры.

Культурные ландшафты можно различать и по типам исторической деятельности, или основным историческим функциям, определившим специфические социокультурные особенности ландшафта, то есть его можно подразделить на сельский (сельскохозяйственная деятельность), селитебный (создание поселений и их ландшафтное обустройство), сакральный (проведение религиозных церемоний, поклонение объектам культа, священнодействие), рекреационный (получение эстетических удовольствий, воспитание чувства прекрасного, приобретение душевного покоя и внутренней гармонии), промысловый (охота, рыбная ловля, добыча морского зверя и водных беспозвоночных, заготовка пищевых, лекарственных, технических растений, лесозаготовка и лесоразведение, оленеводство), исторический индустриальный (создание карьеров, отвалов, горных выработок, инженерных сооружений, размещение в ландшафте инженерно-технических систем и производственных комплексов), заповедный (сохранение естественной информативности ландшафта, ведение научно-исследовательских работ), мемориальный (сохранение памяти о важных исторических событиях и выдающихся личностях, трансляция преданий и исторических повествований, празднование памятных дат) и т.д. Функциональная ориентация ландшафтов указывает на воспроизводящие их процессы и типы действий, необходимые для их поддержания в "рабочем" состоянии.

На 2002 г. двадцать три страны представляли двадцать девять культурных ландшафтов в Списке Всемирного наследия. Наиболее "удачливыми" оказались Австрия, Франция, Венгрия и Италия, имеющие уже по три объекта, отнесенных к категории культурных ландшафтов. Определенные намерения оказаться в лидерах по числу номинаций демонстрируют Англия, Германия, Испания, Румыния. От России совместно с Литвой к объектам Всемирного наследия в качестве культурного ландшафта отнесена Куршская коса (благодаря инициативе Литвы).

Подавляющее большинство культурных ландшафтов составляют сельские. Сельский ландшафт часто представлен в комбинации с другими типами, он может включать небольшие города, монастырские территории, археологические местности, садово-парковые комплексы. Среди типов ландшафтов, обнаруживающих некоторую тенденцию к увеличению их представленности в Списке Всемирного наследия, выделяются сакральные, археологические и индустриальные.

Конвенция об охране Всемирного природного и культурного наследия (1972) — не единственная международная инициатива, где уделяется внимание культурным ландшафтам. Культурные ландшафты как компонент окружающей среды, условие сохранения природного разнообразия, фактор устойчивого развития — рассматриваются в Севильской стратегии по биосферным резерватам (1996), Европейской конвенции по ландшафтам (2000), Пан-европейской стратегии сохранения биологического и ландшафтного разнообразия (1995).

Отраслевой подход к наследию, жестко разделяющий природу и культуру и предлагающий совершенно различные системы сохранения их основных ценностей, в значительной мере себя исчерпал. Отраслевые принципы охраны наследия не обеспечивают решение множества проблемных ситуаций в этой сфере. Поэтому развитие и применение концепции культурного ландшафта становится важным инструментарием при решении управленческих задач применительно к тем территориям, где природное разнообразие является функцией многих переменных, включая традиционную культуру, а культурные феномены развиваются в непосредственном контексте природного разнообразия и природной индивидуальности местности, тем самым определяя целостность и ценность природно-культурного континуума наследия.

Литература

1. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. С.-Пб., 1997. 224 с.
2. Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтное районирование России — ориентир культурной политики. // Ориентиры культурной политики. Вып. 2. М.: Министерство культуры РФ, ГИВЦ МК РФ. 1997. С.3-99.
3. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Современное законодательство об охране и использовании наследия // Наследие и современность. Вып.5. М.: Институт Наследия, 1997. С.3-14.

4. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия АН. Серия географическая, 2001, № 1, с.7-14.

5. Гаукстад Эвен, Кулешова Марина, Моен Эли, Столяров Вячеслав. Сравнительный анализ практики управления культурными ландшафтами. М.: Институт Наследия. 1999. 96 с.

6. Горбунов А.В., Кулешова М.Е. Пространственная структура историко-культурного ландшафта Бородинского поля // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. М.: Институт Наследия. 2001. С. 22-45.

7. Зарубежное законодательство в области сохранения культурного и природного наследия / под ред. Ю.А.Веденина. - М.: Институт Наследия, 1999, 96 с.

8. Кулешова М.Е. Монастырский культурный ландшафт: закономерности формирования (на примере о.Анзер Соловецкого архипелага) // Материальная база сферы культуры. Информкультура. Вып. 2, 1997, С.20-30.

9. Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как феномен наследия и объект управления (опыт России и Норвегии) // Материалы ICOMOS. Информкультура. Вып. 2, 1998, с. 14-32.

10. Кулешова М.Е. Законодательство об особо охраняемых территориях и место в нем музеев-заповедников // Проблемы сохранения и развития музеев-заповедников. - М.: Институт Наследия, 1998, с.18-30.

11. Кулешова М.Е. Культурные ландшафты: общие представления, понятия, подходы к оценке. // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. М.: Институт Наследия, 2000, С.37-52.

12. Культурные ландшафты и духовное наследие. / Ведерникова Н.М., Кулешова М.Е. Калуга. 2001. 48 с.

13. Основные направления развития национального парка "Кенозерский" на 2001-2005 гг. / Составитель М.Е. Кулешова. - НП "Кенозерский" - 2001. 40 с.

14. Основные положения организации исторической территории "Кунгурский край". М.: Институт Наследия. 1996. - 181 с. (отчет).

15. Отчет о проведении мониторинга объекта Всемирного наследия "Соловецкий историко-культурный комплекс" // Информационный бюллетень "Экология культуры", №4(17), Архангельск - 2000, С.27-79.

16. Стратегия управления национальными парками России. - М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. - 36 с. (участие в составе коллектива специалистов-разработчиков).

17. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия. 1998. - 210 с.

18. Управление культурными ландшафтами и иными объектами культурного наследия в национальных парках. / М.Е.Кулешова - М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. - 46 с.

19. Чалая И.П., Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. М.: Институт Наследия. 1997. - 286 с.

20. Brief Descriptions: Sites Inscribed on the World Heritage List. WHC UNESCO, Paris, January 2002.

21. M. Kouleshova The Solovetsky Archipelago: Evaluation and prospects //World Heritage Review, №12, 1999.

22. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO. WHC-99/2. 1999 (February). - 38 p.

АНДРЕЕВА Е.Д.,
заведующий сектором

СЕКТОР ЖИВОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Десятилетний юбилей Института — это не только праздник, но и серьезный повод внимательно и, по возможности, беспристрастно посмотреть, что сделано за это время, что получилось и состоялось, и в каком направлении следует двигаться дальше.

Природа и культура — два традиционных объекта эмпирического и научного изучения; первый, как правило, исследуется так называемыми естественными науками, второй — гуманитарными. В каждом из циклов научного знания существует, разумеется, тенденция к сближению с другим: в естественно-научном цикле есть дисциплины более “гуманитарные”, в гуманитарном — более “естественно-научные”. В то же время в реальной действительности природа и культура постоянно взаимодействуют и зависят друг от друга. Именно поэтому Институт Наследия, созданный в 1992 г., представляется необходимым звеном в структуре современного научного знания.

Институт подобной ориентации в нашей стране появился впервые, но ко времени возникновения его основная цель уже имела концептуальное обоснование. Она связана с теорией культурного ландшафта, подразумевающей, во-первых, неразрывную связь культуры и природы, во-вторых — территориальный принцип рассмотрения природно-культурных явлений. Такая концепция предполагает, что специализированные исследования приобретают общую направленность и имеют единую цель, хотя они проводятся в рамках дисциплин, имеющих свои традиции и методики.

Идея изучения *живой традиционной культуры* (и затем образование одноименного сектора в Институте) возникла прежде всего потому, что с ней оказывались связаны многие исследования, обусловленные концепцией культурного ландшафта. Занимаясь проблемами любой территории, мы сталкиваемся, как минимум, с двумя объективными явлениями:

— в России практически не осталось природных зон, где “не ступала нога человека”, а следовательно, даже существование заповедных природных объектов неотделимо от их сосуществования и взаимодействия с человеческой деятельностью или ее последствиями;

— процесс сосуществования культуры и природы непрерывен, а следовательно, в нем действуют механизмы преемственности и воспроизведения.

Когда мы обсуждаем проблемы поддержания и развития культуры той или иной территории — будь то город, село, национальный парк или музей-заповедник, — мы имеем дело с живым культурным процессом — т.е. с духовной составляющей культурного ландшафта. И без понимания механизмов функционирования этой составляющей ни изучение, ни описание, ни, тем более, реальная практика в этой сфере невозможны.

Уже стало аксиомой высказывание о том, что новое — это хорошо забытое старое, а следовательно, *преемственное, традиционное* в проявлениях как духовной, так и материальной культуры человека присутствует везде. Соответственно в современной — ныне живущей — “живой” культуре человечества всегда присутствует элемент *наследия*, который заслуживает пристального внимания.

Состояние *живой и всегда традиционной культуры* человека — примерно то же самое, что и состояние его здоровья, т.е. предмет, который требует изучения и постоянной заботы. И так же, как медицина актуальна и эффективна тогда, когда в ней вырабатываются представления о функционировании всего живого организма, во всех его тонких и обусловленных внутренних взаимосвязях, так и знание о культуре полноценно тогда, когда мы представляем себе *механизмы ее функционирования, жизнь культуры*.

Кроме того, отслеживание этих механизмов, помимо удовлетворения чисто научных интересов, должно способствовать и выработке осознанной культурной политики в области поддержания “культурного здоровья” (этноса, нации, государства и т.д. — в любом заданном масштабе). Коль скоро в обществе возникает потребность в “сохранении, поддержании и развитии традиций”, следует осуществлять все это на разумной основе, на основе знания о том, как протекают разнообразные культурные процессы, не торопя события и не содействуя преждевременному превращению традиционных культурных явлений в “памятники”, тем более, что многое из того, что как бы уже ушло в категорию “памятников”, внезапно возрождается, пережив некоторые периоды латентного существования: общество обращается к традиционным приоритетам, технологиям, эстетическим ценностям, принципам сосуществования с окружающей средой и т.п.

Один из важнейших механизмов воспроизведения в культуре — *традиция*. Традиция — своего рода генетический код в культуре. Его “работа” обеспечивает преемственность и непрерывность культурного развития. Следы традиции мы наблюдаем везде: в селе и в городе, в быту, в искусстве и в технологиях, в устройстве крупных человеческих сообществ и в мировоззрениях.

Как представляется, *живая культура* — это фактор, который обуславливает процессуальность и изменчивость культурного ландшафта, в сущности делает его *живым организмом*. Культурный ландшафт подобен фильму, в котором, разумеется, можно остановить любой кадр, внимательно его рассмотреть и изучить, но настоящее понимание приходит только в процессе течения этих кадров, и по мере развития “сюжета” они наполняются все новым и глубоким смыслом. Системный подход позволяет интегрировать накопленные наблюдения, сделанные в рамках специализированных дисциплин (фольклористики, этнографии, искусствоведения, социологии, культурологии и т.д.), а также любые описания реальной культурной практики (в плане природопользования, экологии, географии, археологии и т.д.) в единое поле знаний о культурном ландшафте.

Живая традиционная культура в нашем понимании — это совокупность фактов и явлений духовной и материальной культуры, актуальных для определенной части общества или общества в целом применительно к определенному временному периоду. Следствиями данного определения мы считаем следующее:

— тот или иной факт культуры должен быть востребован членами общества;

— невостребованный на рассматриваемый период факт культуры либо находится в латентном состоянии, либо утрачен;

— живая культура — явление очень пестрое, в нее входят произведения и события, разные по масштабу, стилям, времени происхождения, удовлетворяющие вкусы разных социальных групп и т.д.;

— тот или иной факт живой культуры подвижен: он может подвергаться трансформациям, перемещаться внутри пространства данной культуры, менять свои функции;

— участки живой культуры могут аналитически вычленяться по разным параметрам (как одному, так и нескольким): национальная культура или

культура какого-либо этноса, культура какой-либо географической территории, отдельная традиция, культура какого-либо исторического периода, современная культура, культура какого-либо социума, городская и сельская культура, устная и письменная культура и т.д.; при этом важно, что при рассмотрении каждого такого участка должны учитываться носители данной культуры, ее потребители и собственно факты потребления (т.е. так называемая культурная жизнь).

Эти позиции являются для нас исходными при рассмотрении сегодняшнего состояния культуры каждой конкретной территории. Однако на любой территории традиционное и современное, унаследованное и вновь приобретенное, образуют плодотворный и живой культурный слой, в котором функционируют разные по масштабу и времени формирования элементы культуры. Исходя из этой концепции, сектор проводит исследования в разных направлениях, что позволяет выявить сложные процессы, происходящие в современной культуре, уяснить определенные закономерности в развитии различных форм творчества. Мы работаем в поселениях разного типа (город, деревня, монастырь), принадлежащих конкретному региону, но вполне соизмеримых по масштабу и связанных общими традициями и условиями жизни. Таким образом, мы получаем срез культурной жизни, выявляющий, что из духовного культурного наследия (мирового, российского, регионального):

- актуализировано сегодня в своем традиционном виде;
- трансформировалось в процессе адаптации к современным условиям;
- существует лишь в воспоминаниях немногих людей;
- ушло из культурного потребления.

Не упускается из вида и собственно современная составляющая культуры, не только формирующая облик культуры в целом, но и активно влияющая на то, что мы называем культурным наследием.

Проведенные за эти годы исследования позволили сделать некоторые выводы, в том числе следующие:

1. Понятие “живая традиционная культура” не является абсолютной метафорой. Оно отражает представление о конкретном наборе действующих культурных практик и их структуре в конкретной местности, регионе, стране. Таким образом, актуализируется проблема изучения живой традиционной культуры как неперемнная составляющая любого культурного ланд-

шафта, подтверждается и конкретизируется тезис о культурном разнообразии.

2. В связи с активными и непрекращающимися миграционными процессами внутри страны поля культурных практик в последнее десятилетие динамично меняют свои конфигурации.

3. Учитывая прикладной характер многих исследований, *прагматический фактор* — живая традиционная культура рассматривается с точки зрения оценки реального культурного ресурса — оказывается наиболее значимым, так как может и должен быть использован в разработке стратегии культурного развития историко-культурных территорий.

Научными сотрудниками сектора стали специалисты в области фольклористики, этнографии, лингвистики, музыковедения, искусствоведения, педагогики, аксиологической географии и социологии.

Основным методом работы сектора стала экспедиционная деятельность, которая, с одной стороны, вобрала в себя все исследовательские интересы научных сотрудников, с другой — породила самостоятельные направления работы. Так, необходимость презентации экспедиционных материалов (кроме обычных отчетов и публикаций), сформировало два вида их представления:

- аудиовизуальный, включающий использование современных информационных технологий (так, например, с.н.с. В.Л.Кялусом по результатам экспедиции в Забайкалье было выпущено два CD);

- концептуально-художественный, реализуемый в разнообразных выставках.

Видеокамера как инструмент фиксации, научного исследования и обучения — тема чрезвычайно актуальная для ученых и практиков, занимающихся проблемами документирования фактов и объектов культуры. Практически, со дня основания Института фиксация культурно-ландшафтных зон, памятников и акций традиционной культуры визуальными средствами стало одним из направлений его работы. Особенно активно это направление развивается в нашем секторе, где разработана и реализуется программа по изучению звукового и визуального образа мира традиционной культуры.

Конференции и семинары по визуальной фиксации проводятся в Институте с начала 1990-х годов. Наиболее значимые из них: “Аудиовизуальные средства изучения культурного наследия” (1993), “Визуальная антрополо-

гия и образование” (1995), “Визуальная антропология и современная информационная среда” (1998). В них приняли участие фольклористы, этнографы, музыковеды, практические работники учреждений культуры и другие специалисты из различных регионов России, стран СНГ и дальнего зарубежья. В настоящее время можно говорить о том, что эти конференции и семинары способствовали формированию в России информационно-исследовательского пространства, в котором развиваются и реализуются проекты по визуальной фиксации традиционной культуры.

Последний, V Международный семинар-мастерская “Традиционная культура в аудиовизуальных фиксациях: от полевой записи к художественному фильму” (рук. В.Л. Кляус), ставил перед собой задачу поиска языка для взаимопонимания между специалистами разных областей науки и искусства. Особенность прошедшего семинара-мастерской, в отличие от всех предыдущих, состояла в том, что он прошел в Салехарде в контексте III Российского фестиваля антропологического фильма и Международного северного кочующего кинофестиваля “Салехард—2002”, что способствовало самому активному диалогу между деятелями науки, сферы образования, культуры и кино.

Проведение выставок, организованных в рамках концепции сектора, стало традицией, основа которой была заложена в 1994 году. Выставки были очень разными: экспонировались работы современных художников-живописцев, графиков, предметы декоративно-прикладного искусства и этнографии, музыкальные инструменты и фотографии. Всего за прошедшие годы прошло более 20 выставок, и о любой можно много говорить, но главное, что каждая из них раскрыла и показала множество граней современной живой традиционной культуры. В основу нескольких выставок легли экспедиционные материалы и фонды сектора. До 2002 года реализацией выставочного проекта занималась искусствовед Р.Р. Мусина.

Кроме того, выставочный зал сектора используется нами и как научно-творческий клуб для проведения семинаров, докладов и вечеров (музыкальных, литературных и пр.). Все эти встречи проходят в выставочных интерьерах.

В качестве научного полигона, на котором мы работаем уже более семи лет, нами был избран Козельский район Калужской области. В большой

мере это решение было обусловлено тем, что исследования в этом регионе были начаты в Институте еще в 1992 г. Привлекла нас и территориальная близость, досягаемость, а в связи с этим и возможность регулярно бывать в интересующем нас районе.

Козельский район, имеющий уникальную историю, светскую и монастырскую, несмотря на богатство и разнообразие культурного ландшафта, практически не был описан в современной литературе. Поэтому при подготовке первой экспедиции мы столкнулись с отсутствием возможности предварительного ознакомления с какими-либо серьезными источниками. Наш первый выезд туда происходил почти “вслепую”.

Выбор населенных пунктов не был заранее заданным, поэтому контур исследуемой территории определялся “естественным” образом и складывался в процессе экспедиционной работы в последующие два года. Активно исследовались города Козельск и Сосенский, сопоставляемые как исторический город (к тому же в настоящее время — административный центр) и молодой город, выросший из шахтерского поселка; монастыри (Шамординский — женский и Оптина Пустынь — мужской), которые активно восстанавливались к тому времени. Безусловно интересными для нас были и сельские поселения (деревни Клюксы, Березичи, Дешовки, Слаговищи), а также знаменитые усадьбы (в т.ч. князя А. Оболенского), остатки которых живы и по сей день. Полевые исследования, проводившиеся в сельской местности, не только помогли выявить определенные закономерности бытования традиционных жанров фольклора, но и обозначили новое направление в работе сектора — фольклор как средство описания культурного ландшафта (Н.М. Ведерникова).

Надо сказать, что к изучению Козельского края, работе с архивами и сопоставлению собранных материалов с более ранними описаниями и записями этнографов, фольклористов, музыковедов и дореволюционных краеведов мы, по возможности, старались привлечь и местных специалистов, активно сотрудничая с ними. Тесные контакты удалось установить не сразу, но впоследствии они окрепли и приобрели форму совместной продуктивной работы. Нам удалось активизировать местных исследователей. Результатом их и нашей работы стало регулярное проведение Козельских краеведческих чтений, в т.ч. детских, с последующим изданием текстов докладов и сообщений. Появился ряд серьезных публикаций местных авторов.

Мы же за эти годы выпустили сборники “Фольклор Калужского края” (вып. 1 и 2), составленные и откомментированные в.н.с. Н.М. Ведерниковой, в которых были опубликованы материалы и исследования этнографов, фольклористов, искусствоведов периода XIX — начала XX вв. В 1999 году опубликован сборник “Калужский край. Козельский район (этнографические очерки)” — редактор-составитель Е.Д. Андреева. Для участия в сборнике мы пригласили специалистов (в том числе и местных), которые так же, как и мы работали в Калужской области. Следует подчеркнуть, что при работе над сборником была поставлена цель сделать его интересным, доступным и понятным для широкого читателя. С 2000 года сборник рекомендован в Козельском районе для использования в системе образования.

Работа в Козельске продолжается. Не обойдены вниманием и природно-культурные памятники, такие, как Чертово Городище, с которым связано множество легенд и предания. В процессе подготовки к изданию находится второй выпуск сборника “Калужский край. Козельский район”.

Полевая работа, как уже говорилось, составляет основу деятельности сектора. Её география широка, проблематика разнообразна. Используются разные возможности для проведения экспедиций. В первую очередь, это финансовая поддержка Института, получение грантов от различных российских и зарубежных фондов, договорная основа, участие в российских и международных проектах. Только за последние годы наши сотрудники участвовали во многих экспедициях. На Кенозере, в Архангельской области, обращение к фольклору, сохранившимся в традиции обрядам, произведениям устной прозы (преданиям, легендам, рассказам) позволило выявить локальные особенности кенозерской культуры, объяснить некоторые из характерных особенностей ландшафта (святые рощи, церкви, часовни, кресты), обустройство деревни и хозяйственных угодий (поля, поляны, пожни) и др. Сборник “Сказки и рассказы Кенозера, подготовленный ведущим научным сотрудником Н.М. Ведерниковой, помимо текстов, представляющих традиции устного рассказа, включает в себя характеристики-портреты исполнителей — хранителей уникального культурного наследия.

Тема “Соловки в народной памяти” разрабатывалась во время экспедиций в Поморье (Н.М. Ведерникова, С.Е. Никитина). Результаты экспедиции показали двойственность восприятия и оценок жителями Поморья

Соловков (как православной святыни и как тюрьмы), что нашло подтверждение в многочисленных устных рассказах. По следам экспедиций опубликованы статьи, подготовлена к изданию монография, снят видеофильм.

Полевые исследования проводились в Забайкалье, Литве (В.Л. Кляус), Тульской, Ростовской, Саратовской областях, Краснодарском крае (С.Е. Никитина), Ямало-Ненецком АО (Н.М. Ведерникова) и др. За эти годы состоялось множество командировок как с исследовательскими целями, так и для участия в региональных, российских и международных семинарах, конференциях, конгрессах.

Интересным и полезным оказалось сотрудничество с коллегами из других секторов в программах разработки стратегии культурного развития малых исторических городов России (рук. П.М. Шульгин), в том числе городов Покрова, Ялutorовска, Тобольска, Ишима (Е.Д. Андреева, Н.М. Ведерникова). Ведутся исследования по изучению малых конфессий (в т.ч. старообрядцы, молокане, духоборы) и составлению карт по их расселению в России (С.Е. Никитина). Надо отметить, что ведущий научный сотрудник С.Е.Никитина (специалист в области языка фольклора, этнолингвистики и культуры русских конфессиональных групп) участвовала в десятках экспедиций в т.ч. в США, где провела полевые исследования устной культуры и языковой ситуации среди молокан и старообрядцев США. Под ее научным руководством проведены видеосъемки и сделано несколько документальных фильмов: “Духоборы—87”, “Духовное пение молокан”. Были произведены записи духоборских псалмов и светского пения, на основе которых выпущен альбом из двух пластинок “Поют духоборы Джавахетии”.

С 2000 года аспиранткой А.А. Белошеевой ведется исследование по изучению космологических представлений как сферы знания о мироустройстве и миропорядке архаических сообществ, изобразительные мотивы которых воплощены в орнаментальном декоре памятников декоративно-прикладного искусства. Орнамент как относительно устойчивый элемент народной культуры сохранил в себе архаические черты, отразившие мифологические представления человека.

В этом году возобновилось социологическое направление исследований. Основа его была заложена еще в 1994 году к.ф.н. Э.Н. Фаустовой, благодаря которой было проведено несколько интересных исследований, связанных с разными аспектами бытования живой традиционной культуры,

отношением к ней разных социальных и возрастных групп, ее местом в системе ценностей человека. Сейчас разработкой социологического мониторинга традиционной культуры занимается научный сотрудник сектора Е.В. Ивлева. В частности, готовится пилотажное исследование среди молодежных групп, ориентированное на малые исторические города, во многих из которых прихотливо смешались культурные традиции разных этносов.

С 1995 года в секторе проводится регулярная работа по изучению традиционной культуры цыган России. Работа началась с обработки коллекции песен и сказок российских цыган, собранной А.Н. Гесслером и Е.А. Друцем. Коллекция находится на хранении в Институте Наследия и содержит около 200 произведений цыганского фольклора (в основном, песен, а также некоторого количества сказок) на магнитофонных бобинах. В 1995-1996 годах сотрудниками сектора А.Н. Гесслером и Л.Н. Черновым была произведена расшифровка текстов, их запись на языке оригинала и перевод на русский язык. Материалы коллекции с нотами и соответствующими комментариями предполагается издать отдельной книгой, снабдив их переводами на английский язык. В публикации этих материалов выразил желание принять участие швейцарский Цыганский фонд (Roma Foundation — Zurich).

В ходе работы над коллекцией цыганского фольклора возникла идея создания своеобразного центра цыганских исследований в рамках сектора. До сего времени в России такой центр отсутствует, хотя Россия начиная с 90-х годов XIX века вплоть до 40-х годов XX века имела довольно богатую цыгановедческую традицию. Особенно заметно отсутствие российских работ в этой области на фоне мощного потока серьезных научных публикаций по цыгановедению в зарубежной Европе и в Америке. Сотрудником сектора Л.Н. Черновым закончена работа по формированию сборника статей, посвященных фольклору, истории и этнографии цыган. Установлены контакты с российскими и зарубежными исследователями-цыгановедами. Результатом этих контактов является подготовленный в секторе к публикации словарь языка крымских цыган (с фольклорными текстами), составленный исследователем из г. Иванова В.Г. Тороповым и отредактированный Л.Н. Черновым. Издание словаря планируется на начало 2003 г. и финансируется Цыганской программой Института "Открытое общество" (Фонд Сороса) в Будапеште.

В 1998 году в секторе организовалось новое оригинальное научное направление. Его инициатором и исполнителем стал с.н.с. Ю.Г. Вешнинский. Начиная с 1978 года он проводит исследования в области аксиологической географии, которые продолжил в рамках работы Института. Методика исследования заключается в получении в ходе социологических опросов списков самых красивых и самых некрасивых по мнению респондентов городов (зданий, архитектурных ансамблей), ранжированию их по частоте упоминания в позитивном или в негативном контексте, а затем в построении оценочных рейтинговых шкал городов, регионов и целых стран. На основе этих шкал, в свою очередь, делаются оценочные карты стран, регионов и городов, наглядно демонстрирующие их “аксиологический рельеф”.

Таким образом, в качестве объекта исследования выступает та весьма важная сторона городской и региональной структуры, которая может быть названа “массово-субъективной”, своего рода “современная городская и региональная мифология”, мысленные карты, существующие в головах людей, с фокусами притяжения и отталкивания. Речь идет о системе оценок и сравнительных предпочтений определенных качеств городской и региональной территории, которая складывается и действует в массовом сознании различных групп населения. Очевидно, что действие таких оценок не ограничивается только сознанием: они играют существенную роль в ориентации соответствующих форм массового поведения в городе, на территориях и в городских учреждениях, имеющих разную “социальную репутацию” или, если речь идет о регионах, в направлениях потоков миграции, маршрутах внутреннего туризма и т.д.

Наряду с несомненными элементами объективированных оценок присутствуют и легко заметные фольклорно-мифологические элементы, неразрывно связанные с бытующими в массовом сознании имиджами и аурами различных мест.

Это, наверное, основное, о чем следовало упомянуть в этом кратком обзоре. Исследовательское поле сектора обширно и разнообразно. На протяжении 8 лет коллектив стабильно и дружно работает, наша востребованность представляется очевидной и мы надеемся, что нам удастся, по мере сил, обогащать “научный ландшафт” нашего Института.

ТУМАНОВ В.Е.,

к.пед.н., заведующий сектором

КРАЕВЕДЕНИЕ В ИНСТИТУТЕ НАСЛЕДИЯ

Сектор краеведения создан в Институте Наследия в 1999 г. Включение краеведческой тематики в научно-исследовательскую проблематику института связано с пониманием объективных взаимосвязей между краеведением и наследиеведением. Основу краеведческой деятельности составляет выявление, изучение, охрана и введение в общественный оборот объектов культурного и природного наследия определенной территории, изучение ее историко-культурных и природных особенностей.

Термин “краеведение” утвердился в отечественной науке в начале XX века. По мнению некоторых исследователей его впервые применили в 1914 г. географ И.Д. Маньков и историк В.Я. Уланов (1). С тех пор термин “краеведение” получил настолько широкое распространение, обрел так много смысловых значений, что достаточно точного определения его не сформулировано по сей день. Сложность выработки такого определения связано с тем, что термином “краеведение” обозначают, как проанализировал один из ведущих специалистов в области краеведения академик РАО, председатель Союза краеведов России С.О. Шмидт, одновременно и формы, и виды, и методы деятельности по изучению прошлого и настоящего какой-либо местности (2).

Под краеведением понимается и научно-исследовательская деятельность государственных научных учреждений и общественно-полезная научно-практическая работа широких слоев общественности. Это особенно выделял Д.С. Лихачёв, подчеркивая, что краеведение — “самый массовый вид науки: в сборе материалов могут участвовать и большие ученые, и школьники” (3). Под краеведением часто понимают и популяризацию знаний о той или иной местности через специальные издания, средства массовой информации, учебно-методические пособия. Особенно широко, в этом смысле, краеведение используется в системе образования. Возникли даже такие понятия, как “школьное краеведение”, “вузовское краеведение”.

Это объясняется, в первую очередь, тем, что краеведение обладает высоким образовательно-воспитательным потенциалом (4). Не случайно поэтому, Законом РФ “Об образовании” введена норма регионального

компонента для реализации государственных образовательных стандартов (5). Как показывает практика, наиболее эффективно региональный компонент может осуществляться с помощью средств краеведения.

Краеведение в нашей стране получило свое распространение на рубеже XIX-XX века, но особенно активно оно развивалось в советский период отечественной истории, став неотъемлемым элементом культуры и образования. В первые годы строительства советского государства наблюдался особенно бурный рост краеведческой активности на местах. Местная интеллигенция, любознательные рабочие и крестьяне, объединяли свои усилия по спасению усадеб, дворцов, других недвижимых памятников истории и культуры, созданию местных краеведческих музеев, поиску природных ресурсов для развития региональной экономики. Этот период вошел в историю как “золотое десятилетие краеведения” (6).

Государственная власть хорошо поняла выгоду использования общественников-краеведов для решения задач собирания и сохранения культурных ценностей, поиску полезных ископаемых. Уже в 1922 г. был учрежден специальный организационно-методический краеведческий орган — Центральное бюро краеведения (ЦБК), которое функционировало до 1925 г. при Российской Академии наук, а затем (до 1936 г.) при Главнауке Наркомпроса РСФСР. Аналогичные бюро создавались в союзных и автономных республиках, а на местах — краеведческие общества. В 1929 г. в СССР насчитывалось 2270 краеведческих организаций (7).

Активному развитию краеведения в этот период способствовало и то, что у “руля” этой деятельности стояли такие выдающиеся ученые и известные деятели, как академик С.Ф. Ольденбург (председатель ЦБК), академик Д.О. Святский (ученый секретарь ЦБК), Д.Н. Анучин, Н.П. Андиферов, В.К. Арсеньев, М.М. Богословский, Н.А. Гейнике, И.М. Гревс, Н.М. Дружинин, Н.К. Крупская, Н.Я. Марр, А.А. Обручев, С.Ф. Платонов, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, П.Г. Смидович, А.Е. Ферсман, А.В. Чайанов, Ю.М. Шокальский и другие. Немало выдающихся ученых и общественных деятелей были членами местных краеведческих организаций.

Государство весьма рационально подошло к использованию краеведческих сил, создав общественно-государственную систему краеведения: органы управления краеведением, как центральные, так и местные, содер-

жались за счет бюджетных средств, а практическая работа осуществлялась краеведами на общественных началах.

Краеведение в России развивалось не только по линии ЦБК. Без инициативы и активного участия краеведческой общественности невозможным было бы создание и деятельность Всероссийского общества природы (основано в 1924 г.), Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (основано в 1966 г.), не была бы осуществлена инициированная в 1931 г. А.М. Горьким программа написания истории фабрик и заводов. Большинство ныне действующих районных, городских и многих областных краеведческих музеев было создано усилиями местных краеведов. О том, какое значение придавало государство развитию краеведения (в том числе и контролю за идеологией этого движения), свидетельствует тот факт, что первый научно-исследовательский институт, созданный в 1937 г. в системе учреждений культуры, назывался “Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы” (после нескольких переименований он известен сегодня как НИИ культурологии).

История отечественного краеведения весьма сложна и до сих пор до конца не изучена. В разные периоды истории страны краеведение переживало свои подъемы и спады. “Пики” наибольшей активности общественно-краеведческого движения возникали в переломные периоды истории России. Так, по времени совпадают “золотое десятилетие краеведения” и НЭП, “хрущёвская оттепель” и необычайно широкое развитие школьного краеведения во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов. Современный подъем краеведческого движения начался в процессе демократических преобразований в конце 1980-х годов.

В настоящее время даже специалистам трудно ориентироваться в многообразии форм организации краеведения, методов его использования для решения различных проблем в области науки, культуры, экономики, политики и т.д. Помимо “государственных” форм организации краеведения (краеведческие музеи, школьное краеведение, вузовское краеведение), в стране действует большое количество общественных объединений, которые относят себя к краеведческим, либо используют краеведение для реализации своих задач. Параллельно с Союзом краеведов России, созданным в 1990 г. и объединяющим региональные краеведческие организации в рамках комплексной долговременной программы “Краеведение” (8), функциони-

ругие объединения, специализирующиеся на военно-историческом краеведении, церковном или конфессиональном краеведении, экологическом краеведении, усадебоведении, городоведении и т.п. Современная научная специализация краеведения включает историческое краеведение, литературное, географическое, художественное, музыкальное, археологическое, этнографическое, экологическое краеведение и ряд других направлений.

Естественно, сектор краеведения, состоящий из нескольких научных сотрудников, не может охватить своими исследованиями все многообразие форм и видов краеведения. Поэтому, учитывая научные возможности сотрудников, их творческие интересы и многолетнюю специализацию, сектор, в качестве основного направления научных исследований, определил проблематику использования культурного и природного наследия в обучении и воспитании школьников средствами краеведения. Актуальность разработки этой тематики связана, с одной стороны, с потребностями государства в реализации основных положений концепции обучения и воспитания детей и подростков с использованием средств краеведения, культурного и природного наследия регионов, с другой стороны, с возможностью оперативного внедрения результатов исследований в практику.

Базовой организацией для осуществления исследований и апробирования промежуточных результатов сектор краеведения избрал Центр детско-юношеского туризма и краеведения Министерства образования, на который возложены функции организационно-методического центра в области школьного краеведения, туризма, спортивного ориентирования и школьного музейного дела в системе дополнительного образования учащихся (внешшкольного и внеклассного). Творческое сотрудничество с этим Центром позволяет специалистам сектора не только оперативно получать информацию о всех изменениях в государственной политике в области обучения и воспитания школьников, о новейших тенденциях и технологиях по использованию культурного и природного наследия в регионах в учебно-воспитательной работе с детьми, но и участвовать в выработке концепций и решений, экспертизе педагогико-краеведческих проектов, внедрять собственные организационные и методические модели. С участием сотрудников сектора (еще до его образования) была разработана и в декабре 1998 г. утверждена Министерством образования РФ «Программа туристско-краеведческого движе-

ния обучающихся Российской Федерации “Отечество” (9), целевая программа “Мониторинг археологического наследия”, 2001 г. (10).

Работая над общей исследовательской проблемой, каждый сотрудник сектора специализируется в одной или нескольких областях краеведения и наследиеведения. Научный сотрудник сектора кандидат географических наук *Елена Витальевна Андреева* занимается преимущественно проблемами организации и методики дополнительного экологического образования и воспитания школьников средствами краеведения, культурного и природного наследия. Одним из важнейших элементов ее исследований является участие в ежегодно проводимой Всероссийской экологической экспедиции школьников. Экспедиция имеет базовый лагерь на территории заказника “Троеручица” около монастыря Нилова Пустынь на берегу озера Селигер в Тверской области (11).

В экспедиции участвуют юные экологи-краеведы из различных регионов России. Они отрабатывают практические навыки, делятся опытом эколого-краеведческой работы. Это дает возможность Е.В. Андреевой анализировать опыт и методики эколого-краеведческой учебно-воспитательной деятельности различных педагогов, разрабатывать и апробировать собственные методики проведения учебно-воспитательной работы с детьми, экспертизы эколого-краеведческих программ других педагогов.

Старший научный сотрудник, кандидат философских наук *Леонора Ивановна Багрянцева* специализируется на анализе форм организации и программ общественно-краеведческой деятельности детских объединений, а также других общественных объединений, деятельность которых связана со школьным краеведением. Будучи специалистом в области социологии, Л.И. Багрянцева умеет выявлять и анализировать различные тенденции в использовании краеведения, культурного и природного наследия государственными органами и общественными организациями, находить точки соприкосновения и противоречия в их практической деятельности, отбирать для применения в школьном краеведении наиболее интересные и перспективные модели и программы.

Многие свои идеи Л.И. Багрянцева пытается апробировать через созданное при ее активном участии краеведческое общество “Кузьминки”, в частности, по реальному участию школьников-краеведов, учащейся молодежи в изучении и охране парка “Кузьминки” и находящегося на его тер-

ритории усадебных комплексов. Являясь сопредседателем краеведческого общества “Кузьминки”, Л.И. Багрянцева активно участвует и в работе Общества “Старая Москва”, Московского городского клуба добровольцев, ряда других общественных объединений.

Старший научный сотрудник, кандидат исторических наук *Галина Сергеевна Лялина*, известный специалист в области истории религий, занимается разработкой проблематики использования исторического краеведения в обучении и воспитании школьников. Эта тема — одна из ключевых в школьном краеведении, поскольку, как известно, “исторические знания обладают особым свойством: они воспитывают не только разум, но и душу” (12). От того, как используется историко-краеведческий потенциал региона, под каким идеологическим углом зрения трактуются происходившие некогда и имеющие место сегодня события в крае, во многом зависит гражданское и патриотическое воспитание детей и подростков, становление их морали.

К сожалению, как выяснила Г.С. Лялина, далеко не все педагоги, использующие историческое краеведение, умеют оценивать исторические факты и события, соотносить их с общеисторическими процессами, с закономерностями развития культуры, видеть общее и частное в тех или иных проявлениях местного историко-культурного наследия. Встречаются случаи, когда, в процессе занятий со школьниками; историческим краеведением, некоторые педагоги пытаются сформировать у детей определенные политические, националистические или религиозные воззрения, что противоречит действующему законодательству, запрещающему эти виды пропаганды в учреждениях основного и дополнительного образования детей. Поэтому ясно, что тематика, которую исследует Г.С. Лялина сегодня, одна из самых актуальных и сложных не только в школьном краеведении, но и в отечественной педагогике в целом. Промежуточные результаты исследований Г.С. Лялиной отражаются в соответствующих разделах отчетов сектора и в ее публикациях, выступлениях на заседаниях Научного совета по проблемам формирования мировоззрения учащихся НИИ семьи и воспитания РАО и Научного совета по истории церкви Института отечественной истории РАН, членом которых она состоит уже много лет.

Заведующий сектором, кандидат исторических наук *Валерий Евгеньевич Туманов* занимается проблемами краеведения, в первую очередь

школьного, с начала работы в Институте Наследия в 1994 г. В сферу его профессиональных интересов, в рамках научно-исследовательской тематики сектора, входят вопросы организации и содержания школьного краеведения, участия педагогов и учащихся в реализации федеральных и региональных деятельностных краеведческих программ, проблемы выявления, охраны и использования объектов культурного и природного наследия в процессе деятельности школьных музеев. За время работы в институте В.Е. Туманов опубликовал 15 статей по этим проблемам, подготовил к изданию два сборника серии “Наследие и современность” (второй вместе с Г.С.Лялиной) и учебно-методическое пособие “Школьный музей”.

Будучи первым заместителем председателя Союза краеведов России, членом научно-методического совета по школьному краеведению Министерства образования РФ, членом Археографической комиссии РАН, Центрального совета ВООПиК и ряда других коллегиальных органов государственных учреждений и общественных организаций, В.И. Туманов представляет в них научные интересы Института Наследия.

Научные сотрудники Сектора краеведения постоянно возглавляют работу секций проводимых ежегодно всероссийских краеведческих конференций и олимпиад школьников — участников туристско-краеведческого движения “Отечество”, принимают участие в конференциях, семинарах, чтениях, “круглых столах” по проблемам школьного краеведения и более широкой тематики. Одним из сложившихся направлений практической деятельности сектора стала экспертиза различных проектов, программ, научных концепций, связанных с использованием культурного и природного наследия средствами краеведения. Это и оппонирование кандидатских диссертаций, подготовка отзывов на авторефераты, рецензий и экспертных заключений на учебно-тематические программы, учебно-методические пособия, целевые краеведческие программы государственных органов и общественных объединений. В частности, сотрудники сектора постоянно участвуют в проводимом ежегодно Министерством образования РФ Всероссийском конкурсе методических материалов в помощь организаторам туристско-краеведческой работы с учащимися. Постоянный рост обращений научной, педагогической и краеведческой общественности к сотрудникам сектора за отзывами, рецензиями и консультациями свидетельствует, на наш взгляд, о росте авторитета сектора и института в целом.

Сектор краеведения постепенно вовлекает в сферу своих исследовательских интересов и других сотрудников Института Наследия. Так, уже систематически работают со школьниками краеведами и их руководителями на всероссийских краеведческих конференциях и олимпиадах сотрудники Сектора военно-исторического наследия (В.А. Дукельский и В.А. Дыгало), Центра документации наследия (Т.А. Коновалова и М.Ю. Коробко), археологи (И.В. Волков и А.В. Загоруйко), по мере необходимости к этой работе подключаются музейно-реставрационный сектор и сектор российского атласа культурного и природного наследия. Министерство образования не раз уже отмечало в своих благодарственных письмах вклад этих специалистов в дело совершенствования организации и методики школьного краеведения.

Поддержка руководством института работы сектора и участия в ней сотрудников других научных подразделений — прямое свидетельство того, какое важное значение придается в Институте Наследия разработке проблем выявления, изучения, охраны и использования культурного и природного наследия средствами краеведения.

Литература

1. Яковлева Н.И. Реализация краеведческого принципа в изучении физической географии: (на примере нач. курса физ. географии): Автореферат дисс. канд. пед. наук / Моск. гос. открытый ун-т. М.: 1997. С. 12.

2. Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. Тверь. 1992. С. 4-6.

3. Лихачёв Д.С. Учит земля родная // "Советская культура", 1987, 20 окт.

4. Туманов В.Е. Союз краеведов России: между прошлым и будущим. / Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конференции: 10-11 декабря 1998 г. Москва. М.: 1999. С. 19-20.

5. Закон РФ "Об образовании", ст. 7.1.

6. Шмидт С.О. "Золотое десятилетие" советского краеведения // Отечество: Краеведческий альманах. Вып. 1. - М.: 1990. С. 11-27.

7. Филимонов С.Б. Краеведческие организации европейской России и документальные памятники (1917-1929 гг.) / Под ред. С.О.Шмидта. - М.: 1991. С. 10.

8. Комплексная долговременная программа “Краеведение” /Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конференции: 10-11 декабря 1998 г., г. Москва. М.: 1999. С. 284-299.
9. Программа туристско-краеведческого движения обучающихся Российской Федерации “Отечество” // Там же. С. 301-313.
10. Мониторинг археологического наследия // Росс. Вестник детско-юношеского туризма и краеведения № 4 (40), 2001. М.: 2001. С. 22-23.
11. Озеров А.Г. Всероссийская детская туристско-экологическая экспедиция 2002 года. // Росс. Вестник детско-юношеского туризма и краеведения. № 3 (43), 2002. М.: 2002. С. 18-21.
12. Шмидт С.О. Историзм мышления // Наука убеждать. М.: 1970. С. 348-349.

ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ
И ТРАДИЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В течение тысячелетий безвестные мастера создавали и усовершенствовали десятки технологий, благодаря которым человеческая жизнь в настоящее время протекает не в природной, а почти полностью в искусственной материальной среде. Кроме того, вероятно, каждая созданная и освоенная технология давала человечеству новую модель для познания мира и его закономерностей.

Особую роль в создании материальной культуры сыграли технологии, воспринимаемые с точки зрения человека из архаических сообществ как “магические”, а с современной точки зрения — *просто химические технологии*. Это в настоящее время мы воспринимаем совершенно естественно любые, самые сложные химические превращения. Поскольку с точки зрения первобытного человека исходные и конечные продукты многих химических технологий не имели между собой ничего общего, например, руда и металл, то химические превращения в древности воспринимались как “чистое волшебство”, а технологии таких превращений воспринимались первобытным сознанием как “магические”.

Большинство технологий, в том числе и “магических”, химических технологий, вплоть до конца XVIII в. были идеально адаптированы к ручному индивидуальному, кустарному или мануфактурному производству. Это происходило благодаря тому, что “доиндустриальные” технологии и созданные на их основе производства существовали в весьма специфической для античного и средневекового общества форме — в виде цехов и гильдий. Внутри цехов и гильдий проходила практически вся жизнь мастеров и их семей - производственная, социальная, религиозная и культурная, а также передача технологических знаний новым поколениям. Многие поколения мастеров, работавших в цехах и гильдиях, не только заложили материальную основу античной и средневековой жизни, но и создали непревзойденные произведения искусства.

Однако промышленная революция XVIII-XX вв. уничтожила большинство процветающих производств на основе ручных технологий и такие

социальные институты,² как цехи и гильдии. Многие ручные технологии были утрачены, а затем окончательно забыты. Очевидно, что в настоящее время эти забытые технологии являются такими же памятниками истории и культуры, как и храмы давно исчезнувших религий.

Мы называем “историческими” такие технологии, которые в “доиндустриальный” период были основой многих производств и применялись для создания материальных объектов, но в настоящее время уже давно исчезли как реально функционирующие производства на основе этих технологий.

“Традиционные” технологии фактически являются “тенью” исчезнувших “исторических” технологий, но сумевших адаптироваться к условиям промышленной революции. В наше время в виде традиционных технологий в народных промыслах сохранились лишь реликты некогда обширных и совершенных производств на основе ручных “исторических” технологий, а также реликты цехов и гильдий.

Большинство народных промыслов на основе “традиционных” технологий — это, фактически, обычные промышленные производства, так что большая часть звеньев их производственного процесса — чисто “индустриальные”. Но, в отличие от классических, полностью индустриальных предприятий, в народных промыслах “традиционность технологий” связана с тем, что сохраняются одно или несколько “ручных” звеньев. Обычно, “ручными” являются конечные этапы “традиционного” производственного процесса, когда соответствующему изделию придаются семиотические функции (см. ниже). Эти конечные, “ручные”, этапы обычно соответствуют завершающим звеньям производственного цикла какой-либо исчезнувшей “исторической” технологии.

На первый взгляд проблемы исследования и реконструкции давно забытых и утраченных “доиндустриальных” технологий (исторических или традиционных) имеет весьма ограниченный, частный интерес.

Однако сотрудники Центра исследования исторических и традиционных технологий Института Наследия не разделяют такую точку зрения и считают, что результаты исследования и реконструкции этих технологий могут быть весьма полезны. И вот почему.

— Во-первых, сведения о технологических аспектах создания материальных объектов, включая памятники искусства, могут стать эффективны-

ми инструментами для анализа текущей культуры, культурогенеза и культурного наследия.

— Во-вторых, реконструкции технологий могут принести весьма ощутимую практическую пользу для сохранения текущей культуры и культурного наследия.

Центр исследования исторических и традиционных технологий возник практически одновременно с созданием Института Наследия.

При формировании Центра в Институте Наследия руководствовались двумя важнейшими ключевыми идеями:

— Технологии — один из компонентов текущей культуры и культурного наследия. Поэтому технологии достойны детального исследования как составная часть культурного наследия, а также усилий по их сохранению.

— Взаимодействие технологий с другими компонентами культуры может порождать стимулы для культурогенеза и в какой-то степени формировать текущую культуру и культурное наследие.

Именно эти идеи предопределили несколько направлений научной и практической деятельности, касающиеся различных аспектов исторических и традиционных технологий. Эти направления были сформированы в Центре за прошедшие с момента создания 10 лет, в 1992-2002 годах.

Первое направление — это теоретическая оценка роли технологий как составной части текущей культуры и культурного наследия, а также анализ взаимодействия технологий с другими важнейшими составными частями культуры и культурного наследия — духовной и материальной культурой. Кроме того, работы на этом направлении включают разработку методов исследования и реконструкции важнейших исторических технологий, сыгравших выдающуюся роль в формировании произведений искусства и других материальных объектов.

Второе направление — практическое применение сведений об исторических и традиционных технологиях в практической работе с памятниками материальной культуры.

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕХНОЛОГИЙ И КУЛЬТУРЫ

Место технологий в культуре

Чтобы понять роль технологий в текущей (живой) культуре и культурном наследии, целесообразно принять несколько принципиальных допущений, касающихся культуры в целом.

Первое допущение состоит в том, что в соответствии с точкой зрения структурализма (структуралистского анализа) культуру можно разделить на 3 основных структурных блока. Это процедура достаточно корректна, так как, несмотря на естественное единство этих блоков в целостной культуре, каждый из них все же характеризуется особыми носителями и выражает себя на специфических языках.

Первый блок — это идеи и представления, “виртуальные” модели жизни (философские, религиозные, этические, эстетические, политические и др.), образующие в совокупности духовную культуру.

Второй блок — это созданные человеком “искусственные” материальные объекты, образующие в совокупности материальную культуру. В настоящее время “искусственные” материальные объекты в значительной мере сформировали реальную повседневную материальную среду для индивидуальной, групповой и социальной жизни людей (дома, одежда, предметы обихода, машины и т. д.).

Третий блок — это алгоритмы, обряды, ритуалы, производственные процессы, используемые для создания различных объектов и которые в совокупности можно назвать технологиями в широком смысле этого слова. “Технологии” в узком смысле применяются для создания конкретных групп материальных объектов. Именно в этом смысле понятие технология и “технологии” будут употребляться в данной работе в двух вышеназванных смыслах.

Второе допущение состоит в том, что три вышеназванных блока в рамках единой культуры образуют последовательную цепочку блоков культуры:

“Идеи и представления” \rightleftharpoons “Технологии” \rightleftharpoons “Материальные объекты”

Третье допущение состоит в том, что данная цепочка может функционировать как в прямом, так и в обратном направлениях.

Из этой схемы видно, что технологический блок является необходимым промежуточным звеном этой цепочки. Очевидно, что от технологий зависит формирование материальной культуры. Хотя это и менее очевидно, но можно утверждать, что технологии могут стимулировать также и культурурогенез. Кроме того, технологии определяют направления, динамику культурурогенеза в целом, а также и других его компонентов, в частности.

Более того, основные эпохи становления и развития человечества названы по освоенным человеком технологиям обработки различных материалов (каменный, бронзовый, железный век и т. д.).

Наличие или отсутствие данной технологии в любом сообществе (и особенно в архаическом) является либо стимулирующим, либо лимитирующим фактором культурурогенеза.

Влияние технологий на духовную культуру

Влияние технологий на духовную культуру, т.е. на идеи, представления и виртуальные модели жизни, обусловлено обратным функционированием изображенной выше цепочки — от материальной к духовной культуре.

По мнению автора, такое влияние технологий может осуществляться различными способами.

Один из возможных способов влияния — это отбор идей и представлений духовной культуры по их прагматической значимости. Только те идеи и представления, которые порождают технологии, способные воплотить эти идеи и представления в материальные объекты, будут играть наиболее значимую роль в культуре в прагматическом смысле этого слова, особенно в повседневной жизни.

Другой возможный способ влияния состоит в том, что технологии “поставляют” духовной культуре модели для познания окружающей действительности. Широко известным примером является далеко идущая аналогия между первыми религиозными концепциями создания человека из глины (например, Гильгамеша или Адама) и особенностями керамического производства.

Третий возможный способ влияния — это изменение человеческого мышления в процессе создания сложных технологий. По мнению автора,

особенно важную роль в этом процессе сыграли “магические” (химические) технологии.

Многочисленные исследования племен, находящихся на самых ранних этапах цивилизации, показали, что на ранних этапах господствовало “магическое” мышление, которое во многом отличается от привычного нам рационального мышления, прежде всего, необходимостью привлекать огромное количество “духов”, сложным и непостижимым образом ответственных за все видимые события в человеческой жизни.

Почему же технологии, и в первую очередь древние “магические” (химические) технологии, могли так существенно трансформировать человеческое мышление?

Именно в этих “магических” технологиях от мастера требовалась максимальная “предсказательная” сила для “запрограммированного” производства, учитывая, что с его точки зрения исходные и конечные продукты были абсолютно различны и непонятно как связаны друг с другом. Представьте, что мастеру нужно за определенное время произвести нужное количество предметов заданного качества, связанных со сложными превращениями исходных продуктов в конечные. Сделать это в рамках чисто “магического” мышления на основе взаимодействия предметов и их покровителей-духов крайне затруднительно. Поэтому наличие таких технологических проблем, и особенно проблем химических процессов, связанных с превращениями материалов, должно стимулировать принципиально другой тип мышления.

Не удивительно, что на определенной стадии цивилизации и возникло “естественное”, рациональное мышление, позволяющее более эффективно решать возникающие технологические проблемы древних химических технологий, чем это делало “магическое” мышление, обязательно использующее помощь “духов”. Следующим этапом совершенствования рационального мышления стало научное мышление.

Постепенно эти эволюционно более новые типы мышления в какой-то степени вытеснили из человеческого сознания более архаичное “магическое” мышление. Перефразируя известную фразу Ф. Энгельса, можно сказать, что не просто “труд создал человека”, а освоение, усовершенствование и постоянное практическое использование сложных химических технологий трансформировало мышление человека. Естественно, что такая трансформация существенно повлияла на духовную культуру.

Влияние технологий на материальную культуру

Очевидно, что технологии существенно влияют на материальную культуру. Не менее очевидно, что через технологии и духовная культура влияет на материальную культуру.

Чтобы понять, как на практике осуществляется такое влияние, постулируется четвертое допущение — каждый материальный предмет имеет три различные, но тесно связанные функции:

— Утилитарная функция, которая обеспечивает материальные потребности человека в конкретной области применения данного предмета.

— Стабилизационная функция, которая обеспечивает физическое существование предмета в конкретных физико-химических условиях реализации его утилитарных и семиотических функций.

— Семиотическая (семантическая, символическая, информационная) функция, которая обеспечивает значимость данного предмета как объекта культуры.

В рамках единой культуры с помощью семиотических функций материальных объектов практически решаются следующие основные задачи:

— С одной стороны, семиотические функции материальных объектов визуализуют, материализуют и даже с необходимостью “профанируют” незримые и абстрактные виртуальные модели, идеи и представления духовной культуры и делают их понятными и доступными даже самым простым людям. Совокупность семиотических функций материальных объектов в архаическом сообществе была, фактически, гигантским полиэкраном, на который в визуализированной форме проецировались абстрактные представления духовной культуры данного сообщества.

— С другой стороны, семиотические функции, наоборот, “виртуализуют” материальные объекты и тем самым обеспечивают их соответствие “виртуальным” положениям духовной культуры.

— Благодаря успешному решению двух вышеназванных задач, с помощью семиотических функций материальных объектов возникает эквивалентность объектов духовной и материальной культур и тем самым обеспечивается их единство в рамках целостной культуры.

— Благодаря тесной взаимосвязи между духовной культурой и семиотических функций материальных объектов, как раз и возможна реконст-

рукция каких-то аспектов духовной культуры исчезнувших сообществ по семиотическими функциями материальных объектов, найденных при археологических раскопках.

Семиотические функции материальных объектов решают и другие, важные для любого общества, задачи:

— Визуализуют социальные, конфессиональные, половозрастные, профессиональные и другие ячейки общества.

— Визуализуют границы между сообществами.

— Визуализуют личность индивидов.

Совокупность объектов материальной культуры по соотношению их семиотических и утилитарных функций можно условно разделить на две основные группы.

— В одной из них резко преобладают утилитарные функции, а семиотические функции выражены слабо. Материальные объекты этой группы можно отнести к предметам повседневной жизни.

— В другой, наоборот, резко преобладают семиотические функции, а утилитарные функции сводятся к поддержанию физического существования этих объектов. К таким объектам относится особая группа материальных объектов, которые в архаических сообществах играют роль специальных носителей семиотических, символических информационных функций. К этой группе относятся живопись, деньги, знамена, знаки конфессиональных, половозрастных, профессиональных отличий и т.д. Набор таких предметов, носителей информации, выделился уже на ранних этапах формирования материальной культуры архаических сообществ и сыграл важную роль в их эволюции.

Таким образом, в каждом материальном объекте, остаются следы других блоков культуры. С одной стороны, это идеи, представления и “виртуальные” модели духовной культуры (эстетических, этических, религиозных, философских и др.). С другой стороны, это технологические приемы создания памятника и “технология” культуры сообщества.

Следовательно, любой материальный памятник культуры является, помимо всего прочего, памятником идей и представлений, а также и “технологической” культуры.

Поэтому, по крайней мере, в принципе, исследование материальных объектов дает возможность реконструировать как технологии его создания, так и цепочку: “идеи — технологии — материальные объекты”.

Сотрудники центра попытались реализовать эту возможность на практике.

С одной стороны, такие реконструкции позволяют значительно более объективно, надежно и полно реконструировать процессы культурогенеза даже в давно исчезнувших исторических сообществах.

С другой стороны, без технологических знаний невозможно решить проблемы других компонентов культурного наследия, особенно для материальных памятников искусства. Такие проблемы культурного наследия, как атрибуция, экспертиза, реставрация и хранение памятников искусства должны быть основаны на достоверных и объективных научных знаниях об авторских исторических технологиях.

Кроме того, эти реконструкции позволяют использовать исторические технологии в качестве основы для современных “живых” производств, а это наилучший способ сохранения технологий и “технологической” культуры в качестве компонентов культурного наследия.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИЙ МАТЕРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

Очень интересно понять влияние технологий на различные функции материальных объектов, которые, во-первых, формируют все три функции в реальных материальных объектах, а, во-вторых, обеспечивают единство всех трех функций в пределах одного целостного материального объекта.

Влияние технологий на утилитарные и стабилизационные функции материальных предметов очевидно. Однако не так просто, но очень интересно понять влияние технологий на семиотические функции материальных объектов, которые, как показано выше, обеспечивают связь духовной и материальной культур в рамках единой культуры.

В соответствии с законами физиологии и психологии зрительного восприятия человека, в формировании семиотических (знаковых, информационных, символических) функций материальных объектов чрезвычайно важны размеры и форма материальных объектов. Однако эти факторы часто предопределяются не только семиотическими функциями объектов, но так же и их утилитарными и стабилизационными функциями. Поэтому при формировании семиотических функций материальных объектов огромную

роль играют также декоративные характеристики их поверхности, часто не связанные с утилитарными и стабилизационными функциями.

Наиболее важную зрительную информацию несут следующие шесть основных декоративных характеристик поверхности материальных объектов:

Цветовые:

- цвет и оттенок цвета;
- яркость или интенсивность цвета;
- чистота или насыщенность цвета;

Бесцветовые:

- фактура поверхности;
- степень прозрачности;
- оптическая однородность.

В технологической практике формирование семиотических функций означает создание в каждой точке поверхности определенной, фиксированной комбинации вышеназванных декоративных характеристик. Распределение декоративных характеристик на всей поверхности материального объекта является практическим технологическим инструментом мастера для воплощения его художественного (семиотического) замысла.

Роль цветовых характеристик в формировании семиотических функций

Особенно информативны три вышеназванные цветовые характеристики. Уже в глубокой древности были изобретены методы хромогенации, т.е. придания неокрашенным предметам цветовых характеристик с помощью окрашенных (хроматических) материалов (хромогенов или хромофоров). Эти методы сыграли чрезвычайно важную роль в формировании семиотики материальной культуры (включая живопись и произведения прикладного искусства).

Цветовое многообразие и связанное с ним семиотическое богатство материальной культуры предопределяется многообразием хромофоров и способов хромогенации. Потому создание и усовершенствование каждого нового класса хроматических материалов или любого нового метода хромогенации существенно увеличивали семиотические возможности произведений искусства и обогащали культуру в целом.

Пока химическая наука не научилась готовить синтетические хромогены, человек мог использовать только природные хроматические материалы. Очевидно, что в первую очередь человек применил природные минеральные пигменты, которые были хромогенами, наиболее доступными, распространенными и простыми для практического использования в материальных объектах. Они применялись как в чистом виде, без органических связующих (в пещерных росписях), так, в виде красок, т. е. суспензий пигментов в растворах органических связующих (в живописи). Краски могут окрашивать поверхность произведений искусства в результате того, что после испарения растворителей (или полимеризации органических связующих) они образуют на поверхности прочные красочные слои. Однако применение природных минеральных пигментов в качестве единственных хромогенов и красок, в качестве единственной технологии хромогенации имеет существенные ограничения:

- Цветовой набор минеральных пигментов был весьма ограничен.
- С помощью минеральных пигментов в принципе было невозможно окрасить объем многих материалов, например, текстильных волокон.
- Большинство минеральных пигментов имеют высокие показатели преломления (рефрактивные индексы). Поэтому на их основе практически невозможно приготовить цветные прозрачные лаки, необходимые для лессировок в живописи и для других прозрачных декоративных покрытий.
- Хромогенация с помощью красок, содержащих лишь минеральные пигменты, в принципе, не позволяет получить некоторые важные комбинации декоративных характеристик: прозрачные, глянцевые, оптически однородные поверхности с яркими, чистыми оттенками (в красочных слоях картин и других произведений искусства).

Поэтому человек был вынужден использовать в качестве естественной альтернативы минеральным пигментам природные красители растительного и животного происхождения, из которых готовились органические хромогены ("баканы" в терминологии русской рецептуры XVI-XIX вв.).

Однако, природные красители не могут непосредственно применяться в качестве хромогенов. Большинство чистых, необработанных красителей невозможно использовать в известных ранее технологиях хромогенации из-за сложностей в приготовлении растворимых или, наоборот, нерастворимых форм красителей, а также из-за их нестабильности.

Чтобы на практике использовать огромные потенциальные возможности природных красителей в формировании цветовых характеристик, наши предки должны были создать и усовершенствовать сложный комплекс физико-химических методов приготовления из красителей хромогенов, пригодных для практического применения в различных технологиях хромогенации произведений искусства.

Кроме того, они должны были найти способы связывать функциональные группы хромогенов и различных неокрашенных материалов, а также предотвращать деструкцию красителей в хромогенах во время бытования памятников в реальных условиях внешней среды.

В течение нескольких тысячелетий наши предки блестяще решили все эти сложнейшие технологические проблемы. Задолго до появления науки и научного мышления древние мастера решили все фундаментальные проблемы получения органических хроматических материалов (ОХМ).

Они научились готовить ОХМ на основе комплексных соединений природных красителей с катионами металлов, в которых красители, катионы металлов и другие компоненты были связаны координационными связями.

Наши предки научились получать широкий ассортимент ОХМ на базе комплексных соединений и довели их до удивительного совершенства. Самое замечательное, что они сделали это задолго до того, как в химии в конце XX века были сформулированы сами понятия комплексных соединений и координационных связей.

Уже в глубокой древности были созданы и усовершенствованы разные варианты комплексных соединений природных красителей, пригодных для хромогенации разных материальных объектов:

— *Органические пигменты в форме нерастворимых комплексных соединений* применялись в живописи и в прикладном искусстве в красках и/или двухфазных лессировочных лаках подобно минеральным пигментам.

— *Растворимые красители в растворах* взаимодействовали с функциональными группами протеиновых текстильных волокон или кожи (а также других органических материалов) при участии *протравных катионов металлов*. Красители в форме прочных нерастворимых комплексных соединений “краситель — катион — материал” окрашивали объем и/или поверхность этих материалов.

— *Цветные лаки* в различных технологических вариантах готовились на основе *растворимых комплексных соединений*, возникающих между пленкообразователями, растворимыми красителями и протравными катионами. Они применялись как идеально прозрачные (или полупрозрачные), однородные, глянцевые или матовые цветные и защитные пленки для декорирования многих видов произведений искусства (живописи, манускриптов, мебели, кожи, металлов, обоев и др.).

Цветовые и другие декоративные характеристики ОХМ так же, как и минеральных пигментов, сыграли огромную роль в формировании семиотических функций материальной культуры.

— Мастера и художники, применяя одновременно минеральные пигменты и ОХМ, могли получать практически любые комбинации декоративных характеристик. Наряду с минеральными хромофорами, природные органические хромогены были реальной химической основой того цветового и декоративного богатства, которое мы находим в памятниках искусства с древнейших времен и вплоть до XIX в.

— Наличие нескольких вариантов ОХМ позволило эффективно декорировать любые произведения искусства.

— ОХМ создали привычный для нас облик многих произведений мирового искусства. Цветовые и другие декоративные характеристики ОХМ вошли в наше сознание и подсознание в качестве внутренних эталонов красоты.

Исторические системы цветových символов

Ярким примером совместного влияния технологий на идеи и представления духовной культуры, а также на материальные объекты, являются возникшие на протяжении истории системы цветových символов, предназначенные для обозначения социального статуса. (Необходимо отметить, что существуют и другие системы цветových символов, например, религиозные, которые не рассматриваются в данной работе).

В Центре была развита гипотеза, которая постулировала, что именно технологии послужили базой создания “исторических” систем цветových символов для обозначения социального статуса. С помощью этой гипотезы можно “естественным образом” объяснить формирование этих систем.

1. В жизни любого сообщества, от глубокой древности и до наших дней, создавались системы цветовых символов, обозначающих социальный статус членов сообществ. Место конкретного цвета в иерархии цветовых символов строго соответствовало статусу человека в социальной иерархии общества.

2. Ключевым фактором, предопределяющим место конкретного цвета в иерархии цветовых символов, были технологические проблемы практического получения данного цвета в одежде. Это было вызвано тем, что именно семиотические функции одежды были наиболее эффективными (хотя и не единственными) инструментами для обозначения социального статуса.

3. Место каждого конкретного цвета в иерархии цветовых символов определялось технологическими проблемами крашения текстиля в данный цвет с помощью органических красителей и зависло от следующих факторов, связанных с процессами крашения текстиля органическими красителями:

- Стоимость и/или дефицит красильного сырья,
- Трудности процесса крашения,
- Стабильность выкрасок.

4. Самое высокое место в иерархии цветовых символов занимал самый дорогой, самый трудный для крашения текстиля и самый стабильный краситель и, соответственно, цвет, который придавал текстилю данный краситель. Наоборот, самое низкое место занимал самый дешевый, самый простой для крашения текстиля и самый нестабильный краситель, и соответственно, цвет, который придавал текстилю данный краситель.

Исходя из этих предпосылок, удалось выделить 4 основные системы цветовых символов, применяемых в европейской культуре.

Античные времена и Раннее Средневековье

Для этого времени были характерны местные красители. Технологические секреты и “ноу-хау” крашения для текстиля тщательно оберегались.

Самое высокое иерархическое положение в этой системе цветовых символов занимал пурпурный цвет. Важно отметить, что подлинным считался Тирийский пурпур, который получали из моллюсков. Пурпурный цвет соответствовал персонам императорского статуса, потому что сырье (некоторые морские моллюски) было наиболее дорогостоящим, технология крашения была сложной и длительной, а цвет был весьма стабильным.

Наоборот, самое низкое место в этой системе цветовых символов занимал коричневый цвет. Это обусловлено следующими факторами. Во-первых красители, необходимые для крашения в коричневый цвет, содержатся практически в любом растении и поэтому стоят очень дешево. Во-вторых, технология крашения очень проста и доступна даже для домашнего крашения. В третьих, выкраски этими красителями не стабильны и легко обесцвечиваются под действием различных факторов.

Поэтому коричневый цвет соответствовал персонам самого низкого звания. Когда в Европе в XIII веке появились нищенствующие ордена, его члены стали носить одежду коричневого цвета, чтобы символизировать свое нищенство.

Очевидно, что места пурпурного и коричневого цвета в системе цветовых символов четко определялись именно теми технологическими факторами крашения, которые описаны выше.

Важно подчеркнуть, что имитации пурпурного цвета в текстиле, полученные с помощью других красителей, принципиально не могли иметь такого семиотического значения, как подлинный Тирийский пурпур. Анализ коптского текстиля показал, что в античные времена широко применялись имитации пурпурного цвета, полученные за счет других красителей. Эти имитации могли использовать в одежде люди любого звания. Этот факт подчеркивает именно роль технологии крашения в формировании системы цветовых символов. Очевидно, что высшее место в иерархии цветовых символов занимал не просто пурпурный цвет, а пурпурный цвет, полученный в текстиле только при использовании подлинного Тирийского пурпура из моллюсков. Остальные цвета занимали промежуточные положения в иерархии цветовых символов: *пурпурный > красный > синий, зеленый > желтый > черный > коричневый*.

Позднее Средневековье и начало Нового времени

После захвата турками Византии были разрушены пурпурные красильни, и Тирийский пурпур перестал применяться для крашения одежд в Европе. В XVI-XVIII веках многие европейские государства захватили колонии в тропических и субтропических странах Америки, Азии и Африки. В это время из колоний в Европу хлынул поток сравнительно дешевых, высококачественных и технологически простых красителей.

В XVII-XVIII веках ранняя система цветовых символов уже не соответствовала реальным технологическим проблемам крашения текстиля. Поэтому в XVII-XVIII веках, в эпоху барокко и рококо, возникла другая система цветовых символов, отражающая реальные технологические возможности крашения текстиля колониальными красителями. При обилии высококачественных и технологически более простых колониальных красителей практически уже не было проблемой получить выкраски любого цвета.

В этот период характерная для более ранней системы цветовых символов четкая иерархия отдельных цветов существенно трансформируется, хотя и сохраняется в парадном костюме наиболее знатных особ. Ключевым иерархическим признаком становится не какой-то конкретный чистый цвет, а многообразие цветов в одном костюме.

Именно полихромия символизировала высокий статус обладателя костюма. Чем более высокий статус имел соответствующий персонаж, тем больше цветов было представлено в костюме. Наоборот, люди низкого звания носили одежду однообразных цветов.

Рубеж XIX-XX века

Во второй половине XIX века химики создали новые синтетические (анилиновые) красители. В первую очередь они синтезировали именно те красители, которые занимали высшие места в ранних системах цветовых символов — пурпурные, красные, фиолетовые, зеленые, синие. Кроме того, раньше природными красителями можно было красить только дорогие шелковые и шерстяные ткани. Новыми синтетическими красителями можно было легко красить также дешевые хлопковые и льняные ткани. Таким образом, хлопчатобумажные и льняные ткани ярких и разнообразных оттенков “дефицитных” ранее цветов стали дешевыми и доступными даже бедным людям.

Из-за доступности, дешевизны и технологической простоты синтетических красителей на рубеже XIX-XX века в системе цветовых символов фактически произошла полная инверсия иерархии отдельных цветов по сравнению с самой ранней системой. Если в ранние времена яркие пурпурные, красные, фиолетовые, синие и зеленые одежды могли носить только знатные особы, то на рубеже XIX-XX века одежды таких цветов стали носить люди с самым низким социальным статусом, например крестьяне. Наоборот, аристократия в этот период перестала носить одежды ярких,

ранее популярных цветов и предпочитала носить одежды тех цветов, которые раньше были присущи лишь людям низкого звания - неярких коричневых, серых, черно-коричневых цветов.

Вторая половина XX века.

К этому времени возникли мощные фирмы по производству красителей и гигантские ткацкие фабрики, включающие мощные красильные производства. В результате, стоимость тканей перестала зависеть от ее цвета, так что ткани любых цветов, оттенков и яркостей стали доступны всем. Поэтому во второй половине XX века практически исчезла корреляция между цветом одежды и социальным статусом человека. Цветовые характеристики одежды стали определяться не социальным статусом, а другими факторами.

ВЫБОР ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ

В течение 10 лет в Центре проводились исследования и реконструкции некоторых важнейших исторических технологий. Именно эти технологии уже в глубокой древности позволяли формировать утилитарные, стабилизационные и семиотические (семантические, символические, информационные) функции материальных объектов. Поэтому анализ этих технологий позволяет эффективно устанавливать корреляции между разными аспектами культуры и тем самым решать некоторые важные исторические и культурологические задачи.

На начальном этапе работы Центра были выбраны следующие технологии.

“Органические” технологии:

- Крашение текстильных волокон природными органическими красителями растительного и животного происхождения.
- Приготовление цветных и бесцветных декоративных и защитных покрытий (лаков) на основе биополимеров и природных красителей.
- Приготовление нерастворимых форм природных органических красителей, широко применяемых в живописи и прикладном искусстве в качестве органических пигментов (наряду с минеральными пигментами).

“Неорганические” технологии:

— Создание самотвердеющих строительных вяжущих (цементов), применяемых в строительстве и архитектуре в качестве штукатурок и кладочных растворов.

“Смешанные” технологии:

— Различные варианты живописи, технологической основой которой является многоуровневая органоминеральная композиционная структура.

— Золочение органических и неорганических материалов.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В Центре были разработаны методические принципы, позволяющие наиболее объективно и достоверно проводить научную реконструкцию исторических технологий и эффективно использовать технологические знания для анализа культурологических и исторических задач. Ключевым методическим понятием в данной работе является технологическое качество.

Авторы делают допущение, что это сложное, многомерное, трудно осознаваемое, но все же интуитивно воспринимаемое как объективное понятие можно с хорошим приближением представить как систему отдельных технологических признаков качества.

Чтобы улучшить степень приближения, интегральное понятие технологического качества описывается как трехуровневая иерархическая система технологических признаков:

Первый уровень — это 10-15 основных признаков для оценки технологического качества отдельной пробы из конкретного памятника.

Второй уровень — это многообразие признаков качества 1-го уровня во всех пробах, отобранных в целостном памятнике и полностью характеризующих разнообразие его деталей.

Третий уровень — это распределение признаков 1-го и 2-го уровней по группе однотипных памятников, отобранных по каким-либо историческим или культурологическим признакам, например, для какого-то региона или периода.

Основная методическая концепция Центра состоит в том, что культурологические задачи можно решать только на основе всей иерархической системы признаков 1-го, 2-го и 3-го уровней.

Применение отдельных технологических признаков или только какого-то одного уровня может привести к недостоверным или даже ошибочным оценкам. Лишь учет многообразия технологических приемов для памятника в целом и, особенно, целостной группы памятников, даст значительно более полное и правильное представление о технологических аспектах культурогенеза.

Ключевой методической особенностью работы Центра является объективная экспериментальная оценка технологических признаков 1-го уровня в отдельных микропробах конкретного памятника. Очевидно, что признаки 2-го и 3-го уровня вытекают из обработки результатов изучения признаков 1-го уровня для памятника в целом и соответствующей группы памятников.

Оценка признаков 1-го уровня, специфических для каждой технологии, основана на следующих методических предпосылках:

— Каждая технология включает несколько различных этапов, причем на каждом из них нужно решить различные специфические физико-химические проблемы. По мнению авторов, технологические признаки 1-го уровня отражают результаты решения этих проблем.

— Первичные технологические признаки и их комбинации имеют естественные оптимумы значений.

— Оптимальные значения первичных признаков можно определить по разработанным методикам.

— Технологическое качество по каждому признаку 1-го уровня в конкретном памятнике оценивается по степени приближения фактического значения данного признака в данном образце к его оптимальному значению.

— Значения любого признака 1-го уровня и степень его приближения к соответствующему оптимуму можно экспериментально оценить на микропробах исторических и модельных образцов.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ

Чтобы создать систему технологических признаков 1-го уровня, исследования для каждой технологии проводились одновременно в нескольких различных, но тесно взаимосвязанных направлениях.

1. Анализ современной физико-химической теории для каждой исторической технологии или ее аналога позволил:

— Построить схему основных этапов технологического процесса и выявить проблемы, которые нужно решить на каждом этапе.

— Оценить набор факторов, от которых зависит технологическое качество исходных, промежуточных и конечных продуктов.

— Установить естественные лимиты значений для каждого из этих факторов, вытекающих из природы процессов в соответствующей технологии.

2. Сбор исторической рецептуры и ее анализ с позиций физико-химической теории дал возможность:

— Составить классификацию основных технологических вариантов и выбрать варианты, наиболее интересные для культурологического применения.

— Уточнить возможные диапазоны значений технологических факторов и их оптимумов.

— Составить предварительную систему технологических признаков.

3. Разработка методов экспериментальной оценки технологических признаков на микропробах модельных и исторических образцов позволила:

— Выбрать оптимальный комплекс методов.

— Оценить реальные возможности различных экспериментальных методов.

4. Моделирование исторических рецептов с вариацией технологических факторов из п. 1 и 2 является наиболее длительным и трудоемким этапом методических разработок. Однако, без него невозможно получить адекватных, объективных и надежных результатов. В Центре для каждой изучаемой технологии были приготовлены сотни моделей с вариацией различных технологических факторов. Экспериментальное исследование модельных образцов позволило:

— Уточнить систему технологических признаков.

— Найти и уточнить оптимальные значения или диапазоны этих значений для выбранных технологических признаков.

— Для каждой технологии (и ее вариантов) окончательно сформулировать систему из 10-15 основных технологических признаков 1-го уровня, наиболее эффективных для культурологических приложений.

5. Экспериментальное исследование микропроб конкретных исторических образцов позволило определить степень приближения технологических

признаков к их оптимальным значениям, а также оценить их технологическое качество.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КАЧЕСТВА ДЛЯ РЕШЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ВАЖНЕЙШИХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

На основе сведений о технологическом качестве можно решать различные культурологические и исторические задачи отдельных памятников и различных групп памятников:

— Определять подлинность материальных объектов, включая памятники искусства и культуры, и устанавливать степень изменения по сравнению с их авторским решением.

— Объективно выявлять технологическое качество на разных уровнях — как отдельных памятников, так и серий однотипных памятников, представляющих определенные хронологические или региональные школы.

— Оценивать технологический уровень архаических сообществ в отношении данной исторической технологии.

— Проводить хронологическую диагностику.

— Анализировать региональное, национальное или локальное происхождение.

— Оценивать социальный статус владельца.

— Выявлять миграции как материальных объектов, так и технологий для их производства.

— Разрабатывать наиболее эффективные и безопасные методы реставрации.

Кроме того, сведения о реконструированных технологиях позволяют:

1. Исследовать наборы материалов и технологических приемов, использованных в конкретных памятниках культуры, включая их экспертные оценки.

2. Анализировать корреляции между художественными и технологическими особенностями конкретных памятников.

3. Корректировать историю создания и совершенствования (или деградации), а также специфические особенности многих исторических техноло-

гий в рамках программ университетского обучения искусствоведов и реставраторов.

4. Создавать программы обучения для различных категорий учащихся, желающих освоить исторические и традиционные технологии для современной художественной практики.

5. Разработать программы реального возрождения исчезнувших исторических и традиционных технологий в форме “живого” производственного процесса на малых предприятиях в российской глубинке.

ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНКРЕТНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Необходимо отметить, что научная реконструкция исторических технологий в соответствии с методами, описанными выше — это сложный, трудоемкий и длительный процесс, требующий высочайшей квалификации научных сотрудников. Поэтому реконструкция различных технологий в настоящее время находится в Центре на разных стадиях завершения. Большая часть результатов по исследованию и реконструкции отражена в ежегодных научных отчетах Центра исторических и традиционных технологий, доложена на научных конференциях и опубликована в научной печати. Из-за неизбежных ограничений в статье дан лишь краткий обзор результатов исследования и реконструкции отдельных исторических и традиционных технологий.

Технология живописи

Несмотря на то, что произведения живописи занимают одно из ведущих мест среди памятников искусства, до сих пор не была сформулирована физико-химическая концепция живописи, достаточно корректная, научно обоснованная и охватывающая все ее аспекты, а также причины многообразия живописных технологий.

В Центре исторических и традиционных технологий была сформулирована и детально разработана гипотеза, которую можно назвать первой попыткой формирования физико-химической концепции живописи. В ее основе лежат следующие положения.

С физико-химической точки зрения, живопись — это многоуровневая многокомпонентная композиционная структура.

Композиционными (или композитами) называются материалы, состоящие из 2-х или более разнородных компонентов. Обычно композиты готовятся из двух основных видов компонентов: жестких армирующих и гибких эластичных.

Композиты имеют 3 характерные особенности:

1. Свойства композитов в первую очередь определяются набором его компонентов. Они также зависят от размеров частиц, взаимного пространственного расположения и природы взаимодействия компонентов в объеме композита.

2. Диапазон значений факторов внешней среды (влажности, температуры, освещенности и т. д.), внутри которого любые материалы стабильны по отношению к сжатию, растяжению и изгибу. У композитов такая стабильность выше, чем у однородных материалов.

3. Однако, как только значения факторов внешней среды выходят за пределы оптимального диапазона, стабильность композитов, наоборот, резко падает и определяется прочностью самого слабого звена.

Для композиционных структур живописи характерны 3 основных иерархических уровня их организации.

Первый уровень — сравнительно изотропная структура в пределах одного живописного слоя. Свойства живописного композита на этом уровне определяются следующими факторами:

— составом армирующих компонентов — минеральными пигментами или наполнителями (в живописи используются десятки различных моно- и полиминеральных пигментов);

— составом эластичных органических связующих (в живописи в качестве связующих применяются 3 основных класса биополимеров — протеины, полисахариды, липиды, а также синтетические полимеры).

— органоинеральными комплексами, которые возникают в каждом слое на границах минеральных зерен и органических связующих за счет взаимодействия функциональных групп этих компонентов.

— количеством, размерами и распределением пор в каждом живописном слое.

Второй уровень — резко выраженная анизотропная слоистая структура. Она называется стратиграфической системой (или стратиграфической структурой) и определяется количеством, типом и последовательностью

слоев. Помимо основы (дерева, камня, холста и т.д.), наиболее типичная для живописи стратиграфическая система включает следующую последовательность слоев: грунтовочные, проклеивающие, имприматурные (не обязательно), красочные, лессировочные, покровные.

Эта система слоев лежит между основой живописи и воздушной средой. Благодаря такой слоистой структуре в живописи сведены до минимума продольные, поперечные и криволинейные напряжения, возникающие вследствие неодинаковой реакции твердой основы живописи и верхних слоев, контактирующих с воздушной средой, на знакопеременные колебания внешней среды.

Третий уровень — совокупность стратиграфических систем в различных точках живописной поверхности, позволяющих сформировать живописное изображение на всей поверхности живописного произведения и воплотить художественный замысел автора.

Необходимо подчеркнуть, что многоуровневые композиционные структуры живописи, изобретенные и усовершенствованные мастерами-художниками, фактически повторяют органоминеральные композиты, изобретенные природой задолго до появления живописи и проверенные на практике в течение миллионов лет в структурах живых организмов. Например, левкасы повторяют по составу и структуре кости животных.

С точки зрения композиционной концепции техника и технология живописи - это формирование оптимальных композиционных структур, позволяющих наиболее эффективно решать две основные проблемы живописи - художественной выразительности и стабилизации живописи в реальных условиях внешней среды.

Необходимо отметить, что в практике технико-технологической экспертизы и атрибуции используются в большинстве случаев лишь отдельные сведения о деталях композиционных структур живописи на первом, втором, третьем уровнях, например, сведения об основных мономинеральных пигментах и органических связующих или об основных слоях стратиграфической системы.

Поэтому в Центре исторических и традиционных технологий работа, связанная с технико-технологической экспертизой живописи, ведется в двух направлениях.

С одной стороны, применяются традиционные и апробированные методы анализа композиционной структуры произведений живописи.

С другой стороны, разрабатываются новые методы исследования различных деталей стратиграфической системы, а также тех компонентов аспектов первого уровня стратиграфических систем, которые пока практически совсем не применялись для экспертизы, включая анализ природы и технологии приготовления органических и земляных полиминеральных пигментов, цветных лаков.

На основе вышеназванных теоретических концепций и методических разработок ведутся научные исследования, экспертиза и анализ проблем реставрации музейных и частных коллекций живописи. Многие работы Центра исторических и традиционных технологий нашли поддержку Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в форме грантов.

Ниже кратко перечислены основные работы в области живописи:

— Исследование и датирование чудотворной иконы Оранской Владимирской Богоматери из Нижегородского музея-заповедника.

— Серия технологических исследований икон XVI-XVII веков из коллекции Сергиево-Посадского музея-заповедника.

— Серия работ, выявивших фальсификации русских икон XVI-XVII веков, предлагавшихся для закупки в Сергиево-Посадском музее-заповеднике.

— Установление подлинности образцов античной помпейской живописи из Саратовского музея.

— Комплексное исследование покрасок разного времени на стенах фасадов Грановитой Палаты в Московском Кремле, что позволило выявить различные типы настенных покрасок в разных местах фасадов — монохромно, дихромно, полихромно.

— Серия технологических исследований русских икон второй половины XVI-XVII веков, проведенных совместно со многими крупнейшими музеями России и выполненных в рамках гранта РГНФ “Колористическая революция в русской иконе во второй половине XVII века: иконы “Успение Богоматери”, “Спас Нерукотворный” Симона Ушакова, “Богоматерь с младенцем” Карпа Золотарева, личное письмо тафтяной иконы “Спас Эммануил”, предположительно Богдана Салтанова, личное письмо “Тафтяной парсулы патриарха Никона”, неизвестного автора. Эти исследования позволили дать предварительную оценку путей технологической и художественной трансформации русской иконописи в “переходный” период во второй половине XVII века.

— Серия исследований Волинских икон начала XVII века, которые позволили установить их хронологическую принадлежность именно этому времени, а также установить в них набор материалов и технологических приемов, что было важно для их сравнения с русскими иконами XVII века.

— Технологические исследования русской и западноевропейской живописи XVI-XVIII веков из собрания Государственного Исторического музея.

— Методические разработки, связанные с применением в экспертизе живописи второй половины XIX-XX веков синтетических хроматических материалов.

— Технологические исследования произведений, предположительно принадлежавших кисти выдающихся мастеров русского авангарда 10-20-х годов XX века — В. Кандинского, К. Малевича, М. Шагала, Ю. Анненкова, что позволило выделить подлинные и фальсифицированные картины.

— Технологические исследования недавно открытого наскального изображения Иисуса Христа в Нижнем Архызе, что позволило установить время создания изображения - не ранее второй половины XIX века, а не X век, как предполагали авторы открытия.

Технология приготовления органических хроматических материалов (баканов)

Органические хроматические материалы, применяемые в живописи и других произведениях искусства, основанных на живописных технологиях, назывались “баканами” в русской рецептуре XVI-XIX веков.

Баканы представлены в таких произведениях искусства в виде двух основных разновидностей:

— Цветные лаки.

— Органические пигменты.

В Центре уделяется значительное внимание исследованию и реконструкции технологий приготовления баканов. В настоящее время Центр является одним из мировых лидеров по этой проблеме. Об этом свидетельствуют результаты участия в многочисленных научных конференциях, а также обмен информацией по этой проблеме с ведущими мировыми центрами изучения памятников искусства.

IV Основные технологические аспекты приготовления цветных декоративных и покровных лаков

Основная технологическая задача при производстве этих лаков - создать высококачественные покрытия, удовлетворяющие следующим условиям. С одной стороны, они должны защищать поверхность изделий из различных материалов (дерева, металла, живописи, кожи и др.) от неблагоприятных воздействий внешней среды. С другой стороны, они должны давать возможность мастеру варьировать декоративные характеристики поверхности — цвет, его интенсивность и чистоту тона, а также прозрачность и фактуру поверхности.

В центре разработана технологическая классификация цветных исторических лаков, которые являются одной из разновидностей баканов (органических хроматических материалов).

Выделены два основных типа цветных лаков, в зависимости от количества отдельных фаз в пленке сухого лака.

— *Двухфазные лаки*, содержащие помимо фазы неокрашенного (или окрашенного) пленкообразователя также и отдельную фазу нерастворимых органических пигментов. В качестве пленкообразователей в двухфазных лаках применялись липиды (смолы, масла), протеины (белки) и камеди (кислые полисахариды).

— *Однофазные лаки*, в сухих пленках которых присутствует единственная фаза — пленкообразователь, однородно окрашенный органическим красителем (без образования отдельной хроматической фазы). В качестве пленкообразователей в однофазных лаках применялись липиды (смолы, масла, их смеси) и протеины.

В настоящее время собрано значительное количество рецептов и определены основные этапы производства различных лаков.

Сделана оценка основных физико-химических проблем, которые нужно решить для приготовления высококачественных лаков на основе двух основных типов пленкообразователей — липидных и протеиновых.

Практические исследования, связанные с баканами.

На основе теоретических и методических разработок, а также и классификаций различных видов органических хроматических материалов (баканов), были проведены исследования этих материалов в разных памятни-

ках искусства: живописи, окрашенной коже, окрашенной бумаге, манускриптах, мебели, лаковых изделиях, интерьерных комплексах.

Было показано, что баканы широко использовались в создании этих памятников искусства. Баканы сыграли важную роль в формировании привычного для нас колористического облика многих произведений искусства, особенно в XVI-XVIII веках.

Для баканов были наиболее характерны следующие области применения в изученных произведениях искусства:

1. Баканы в форме органических пигментов широко использовались в красках и двухфазных смоляных и протеиновых лаках в живописи и многих произведениях прикладного искусства.

2. Баканы в форме однофазных липидных лаков применялись в качестве подготовительных слоев, лессировочных слоев, декоративных и защитных покрытий в мебели, лаковых изделиях, живописи.

3. Баканы в форме однофазных протеиновых лаков очень широко применялись почти во всех видах произведений искусства XIV-XIX веков в качестве лессировочных слоев, подготовительных слоев, декоративных покрытий, цветных (окрашенных) связующих в красочных слоях, органических пигментах (после высушивания и измельчения).

Технология крашения текстильных волокон природными органическими красителями растительного и животного происхождения

Данная технология является в настоящее время одной из наиболее хорошо изученных технологий в Центре исторических и традиционных технологий. Исследования, проведенные в Центре, позволили детально выявить особенности технологии крашения и провести практически полную реконструкцию для крашения животных протеиновых волокон многими природными красителями.

Анализ исторической рецептуры и подлинных образцов окрашенного художественного текстиля разного времени позволил выявить полный набор основных природных красителей, которые применялись или могли применяться вплоть до середины XIX в. Была составлена классификация технологических типов красителей, различающихся по механизму связывания красителя и волокна. Основное внимание в Центре было уделено

исследованию и реконструкции технологии крашения протравными красителями.

Во-первых, эти красители дают выкраски наивысшего качества.

Во-вторых, большинство природных красителей относится именно к этому типу.

В-третьих, это наиболее трудный и интересный с биохимической точки зрения тип красителя и именно поэтому он наиболее диагностичен для культурологических применений.

Результаты исследования позволили детально реконструировать технологию крашения для следующих основных видов протравного красильного сырья: кошенили, кермеса, сафлора, красного дерева, орсейя, синего сандала, красного сандала, резеды красильной, марены красильной, коры крушины, танид-содержащих растений, применяемых для черных и коричневых выкрасок.

Технология крашения другими видами протравного красильного сырья, а также кубовыми красителями реконструирована менее детально.

В результате реконструкций в Центре разработана система из многих независимых технологических признаков, объективно характеризующих качество выкрасок в любых исторических образцах. Это позволяет эффективно применять данные о технологии крашения для анализа исторических и культурологических проблем.

Кроме того, реконструкция технологий крашения позволяет на практике получить в Центре выкраски, идентичные любым историческим образцам. Важно отметить, что идентичность реконструкций и подлинных образцов устанавливается не просто по внешнему сходству, а по системе из многих независимых признаков технологического качества.

Необходимо отметить, что в Центре обычно проводится комплексное исследование всех аспектов текстиля, так что анализ состава красителей и технологии крашения является только одной из составных частей такого изучения.

Проведены или проводятся многочисленные исследования памятников текстильного искусства, включая анализ состава красителей и технологии крашения.

1. Реконструкция исчезнувшей античной технологии крашения шерсти мареной в ярко-красный цвет, который, возможно, был прообразом ярко-

красного цвета одеяний персонажей ранней европейской станковой живописи IX-XV веков.

2. Исследование текстиля из экспедиции Виллема Баренца 1596 года на Новой Земле (коллекция Института Наследия).

3. Исследование и экспертиза голубой шелковой ткани обложки Марсовой книги Петра I и анализ причин появления желтых пятен (Библиотека Российской Академии Наук, Санкт-Петербург).

4. Исследование коллекции археологического текстиля IV-VI вв. из коллекции Омского университета.

5. Серия исследований археологического текстиля XI-XIV вв. из Новгородского музея-заповедника.

6. Исследование технологии крашения, датирование и анализ причин разрушения коронационной мантии первого императора Германии Вильгельма I (Дворец "Neue Palais", Германия).

7. Серия исследований полихромного восточного текстиля XIV-XVIII вв. из коллекции музеев Московского Кремля.

8. Серия исследований полихромного коптского текстиля из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина, Государственного Эрмитажа и Лувра во Франции.

9. Исследование текстиля из захоронений XI-XII веков в Дмитровском соборе, г. Дмитров (совместно с Институтом археологии РАН).

10. Серия исследований коллекции полихромного шелкового согдийского текстиля VIII-IX вв. из коллекции Карачаево-Черкесского музея в г. Черкесске.

11. Серия исследований текстиля и сопутствующих материалов из погребений Великих княгинь на территории Московского Кремля (программа "Исторический некрополь").

12. Исследование тканей и красителей в саккосе митрополита Алексея XIV в. из Музеев Московского Кремля.

13. Исследование текстиля из полиэтнических захоронений X-XI веков в Гнездове, Смоленской области (совместно с кафедрой Археологии Исторического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова).

14. Исследования текстиля XVI-XVII вв. из отдела реставрации из музеев Московского Кремля.

15. Комплексное экспериментальное исследование голубого муара из Большого Кремлевского Дворца.

16. Серия исследований текстиля эпохи бронзы из собрания ГИМ.
17. Исследования текстиля VI-VII веков из могильника Кара-Коба (Алтай) в собрании ГИМ.
18. Исследования комплекса одежды из Золотоордынских погребений XIII-XIV веков в собрании ГИМ.
19. Исследование шпалер XVI-XVIII в. из ГМИИ имени А.С. Пушкина и музея-усадьбы Кусково.
20. Исследования древнего текстиля для Сургутского Педагогического института.
21. Исследование этнографического текстиля для Ижевского музея.

Технология золочения

Существуют три основных варианта золочения поверхности различных изделий:

— *Твореное золото*, когда измельченное золото или другой металл смешивается с органическим связующим и применяется как краска.

— *Огненное (амальгамное) золочение* обычно применяется для золочения термостойких материалов — металла, керамики, стекла. Золото растворяется в ртути с образованием жидкой амальгамы (соединения ртути с металлом). Амальгама наносится на поверхность материала и подвергается обжигу. Ртуть испаряется и на поверхности возникает пленка золота.

— *Сусальное золочение*, когда тонкая пленка золота или другого металла (сусальный металл) приклеивается к поверхности изделия. Это наиболее универсальный способ золочения любых материалов, позволяющий получить высококачественную золоченую поверхность.

В Центре детально изучалось именно сусальное золочение.

Были изучены сборники русских рецептов золочения XVI-XIX веков. Проведен детальный анализ рецептов и составлена технологическая классификация вариантов сусального золочения.

Результаты методических разработок применялись в практических исследованиях конкретных изделий XVI-XIX веков с золочеными деталями. Технологии золочения изучались в следующих произведениях искусства:

— золоченые детали в русских иконах XVI-XIX веков из различных музеев.

— золоченая рама в стиле рококо рубежа XVII-XVIII веков (Антикварное объединение “Русская усадьба”).

— золоченые детали в форме лебедя стола русской работы в стиле ампира начала XIX века.

— различные золоченые детали (лепные и каменные фигуры, покраски стен, металлические детали) в интерьерах стиля модерн Московского Учетного банка (1906-1907 гг.).

— золоченые нити на подложках из органических материалов (коже и серозных оболочках кишечника животных) в китайском текстиле из Золотоордынских погребений XIII-XIV веков в собрании ГИМ.

— твореное золочение в технике трафаретной набойки в китайском текстиле из Золотоордынских погребений XIII-XIV веков в собрании ГИМ.

Технология приготовления строительных растворов на основе известковых вяжущих

Мастерство древних зодчих позволило создать сооружения, сохраняющиеся в течение многих сотен лет. Долговечность архитектурных построек в значительной степени обусловлена высоким качеством вяжущих материалов, применявшихся при возведении и отделке здания, а также при последующих ремонтных работах и перестройках.

Строительное сооружение слагалось из природного камня или из его искусственных аналогов в виде штучных керамических строительных изделий, например, кирпича, черепицы. В зависимости от физических и механических свойств строительных материалов использовались кладочные растворы разной природы и состава. Они надежно скрепляли штучные элементы кладки, но не препятствовали испарению влаги из стен (т. е. их естественной сушке), и были достаточно морозо- и влагостойкими. Как показали некоторые исследования, кладочные растворы могут сохранять свою целостность и способны выполнять скрепляющие функции от нескольких десятилетий до многих сотен лет.

Для защиты зданий от атмосферных воздействий, а также для отделки наружных внешних и внутренних поверхностей применялись защитно-декоративные покрытия (обмазки и штукатурки), которые, по мере их износа и загрязнения, периодически заменялись.

Во многих из этих образцов к настоящему времени проведено комплексное лабораторное исследование структуры и физико-механических свойств. Эти

исследования позволили установить следующие характеристики строительных растворов: минеральный состав основных и примесных компонентов, текстуру материалов, плотность, водопоглощение, пористость, предел прочности при сжатии, морозостойкость, паропроницаемость, влагостойкость.

Важно отметить, что результаты исследования и реконструкции строительных растворов могут быть эффективно использованы для решения технологических проблем, связанных с архитектурными сооружениями и строительством. Полученные в этой работе технологические данные использованы при практической реставрации Архангельского собора Московского Кремля в 1995 г.

Результаты данной работы не только помогают установить технологические особенности материалов, применявшихся в прошлом, но и позволяют найти долговечные составы, пригодные для современной архитектуры и строительства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА, ВЫПОЛНЕННЫХ В РАЗЛИЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ

В Центре проводились исследования различных памятников искусства, в которых одновременно применялись несколько технологий.

Туринская плащаница

В Центре проводятся теоретические и практические исследования, связанные с установлением происхождения и возраста одной из величайших христианских реликвий — Туринской плащаницы.

Сотрудники Центра провели и проводят следующие работы, связанные с Туринской плащаницей:

— А.А. Иванов. Анализ влияния пожара XVI века на хронологическую оценку возраста Туринской плащаницы.

— А.А. Иванов. Влияние физических, химических и биологических факторов на хронологическую оценку возраста Туринской плащаницы.

— А.А. Иванов. Разработка новых методик хронологической оценки льняного текстиля (применительно к датированию Туринской плащаницы и других видов текстиля).

— В.П. Голиков. Влияние различных типов загрязнений на оценку возраста Туринской плащаницы радиоуглеродным методом.

— В.П. Голиков. Реконструкция возможного источника воздействия, способного создать образ на ткани Туринской плащаницы: теоретический анализ и методы оценки.

Тафтяные иконы

Тафтяные иконы — это специфический феномен русского искусства конца XVII века. Они изготовлены из различных материалов. Личное письмо (лики, открытые части тела) в этих иконах выполнено в технике живописи. Остальные сюжетные детали изготовлены из других материалов — текстиля, золотных кружев, золоченой бумаги, цветных лаков и др. Детали смонтированы на деревянную основу с помощью различных клеев. Поэтому тафтяные иконы — это фактически энциклопедии материалов и технологических приемов русских мастеров конца XVII века.

Были детально исследованы 2 тафтяные иконы из собрания ГИМ: парсуна патриарха Никона, икона “Спас Эммануил”.

Глобусы

Было проведено детальное комплексное исследование основы, грунтов, живописи, защитных лаков, загрязнений, а также истории переделок в двух голландских глобусах конца XVII века из собрания ГИМ: глобус на основе из папье-маше, глобус на медной основе, приобретенный Петром I.

Печати

Были изучены состав минеральных и органических компонентов в двух печатях различной природы и разного происхождения:

— Красная восковая печать начала XVIII века на паспорте Петра I из Библиотеки РАН в Санкт-Петербурге.

— Красные сургучные печати из погребений Екатерины Шуйской и Марии Долгорукой XVII века в Некрополе Вознесенского собора из Московского Кремля.

Русская деревянная скульптура

Совместно с химико-биологической лабораторией Государственного Русского музея была изучена деревянная скульптура “Неизвестный святой” (предположительно XVI в.) из Отдела деревянной скульптуры Государственного Русского музея.

Были обнаружены различные краски, многие типы цветных лаков, а также 3-4 локальных и тотальных “перезолочений” скульптуры. Уточнена датировка времени создания скульптуры по типам цветных лаков.

Мебель

Были изучены авторский лаковый декор, а также история его переделок в мебели XVIII-XX веков:

- два поставца русской работы рубежа XVIII-XIX века,
- киот для иконы русской работы рубежа XVIII-XIX века,
- кресло русской работы в стиле ампир рубежа XVIII-XIX века,
- стул итальянской работы в стиле историзма конца XIX века,
- лакированные панели в стиле модерн начала XX века в интерьерах эпохи модерн Московского Учетного банка (1906-1907 гг.).

Китайские резные лаковые изделия

Совместно с ВХНРЦ имени академика И.Э. Грабаря были изучены китайские красные резные изделия и изделия в стиле “гури” XVII-XIX веков на основе специфического лака “уруши” из Музея культур народов Востока. В этих изделиях были выявлены стратиграфические системы, набор материалов и технологические приемы формирования каждого слоя в стратиграфических системах лакового декора, а также изучены специфические “ноу-хау” китайских мастеров, которые обеспечивают их уникальные художественные и технологические достоинства.

Сравнительное исследование китайской лаковой мебели и ее европейских имитаций XVII-XVIII веков в стиле “Chinoiserie” (“китайщина”)

Китайская лаковая мебель, появившаяся в Европе в XVII-XVIII веках, поразила европейцев высочайшими художественными и технологическими достоинствами. В Европе в конце XVII в. все китайское стало весьма модным, так, что в европейском искусстве возник специфический стиль “Chinoiserie” (“китайщина”). Поскольку свежий сок лакового дерева, сырье для лака “уруши”, полимеризуется уже в течение нескольких дней после его извлечения из деревьев, европейские мастера не могли вывозить это сырье из Китая и других стран Юго-Восточной Азии и создавать аналогичные лаковые изделия в Европе на основе “уруши”. Это породило многочисленные европейские имитации популярной китайской лаковой мебели.

Материалы и технологические приемы как в китайских мебельных оригиналах, так и в их европейских имитациях были практически не изучены.

В Центре были проведены технологические исследования китайской мебели на основе лака “уруши” и ее европейских имитаций из различных музеев:

— Фасад комода из Рундальского Дворца (Латвия).

— Два черных китайских лаковых кабинета из “Кусково” XVIII-XIX веков.

— Горка-бюро темного малинового цвета, с металлизированными участками и барельефной лепниной, предположительно немецкой работы конца XVIII - начала XIX вв. в стиле “Chinoiserie”, из фондов Кусково.

— Зеркало, с черной лаковой рамой и металлизированными участками, покрытыми красновато-коричневыми лаковыми росписями, предположительно голландской работы XVIII в. в стиле “Chinoiserie”, из экспозиции Кусково.

— Часы с черным лаковым декором, с металлизированными участками и барельефной лепниной, неизвестного происхождения, предположительно конца XVIII в. в стиле “Chinoiserie”, из фондов дворца Останкино.

— Полихромное лаковое кресло рубежа XVII-XVIII веков в стиле “Chinoiserie” (Антикварный салон “Русская Усадьба”)

Эти исследования позволили:

— Выявить стратиграфическую систему, набор материалов, технологические приемы и “ноу-хау” китайских мастеров-мебельщиков, которые обуславливают уникальные художественные и технологические достоинства китайской лаковой мебели на основе лака “уруши”.

— Определить технологические приемы имитации китайской лаковой мебели, характерные для европейских мастеров-имитаторов, которые не могли применять лак “уруши”; показать, что европейские мастера имитировали китайскую лаковую мебель на основе различных живописных техник; выявить многообразие материалов и технологических приемов, с помощью которых европейские мастера имитировали китайскую лаковую мебель (оказалось, что они широко привлекали различные типы одно- и двухфазных бесцветных и цветных протеиновых и липидных лаков).

— Сформулировать технологические признаки, отличающие китайские оригиналы от европейских имитаций.

— В фасаде комода из Рундальского Дворца в качестве авторского декора был обнаружен черный китайский лак на основе “уруши”. Поверх

первоначального лака были найдены черные имитирующие лаки на основе других природных смол.

Интерьерные комплексы

Работа с интерьерными комплексами интересна по следующим основным причинам:

— В интерьерных комплексах наиболее ярко проявляются художественные и технологические особенности каждой эпохи, соответствующей времени создания и переделки интерьеров.

— Каждый интерьерный комплекс — это энциклопедия материалов и технологий соответствующих эпох.

— Интерьерные комплексы периодически менялись в соответствии со вкусами и модой каждой эпохи. Поэтому в одном интерьерном комплексе можно проследить историю многих материалов и технологий.

В центре были проведены следующие работы с интерьерными комплексами:

— Теоретическое исследование материалов и технологических приемов, применяемых в интерьерных комплексах эпохи барокко и рококо в XVI-XVIII веках.

— Исследования текстиля, раскрашенной и золоченой лепнины эпохи рококо середины XVIII века на ранее отобранных микропробах из интерьерных комплексов Рундальского Дворца (Латвия) в

— Комплексное исследование интерьерных комплексов в стиле модерн начала XX века в интерьерах эпохи модерн Московского Учетного банка (1906-1907 гг.).

Изделия из кожи

В центре изучались музейные и археологические изделия из кожи.

— Была исследована окрашенная кожа в мягкой мебели рубежа XIX-XX века из Музея М. Горького (бывший особняк Рябушинского). Были выявлены материалы и технологические приемы в различных образцах дубленой и декорированной цветными лаками кожи. Показано, что все мебельные изделия относятся к одному мебельному гарнитуру.

— Во многих археологических кожаных изделиях проводилась идентификация самого факта наличия кожи, изучались наличие и тип дубления, а также материалы и технология декорирования лицевой поверхности кожаных изделий.

Чернила

Были изучены чернила на льняном свитке из «Книги мертвых», Египет, II-I вв. до н.э., ГМИИ имени А.С. Пушкина. Было показано, что в качестве черных хроматических материалов в чернилах применялась сажа, а в качестве органического связующего использовались камеди.

Бумага

В Центре проводятся исследования материалов и технологических приемов, связанных с изготовлением и декорированием бумаги.

— Были исследованы состав волокон, тип проклеивающего вещества, состав красителей и технология окраски красной бумаги IX-X вв. из Дуньхуанской пещеры в Китае (Петербургский институт востоковедения).

— Были изучены состав волокон в бумаге, природа чернил и материалов других надписей в нотных рукописях русских романсов второй половины XIX в. из частной коллекции. Показано, что в бумаге применялись как текстильные, так и древесные волокна. Ноты написаны железо-галловыми чернилами, а другие обозначения нанесены графитовым карандашом и чернилами на основе синтетических красителей.

— Был изучен состав древесных и текстильных волокон, а также технология приготовления в картоне, использованных в качестве живописной основы в некоторых картинах русского авангарда 1910-1920-х годов.

Археологические и палеонтологические памятники

В Центре также изучаются различные археологические памятники.

— Были исследованы смолообразные продукты и обмазки египетской мумии III в. из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. Найдены ди- и тритерпеновые, растворимые в этаноле смолы. Показано, что эти смолы готовились не из хвойных деревьев. В обмазках помимо смол найдены и определены минеральные компоненты.

— Были изучены продукты деструкции внутреннего содержимого костей бизона 31-го тысячелетия до н.э., найденного в Сибири на р. Маме. Было показано, что эти продукты — кальциевые мыла жирных кислот.

Центр имеет тесные научные контакты с более чем пятью-десятью научными организациями, музеями, исследовательскими центрами в нашей стране и за рубежом. Он предоставляет возможности для стажировки, обучения и повышения квалификации музейных и научных сотрудников. Сотрудники сектора активно участвуют в научных конференциях, семинарах, разрабатывают лекционные курсы.

БЕЗРУКОВ М.Г.,

д.х.н., заведующий сектором

СЕКТОР НАУЧНЫХ ОСНОВ ЭКСПЕРТИЗЫ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ

Экспертиза — это исследование экспертами каких-либо вопросов, решение которых требует специальных познаний в различных областях науки, техники, искусства и т.д. (БСЭ, 30, стр. 7, 1978). Экспертиза может быть самых разнообразных типов — и историческая, и искусствоведческая, и техническая, и криминалистическая, и др.

В том, что касается экспертизы объектов наследия, чаще всего проводится историческое, стилистическое (искусствоведческое) и техническое исследование, причем, каждый тип экспертизы требует привлечения определенного круга специалистов, квалификация которых охватывает свой достаточно узкий предмет. В тех случаях, когда мнения экспертов разделяются или решаются вопросы сохранения памятников, требуется комплексная экспертиза, соединяющая многообразные типы исследования и способная решить следующие задачи:

1. Художественная оценка объекта наследия, его места в ряду других артефактов.

2. Уточнение датировки, авторства и отношения к другим явлениям того же стилистического круга (атрибуция).

3. Исследование состояния памятника, истории его бытования, степени реставрационных и реконструкционных вмешательств.

4. Восстановление (виртуальное) облика в разные периоды существования.

5. Разработка практических рекомендаций по расчистке, реставрации, реконструкции и консервации памятника.

Коллектив сектора уделяет основное внимание технической экспертизе, опираясь на естественно-научные методы исследования. Однако вся работа проходит в тесном содружестве со специалистами гуманитарного профиля — историками, искусствоведами, архитекторами, и окончательные выводы и результаты обязательно согласуются с фактами инструментального естественнонаучного анализа и с мнением этих специалистов.

Коллектив сектора из семи человек работает под руководством д.х.н., проф. М.Г. Безрукова. Среди сотрудников коллектива такие известные специалисты, как ведущий научный сотрудник, к.х.н. В.Н. Ярош, старший научный сотрудник, к.х.н. М.И. Филимонова, искусствовед, художник-реставратор Т.В. Максимова, художник-реставратор Д.Ю. Фролов. Подрастающее поколение представлено лаборантами-исследователями, будущими художниками-реставраторами В.В. Цветковым и Д.Ю. Ивановым.

На базе сектора повышают свою квалификацию сотрудники региональных музеев — аспиранты по специальности музееведение, реставрация, консервация — О.К. Пичугина (Екатеринбургский музей ИЗО), И.А. Любимова (Кировский художественный музей имени В.М. и А.М. Васнецовых) и Т.Е. Савицкая (Саратовский художественный музей имени А.Н. Радищева). Основная направленность исследовательских работ аспирантов — комплексные исследования и экспертиза музейных коллекций.

Исходя из сформулированных целей и задач экспертизы, исследования проводятся в рамках трех основных научных направлений:

1. Методические принципы сочетания стилистического анализа с технологическими исследованиями в процессе музейной экспертизы живописи из собраний региональных художественных музеев. В рамках этой темы решаются первые две задачи комплексной экспертизы (художественная оценка и атрибуция).

2. Историческое материаловедение в проблеме комплексной экспертизы объектов наследия. В рамках этой темы решаются третья и четвертая задачи комплексной экспертизы (исследование состояния и восстановления облика).

3. Естественным развитием задачи по разработке практических рекомендаций (задача номер пять) является тема “Новые методы расчистки, реставрации и консервации объектов наследия”.

В настоящее время в реставрации станковой темперной живописи для удаления старого покровного слоя, записей и плотных поверхностных загрязнений применяется целый ряд растворителей и очистительных составов. Все органические растворители оказывают в той или иной степени вредное воздействие на организм и большинство из них разрушающе действуют на материалы авторской живописи. Поэтому поиск эффективных очистительных средств, не наносящих вред здоровью и не оказывающих разрушающих

воздействий, остается актуальной проблемой в реставрации. Экспериментальные исследования по применению составов на основе неионогенных поверхностно-активных веществ (ПАВ) отечественного производства — КОРИЛ ФК и КАНОЛ — производились непосредственно на образцах темперной живописи на кафедрах реставрации МАРХУ памяти 1905 г. и Православный Свято-Тихоновский богословский институт (ПСТБИ). Опытным путем установлены наиболее эффективные концентрации этих веществ в растворе, а также разработаны методики их применения. Очистительные составы показали отличные результаты при очистке, удалении труднорастворимых защитных пленок и раскрытии живописи на нескольких десятках икон и рекомендованы реставраторами для дальнейшего использования.

После удаления старой, изменившей свой цвет защитной пленки, для завершения процесса реставрации произведения следует нанесение нового защитного покрытия. Причем этот слой по своим декоративно-эстетическим и функционально-защитным качествам должен быть адекватен или очень сильно приближен к первоначальному защитному слою. В группе лаков для декоративно-художественных работ, выпускаемых промышленностью, существуют образцы для реконструкции старых лаков с нужными параметрами тональности. Ассортимент же живописных цветных лаков невелик. Поэтому исследование и моделирование цветных лаков на основе исторических рецептов — весьма актуальная задача. В русской так называемой поздней иконе XIX-XX веков цветные лаки широко использовались как для поддвечивания металлизированных фрагментов живописи на основе серебра, олова, так и для декоративных элементов из металла (венцы, оклады). С целью моделирования и воссоздания декоративных лаков по старинным рецептам изучалась литература, подбирались природные компоненты и сырье для приготовления декоративных желтых лаков. Было смоделировано 75 вариантов желтых лаков на основе пяти традиционных желтых органических красителей с различными пленкообразователями, в том числе камедями, маслами и смолами. Моделирование в заданной цветовой тональности позволило установить необходимые границы концентраций, красителя, комплексона и пленкообразователя.

По результатам старения в естественных условиях выбраны лучшие лаки в двух группах природных пленкообразователей: полисахаридов и смол. По

светостойкости, прочности и интенсивности тона наилучшие показатели отмечены у спиртовых канифольных лаков с добавками катионов Sn^{2+} и Al^{3+} .

Осуществлено использование опытных образцов для реконструкции утраченных желтых лаков на белом металле, имитирующих позолоту, на 20 иконах, находящихся на кафедре реставрации ПСТБИ. Реконструкции приняты и одобрены Реставрационными Советами ПСТБИ.

Сведения о желтых лаках и опыты по их моделированию могут оказаться весьма важными при проведении реставрационных работ и реконструкции памятников станковой живописи.

Коллектив сектора разрабатывает новые материалы и методы защиты не только движимых, но и недвижимых памятников. Совместными усилиями сотрудников Института органической химии имени А.Д. Зелинского, Института элементоорганических соединений имени А.А. Несмеянова РАН и сотрудников нашего сектора был создан и прошел проверку уникальный состав Фторсам-39 на основе фторкремнийорганических соединений, призванный решить эту непростую задачу.

Препарат Фторсам-39 обладает гидро- и олеофобными свойствами (т.е. защищает от воды, масла, копоти, биодегрантов и других неблагоприятных факторов внешней среды). После обработки известняка, кирпича и штукатурки этим препаратом водопоглощение снижается более чем в 13 раз. Разработаны методики применения Фторсам-39 для защиты различных материалов — мрамора, чугуна, известняка, кирпича, известковой и гипсовой штукатурки, стенописи (темперной и фресковой). Гидро- и олеофобный эффект на обработанных памятниках сохраняется более пяти лет в условиях московской атмосферы и погодных условий.

Препарат Фторсам-39 применяли для защиты фрагмента цоколя Кремлевской стены (белый камень, кирпич), белокаменных деталей из лапидания Московского Кремля, фрагментов фасада гостиницы "Украина", фрагментов фасада Димитровского собора г. Владимира (белый камень), памятников некрополя в Донском монастыре: гробница графа П.Д. Киселева и его жены (белый и черный мрамор), чугунная надгробная плита на могиле П.Я. Чаадаева, мраморная надгробная плита на могиле С.А. Соболевского и др.

С успехом проведена очистка и гидрофобизация составом Фторсам-39 склепов с прахом великих княгинь в некрополе Новодевичьего монастыря. Хорошие результаты были получены при гидрофобизации живописной

композиции на фронтоне церкви Троицы в Бирюлеве, а также живописных росписей в интерьере этого храма.

Преимущества препарата по сравнению с отечественными и зарубежными аналогами подтверждает патент РФ на изобретение № 2151151 от 20.06.2000 г.

Занимаясь проблемой исторического материаловедения, мы сосредоточили внимание на изучении материалов и технологий памятников архитектуры Московского Кремля. Развитию этого направления способствовала совместная работа по формированию и составлению каталога архитектурных деталей каменных построек Московского Кремля разного времени, проводимая с сотрудниками ГИКМЗ Московский Кремль, а также реставрационные работы Большого Кремлевского Дворца (его фасадов и интерьеров), колокольни Ивана Великого и Грановитой Палаты.

Наиболее важными и востребованными реставраторами, архитекторами и музейными работниками были результаты исследований составов:

- штукатурок фасадов БКД разного времени;
- отделочных и декоративных материалов Андреевского и Александровского залов Большого Кремлевского Дворца, включая образцы искусственного мрамора, набрызга, позолоты и др.;
- позолоты с различных элементов декоративного убранства залов Большого Кремлевского Дворца;
- материалов пола вестибюлей Большого Кремлевского Дворца, выстилки пола колокольни Ивана Великого XV-XIX вв.

Полученные результаты помогли воссозданию облика залов Большого Кремлевского Дворца и его фасадов в разные исторические периоды и датировке керамических деталей пола колокольни Ивана Великого и Похвальского придела Успенского собора Московского Кремля.

Проведено сравнительное изучение керамических элементов выстилки пола Архангельского собора и колокольни Ивана Великого XV-XIX вв. Реконструирована историческая технология обжига и рецептура керамической массы. Уточнены датировки ремонтных работ в указанных памятниках.

Одним из интересных и важных разделов этой работы стало изучение уникального собрания архитектурных деталей в фондах Государственного историко-культурного музея-заповедника "Московский Кремль". В этой

коллекции хранятся многочисленные архитектурные детали кремлевских построек церковного, гражданского и крепостного зодчества разного времени, как существующих, так и утраченных. Это единственный в России лапидарий такого масштаба и значения.

Проведена методическая работа по опробованию и оценке эффективности различных физико-химических методов анализа камня, керамики, кладочных растворов, обмазок и покрасок деталей.

Представляло интерес исследование древнейшей части коллекции архитектурных деталей, относящихся к первым белокаменным храмам Московского Кремля: Успенского собора (1326-1327 гг.), церкви Иоанна Лествичника (1330 г.), собора Спаса Преображения на Бору (1330 г.), Благовещенского и Архангельского соборов.

Получены данные для воссоздания декоративного убранства фасадов и интерьера Благовещенского, Архангельского и Успенского соборов Московского Кремля, Грановитой Палаты, а также несуществующих ныне собора Чуда Архангела Михаила Чудова монастыря, Вознесенского собора, Великокняжеского и Теремного дворца. Эта информация являлась важным звеном при датировке деталей и их атрибуции.

Большой объем работ посвящен исследованиям деталей Грановитой Палаты. Уточнены объемы и время реставрационных вмешательств на фасадах Грановитой Палаты в различные периоды ее существования. Реконструирован общий вид белокаменного фриза дворца XVII в. с царским титулом, утраченного в середине XIX в. Эти работы позволили воссоздать в целом архитектурный облик Соборной площади Кремля в разные исторические эпохи.

Работы по кремлевской тематике были поддержаны грантами РФФИ и РФНФ. Результаты работ опубликованы в сборниках РГБ "Информ-культура" в 1998-2002 гг., а также в сборнике материалов научной конференции по экспертизе памятников культуры (ГТГ, "Магnum Арс", 2001 г.).

Одной из важных задач является методическая работа. Мы не прекращаем заниматься усовершенствованием методик наших исследований и добились определенных успехов в этом направлении.

Наиболее значительные результаты в материаловедческом анализе объектов наследия были получены с помощью инструментальных методов: микро-зондового, рентгено-флуоресцентного и рентгеноструктурного анализов, электронной сканирующей микроскопии и других методов.

Примером успешного сочетания инструментального анализа с гуманитарным подходом в изучении памятников являются серии экспертиз произведений живописи, проведенных нашими сотрудниками. Экспертные работы произведений темперной и масляной живописи проведены по заявкам ведущих столичных музеев (ГТГ, ГИМ, ГИКМЭ Московский Кремль, музея-заповедника “Коломенское”, Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева), а также региональных музеев в городах Екатеринбург, Саратов, Тобольск, Серпухов, Вятка, Сергиев Посад и др.

Наиболее значительными являются исследования серии икон из коллекции ГИМа и МИАР XVII-XVIII вв., произведения масляной живописи “Распятие” конца XVII в. из собрания ГИМ, произведений итальянской живописи XVII в. из музеев Екатеринбурга и Серпухова. Полученные результаты позволили уточнить дату создания произведений, разновременные реставрационные вмешательства, а иногда — выявить подделку или имитацию.

Результаты работ докладывались на конференциях по экспертизе и реставрации произведений изобразительного искусства, организованных ГТГ, ГИМ, объединение “Магnum Арс” и ВНИИР.

Тема “Методологические принципы сочетания стилистического анализа с технологическими исследованиями в процессе музейной экспертизы живописи из собраний региональных музеев России” затрагивает широкий аспект вопросов, связанных с актуальной проблемой научной деятельности отечественных музеев — проблемой атрибуции картин. Как известно, в настоящее время в наших музеях ведется интенсивная работа по изучению своих обширных собраний. Составляются научные каталоги, публикуются альбомы, издаются материалы исследований.

В ряде случаев, как показали наши обследования музейных коллекций, изучение картины проводится на основе одного стилистического анализа, когда принадлежность мастеру, школе базируется на схожести композиционного решения, одинаковости колорита, приемов светотени и т.д. Техническая сторона картины, в которой заложены технологические признаки определенного времени, не принимается во внимание. Отсюда частым явлением в музейных изданиях стало наличие имитаций и копий, которые выдаются за оригиналы большого художественного достоинства.

Проблема атрибуции как “основного стержня” в деятельности художественного музея, вокруг которого вращается вся научно-исследовательская

работа музея, была поставлена Б.В. Виппером. Он формулирует научное определение атрибуции, выделяет основные этапы этого процесса и его методы. По мнению ученого, атрибуцией называют определение автора художественного произведения — в случае, если автор достоверно неизвестен или если авторство подвергается сомнению. Он считает, что атрибуция — не чудо, не колдовство, но и не математическая задача; атрибуция осуществляется чутьем, обостренным школой и знаниями; она основана на сочетании вкуса и глаза с твердо проработанными методами. Отмечая, что определение авторства — идеальная цель атрибуции — часто оказывается недостижимой, Б.В. Виппер выделяет последовательные ступени атрибуции по мере их удаления от идеальной цели. Это понятия мастерской, круга, школы, и, наконец — десятилетия, века, эпохи. Классифицируя произведения, которые являются объектом атрибуционного анализа, Виппер обращается к вопросу “оригинал — подделка — копия”.

Разрабатываемая нами тема включает отработку методов анализа структуры живописного произведения на основе комплекса физико-оптических и физико-химических методов, в которых нашли отражение основные живописные проблемы школы и технические данные времени. Например, всем известно, что способы обработки деревянной основы в голландской живописи были стандартизированы. Имеются основные показатели этих стандартов, выраженных в способе распила досок и грунтовке. Поэтому одним из стержневых вопросов в нашей теме в связи с проблемой имитаций, копий и фальсификаций является выявление эталонных технологических признаков национальных школ XVII-XVIII вв. — голландской, фламандской, итальянской и немецкой.

В результате практической деятельности по изучению произведений западноевропейской живописи в нашем секторе *разработан метод структурного анализа картин*, значительно обогативший традиционную систему технологических исследований. Анализ послышной структуры картин позволяет выявить характер взаимосвязи ее элементов и их соответствие техническим признакам времени и школе. На примере голландской, фламандской, итальянской, немецкой живописи XVII века сделаны выводы об особенностях слоев структуры картин этих живописных школ, определен статус художественного произведения с точки зрения соответствия его технике, технологии и стилистическим особенностям принятой музеем да-

тировки. Так, в практике итальянских художников, активно использующих приемы контрастов света и тени, получают широкое применение цветные (красные и красно-коричневые) грунты, представляющие богатейшую возможность для разработки сложной системы живописи. Монохромный колорит голландских картин, передающий атмосферный эффект, создается сложной оптической структурой, в которой каждый элемент, начиная с основы и заканчивая завершающими слоями, играет свою роль в тональном и цветовом построении произведения. Главным стержнем специфического фламандского художественного метода является взаимосвязь таких слоев структуры картин, как серо-голубая имприматура и монохромный подмазков, создающая условия для образования широкой шкалы цветных полутонов.

На основе вышесказанного неизбежно напрашивается вывод, что современный уровень достижений в области изучения техники живописи не только позволяет, но и настоятельно требует выработки новых принципов анализа. Таким главным методологическим принципом атрибуции является *органический синтез стилистического и технико-технологического исследования*.

В плане технологического исследования картин нами успешно разрабатывается и внедряется в музейную практику методология применения рентгенографирования, фотофиксации в ультрафиолетовых (УФ) и инфракрасных (ИК) лучах, химического анализа грунтов и красочных слоев макро- и микрофотофиксации структуры и красочной фактуры живописи.

В результате комплексного исследования произведений западноевропейской живописи из собраний региональных музеев России было составлено экспертное заключение более 1000 картин итальянской, фламандской, голландской и немецкой школ XVI-XIX веков. Более 100 картин переведено из оригинальных в разряд копий и имитаций. Атрибутировано 190 картин (установлено авторство художников), уточнена датировка и национальная принадлежность более 200 картин.

Подготовлена к изданию монография "Голландские живописцы XVII века и их немецкие имитаторы в XVIII столетии", которая явилась многолетней практикой Т.В. Максимовой в области комплексного изучения произведений голландской и немецкой школ музейных собраний России и стран СНГ. В данной монографии автор делает попытку обобщить накоп-

ленный опыт по технике живописи и ввести эти данные в контекст историко-искусствоведческих, эстетических и технологических наблюдений, представленных в отечественной и зарубежной литературе, касающейся данной или сходной проблематики. Монография представляет результаты комплексного исследования картин, в которых принимали участие рентгенологи, химики и физики.

В книге приводятся таблицы, содержащие подробные и полные технологические данные об исследованных картинах, которые дают возможность создать у читателя наглядное представление о малоизученной области, такой, как техника живописи немецких имитаторов. Книга содержит более 100 иллюстраций (макро- и микротографий), рисунки стратиграмм полой структуры.

Данная книга представит интерес не только для специалистов, работающих в области музейной атрибуции и экспертизы, но и для художников-реставраторов и студентов искусствоведческих и живописных факультетов художественных вузов.

ГУСЕВ С.В.,

к.и.н., заведующий сектором

ЗАГОРУЛЬКО А.В.,

к.и.н.

СЕКТОР ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Сектор охраны и использования археологического наследия был создан в составе Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия в 1994 г. Организация отдельного подразделения, занимающегося археологическим наследием, была вызвана многочисленными проблемами, возникшими в сфере охраны памятников археологии в начале 1990-х годов.

В связи с этим, перед сектором были поставлены следующие основные задачи:

- активное участие в законотворческом процессе, методологическая работа, помогающая выработать новое законодательство по охране недвижимых памятников археологии, участие в составлении подзаконных актов и инструкций по осуществлению охранной деятельности, изучение зарубежного законодательного опыта в сфере охраны археологического наследия;
- выработка новых положений и методик по учету и контролю объектов археологического наследия, создание основ новой системы мониторинга археологического наследия;
- разработка форм взаимодействия с федеральными министерствами и ведомствами, вовлеченными в процесс охраны объектов недвижимого культурного наследия, прежде всего, с землеустроителями;
- методологическая работа, посвященная деятельности по использованию археологического наследия;
- участие в научно-производственных проектах по охране и использованию археологического наследия.

Специфика археологического наследия состоит в том, что недвижимые и движимые памятники археологии являются не только физическими объектами, но, прежде всего, хранилищами информации о материальной и духов-

ной культуре и среде обитания человека. Каждый памятник археологии представляет собой архив информации о культурах, народах, конкретных событиях и отдельных людях. Утрата памятника археологии носит не только материальный характер, но и нравственный, информационный. В этом состоит основное своеобразие памятников археологии.

В новых условиях специфика археологического наследия требовала смены устаревшего законодательства и организации охранной деятельности. В связи с этим началась работа по изучению принятых и готовящихся к принятию государственными органами нормативно-правовых актов, затрагивающих в различной степени сферу управления археологическим наследием, и, прежде всего, такого основополагающего акта, как Закон “Об объектах культурного наследия (недвижимых памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации”. Сохранение и использование археологического наследия народов России находится в прямой зависимости от состояния отечественного законодательства и связано с целым рядом объективных и, в большей степени, субъективных факторов. С разрушением жесткого централизованного стиля управления страной, в том числе, в области культуры и идеологии, с ростом прав регионов, археологическое наследие в России оказалось слабо защищенным. В эти годы пришлось столкнуться с активностью частного предпринимательства, отсутствием государственной экспертизы народохозяйственных проектов на региональном и местном уровнях, бессилием органов охраны памятников истории и культуры перед институтом частной собственности на региональном и местном уровнях.

Активная работа сектора в различных регионах России, участие в деятельности подсекции “Археологическое наследие” Федерального научно-методологического совета по сохранению культурного наследия при Министерстве культуры Российской Федерации позволило конкретизировать те проблемы, которые возникли в сфере охраны археологического наследия в 90-х гг. Их описанию была посвящена коллективная монография, подготовленная сотрудниками сектора: - “Археологический фактор в планировочной организации территории”.

Среди работ, посвященных подготовке проектов инструкций и подзаконных актов, можно выделить создание Методики оценки ущерба, нанесенного памятникам археологии. Основная цель методики - дать органам охраны памятников

всех уровней инструмент оценки ущерба и его последствий, выработать механизм для определения стоимости компенсации и найти пути сокращения риска для возможных разрушений. Данная методика позволит реалистически оценить ущерб, исходя из количественных и качественных характеристик. Состояние поверхности, водный режим и ветровая эрозия, кислотность грунта, сохранность артефактов — это только некоторые параметры оценки ущерба и прогноза развития деструктивных процессов.

Анализ зарубежного законодательства и его развития позволил выявить современные тенденции в области сохранения археологического наследия. Опыт стран дальнего зарубежья представлялся особенно ценным в силу перманентного существования института частной собственности и, прежде всего, собственности на землю. Важно было ознакомиться не только с современным состоянием нормативно-правовой базы по сохранению и использованию археологического наследия за рубежом, но и с историей формирования законодательства в этой сфере. В странах со сложившейся и эффективной системой менеджмента археологического наследия существуют специализированные государственные органы, деятельность которых основана на специальных законодательных актах об археологическом наследии. Этот опыт необходимо было проанализировать и выявить возможное его применение в России, с учетом российских культурных традиций и возможностей государственных органов и научных учреждений.

Особое значение приобрела проблема мониторинга археологического наследия и археологической экспертизы для оптимизации форм и методов управления археологическим наследием на всех уровнях. Примером мониторинга на федеральном уровне является составление подраздела “Археологическое наследие” в разделе “Влияние экологических факторов на сохранение культурного наследия” для Государственного доклада “О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации” (работа ведется с 1996 г.). В ходе этих исследований была получена статистическая информация о состоянии археологического наследия народов России и об основных формах негативного воздействия внешней среды (естественных и антропогенно обусловленных) от государственных органов охраны памятников почти от всех субъектов Федерации. Ежегодный анализ оценочных данных о состоянии археологического наследия в регионах России позволил выделить основные тенденции в развитии ситуации с антропогенной агрессией в отношении памятников археологии.

С 1992 по 2001 гг. Берингийская археологическая экспедиция Института Наследия совместно с Управлением культуры Администрации Чукотского автономного округа проводила мониторинг и экспертизу памятников археологии региона. Необходимость мониторинга археологических памятников Чукотки была вызвана увеличившейся в последнее время угрозой их разрушения.

Основными разрушающими факторами являются целенаправленные грабительские раскопки. Хозяйственная деятельность — другой важный фактором антропогенного характера. Важнейшие естественные разрушающие факторы — активное разрушение морских берегов, оползни и солифлюкция. Скорость разрушения памятников археологии в настоящее время такова, что ежегодно разрушается от 10 до 20% территории памятников. Особенно активно разрушаются приморские древнеэскимосские памятники. Так, к настоящему времени уничтожено 80% всемирно известного древнего поселения Сиреники — единственного места на земле, где азиатские эскимосы проживают автохтонно на протяжении 1,5 тысячи лет.

С целью проведения мониторинга объектов археологического наследия специалисты сектора активно привлекают краеведов-историков, с помощью Союза краеведов России и Центра детско-юношеского туризма и краеведения.

Самостоятельной задачей является составление кадастра земель историко-культурного назначения. Эта задача чрезвычайно важна не только для археологии, но и для развития всей сферы культуры. Необходимо было выработать взаимоприемлемые решения, которые бы устраивали Госкомзем РФ, органы охраны памятников всех уровней и специалистов археологов. С этой же задачей была связана проблема включения в систему земельного кадастра Российской Федерации земель историко-культурного назначения. Для ее решения необходимо определить единые параметры учета и единые классификаторы, разработать порядок отнесения земельных участков к категории земель историко-культурного назначения, установить порядок наложения ограничений на землепользование.

Данной проблематике была посвящена еще одна коллективная монография, подготовленная сотрудниками сектора: "Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр". Всего по актуальным проблемам сохранения археологического наследия на базе сектора в 1997-1999 гг. были проведены три межрегиональных научно-методических семинара.

В самое ближайшее время необходимо провести большие работы по включению в Единый Государственный Реестр Земель (ЕГРЗ) РФ Единый Государственный Реестр Земель историко-культурного назначения (ЕГРЗИКН). Эта программа работ включает:

1) Формирование формализованной системы сведений о землях, на которые распространяется законодательство об охране памятников истории и культуры РФ, и учет земель историко-культурного назначения и памятников истории и культуры федеральными и местными органами охраны памятников.

Для этого необходимо осуществить следующие работы:

— определение единых параметров учета и классификаторов земель историко-культурного назначения;

— порядок отнесения земельных участков или их частей к категории земель историко-культурного назначения;

— определение режима содержания недвижимых объектов и их охранных зон.

2) Выделение земель историко-культурного назначения в отдельную категорию Земельного кадастра России, наряду с землями сельскохозяйственного и природоохранного назначения.

Для этого необходимо осуществить следующие работы:

— определение единых параметров инвентаризации земель историко-культурного назначения, методика выделения границ памятников архитектуры, градостроительства, истории, археологии и садово-паркового искусства и их зон охраны и внесения их в инвентаризационные карты;

— определение режима землепользования земель историко-культурного назначения: количество обременений, правовые ограничения;

— определение форм соответствующей документации для внесения в Земельный кадастр России;

— создание системы оперативного обмена информации о землях историко-культурного назначения между органами охраны памятников и органами по земельной политике.

Для реализации вышеуказанных задач необходимо отработать практическую модель взаимодействия территориальных органов по земельной политике и органов по охране памятников с целью определения земельных участков, на которые должны быть наложены соответствующие ограниче-

ния на землепользование, для обеспечения контроля сохранности земель историко-культурного назначения.

Разработка и апробация модели по системе учета и контроля земель историко-культурного назначения проводилась сотрудниками сектора совместно с УФГП “Госземкадастръемка” в 2001-2002 гг. в Московской области (Дмитровский район).

Использование археологического наследия, прежде всего, предполагает информационное обеспечение общественности о значимости этих объектов культурного наследия для истории и культуры России. К сожалению, информация и инструменты управления информацией (программные продукты различного функционального назначения) в сфере управления культурным наследием в России до настоящего дня не приобрели статус информационных ресурсов. Реальная практика управления культурными ресурсами в СССР так и не создала целостной системы управленческих стандартов. Практика управления по большей мере была ориентирована на неписаные традиции. В то же время, стандарты являются таким же важным управленческим и экономическим институтом, как и законодательство.

Стандарты в сфере управления культурным наследием образуют ядро профессиональной культуры для специалистов всех уровней: федерального, субъектов федерации, муниципального. Без стандартов в управлении культурным наследием не может быть эффективной деятельности в России даже на уровне субъекта федерации. Корпоративная информационная система в сфере охраны и использования памятников истории и культуры является сложной системой, ориентированной на цели сохранения культурного наследия. В современных условиях неизбежным становится переход от управления к координации в сфере управления культурным наследием.

В настоящее время наблюдается усилившийся интерес широких слоев населения России к культурному наследию и в том числе к древнейшему его пласту — археологическому наследию. Этот интерес в значительной мере могли бы удовлетворить электронные средства информации — Интернет и т.д. В то же время в сети Интернет появляются плохо подготовленные и мало профессиональные сведения об археологическом наследии России, не имеющие по сути ничего общего с геоинформационными системами. Специалистами сектора охраны и использования археологического наследия был разработан стандарт описания объектов археологического

наследия, включающий в себя признаки и классификаторы памятников археологии. Он был проверен при создании сайта, который посвящен охране археологического наследия (раздел о памятниках археологии Чукотки). Данный раздел создавался по материалам ежегодных работ Берингской археологической экспедиции. Была создана электронная карта в ГИС-программе ArcView с базой данных для Чукотского и Providенского районов Чукотского автономного округа. Программы работают в оболочке Windows и могут быть в дальнейшем совмещены с системами управляемых баз данных на основе OgcI.

Еще одним аспектом научной и практической деятельности сектора, направленным на использование археологического наследия, являлась разработка методики создания археологических музеев-заповедников. Одной из первых была подготовлена программа создания археологического музея заповедника "Ирендык" (Республика Башкортостан).

Основными задачами этой программы являлись:

- выявление, изучение и музеефикация археологических памятников на территории музея-заповедника и в его охранной зоне;
- консервация и реставрация памятников истории и культуры, расположенных на территории музея-заповедника и в зонах охраны;
- восстановление и охрана исторических ландшафтов, традиционных природно-хозяйственных комплексов и благоустройство территории;
- организация музейной деятельности на основе современных музейных технологий;
- формирование и развитие научно-образовательного комплекса, ориентированного на изучение местных особенностей и национальных традиций;
- организация специализированной туристско-экскурсионной деятельности;
- создание условий для нормальной жизнедеятельности населения в населенных пунктах, расположенных на землях музея-заповедника, и соответствующее развитие социальной инфраструктуры;
- совершенствование и развитие хозяйственной деятельности на основе исторических традиций при условии обеспечения сохранности историко-культурного и природного комплекса, а также эффективности в условиях современного рыночного хозяйства;
- создание системы экологического мониторинга и экологической безопасности музея-заповедника,

— создание эффективной системы управления, обеспечивающей гармонизацию отношений с федеральными и местными органами власти.

Работы по созданию археологического музея-заповедника “Ирендык” начались в 2000 г. и продолжаются сейчас. Сотрудники сектора совместно с другими специалистами Института также осуществляют консультации по созданию археологических музеев-заповедников на Барсовой Горе (в Ханты-Мансийском автономном округе), на территории Каргалинских рудников (Оренбургская область), для археологических памятников “Аркаима” (Челябинская область). Создание археологических музеев-заповедников становится одним из перспективных направлений сохранения и использования историко-культурного наследия.

Кроме методологических разработок, сектором охраны и использования археологического наследия выполнялись конкретные охранные работы в различных регионах России: в Подмосковье — охранные раскопки Тарыхчевских курганов; в Ненецком автономном округе — исследование трассы нефтепровода Хыльчуйюского месторождения; в Западной Чукотке — обследование зоны строящейся автодороги Билибино — Анюйск; на Северном Сахалине — исследование трассы нефтегазопровода “Сахалин-1”. Помимо охранных археологических работ, сектор также ежегодно осуществляет научные раскопки уникального памятника каменного века Найван (Восточная Чукотка). Это древнейший памятник археологии на Беринговом проливе (VII-VI тысячелетие до н.э.). Исследования стоянки Найван имеют ключевое значение для истории приморской адаптации в Беринговом проливе и во всей Северной Пацифике. Сектор стал неформальным центром по изучению приморских культур и приморской адаптации в Арктике и Северной Пацифике. Совместно с археологами Англии, Дании, Канады, Норвегии, США, Чили, а также с российскими коллегами исследуются фундаментальные проблемы адаптации человека к морским биоресурсам.

Сотрудники сектора ежегодно выступают с докладами об актуальных проблемах сохранения и использования археологического наследия на международных и российских научных форумах.

ВОЛКОВ И.В.,

к.и.н., заведующий сектором

СЕКТОР КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ЮГА РОССИИ

С момента формирования Института Наследия сектор комплексного исследования культурного и природного наследия Юга России (проблемную группу и Южнороссийскую комплексную экспедицию) возглавлял Николай (Рашид) Михайлович Булатов.

В 1992-1994 гг. Южнороссийская комплексная экспедиция проводила работы на Селитренном городище в Астраханской области (в бывшей столице Золотой Орды — городе Сарае). Было выполнено описание биоты в микро-регионе, почвоведческие исследования. Главная часть исследований — это “охранные” раскопки золотоордынского мавзолея (раскоп XX). Было вскрыто огромное архитектурное сооружение, от которого хорошо сохранилась только подземная камера с погребениями представителей золотоордынской знати. После смерти Н.М. Булатова его место занял И.В. Волков.

Со времени основания в секторе работали несколько исследователей. С.В. Вальчак во время работы проходил обучение в аспирантуре ИА РАН, его диссертация прошла стадию обсуждения, а затем он перешел на работу в ИА РАН (сектор скифо-сарматской археологии). В период работы в Институте Наследия С.В. Вальчак опубликовал серию работ по археологии предскифского и раннескифского времени¹.

¹ Вальчак С.В. Два уникальных уздечных комплекта кобанской культуры из собрания ГИМ // Тезисы докладов Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991-1995 гг. М., 1996. - С.32-34; Вальчак С.В. Предскифские колесницы и “новочеркасские клады” (некоторые дополнения к проблеме) // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии России. - М., 1997. - №1. - С.40-56; Вальчак С.В. Узда азиатского типа в предскифских памятниках Европы // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докладов научной конференции к 140-летию со дня рождения академика Д.И.Багалая. - Харьков, 1997.- С.28-29; Вальчак С.В. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехплетчатными псаллиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М.: ГИМ, 1997. С.88-119.

Выпускник кафедры археологии Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова В.С. Житенёв поступил на работу в Институт Наследия в сентябре 1998 г. Основной темой изучения стали археологические памятники каменного века карстовых районов зон ледниковых рефугиумов как объекты культурного и природного наследия.

Теоретические и методические аспекты исследований были проверены в ходе практических полевых работ, проведенных В.С. Житенёвым на пещерном палеолитическом памятнике Сикийяз-Тамак I в горно-лесной зоне Южного Урала (Саткинский район Челябинской области). Результаты изысканий были представлены в ряде публикаций и цикле лекций, прочитанных в лаборатории первобытности французского университета в Экс-ан-Провансе, обсуждены на российских и международных конференциях².

В 2000 г. В.С. Житенёв защитил кандидатскую диссертацию по теме "Культ медведя в палеолите Европы" на кафедре археологии исторического факультета МГУ³. В сентябре 2001 года он был приглашен и перешел работать на кафедру археологии исторического факультета МГУ.

В 1995-2000 гг. работы Южнороссийской комплексной экспедиции проводились, главным образом, в Ростовской области и Краснодарском крае. Полевые и кабинетные исследования получали поддержку частных

² Житенёв В.С., Смирнов Ю.А. О ранних формах зоолатрии на примере "медвежьих пещер" // Тезисы научно-практической конференции SEП: Прошлое, настоящее и будущее цивилизаций. - М., 1999. - С.31-35; Житенёв В.С. О ранних формах зоолатрии на примере "медвежьих пещер" // SEП: Прошлое, настоящее и будущее цивилизаций: Доклады конференции. - М., 1999; Житенёв В.С. Пещерное монументальное искусство и "ритуальные медвежьи комплексы" верхнего палеолита // 60 лет кафедре археологии исторического факультета МГУ им.М.В.Ломоносова: Тез. докладов. М., 1999. - С.47-50; Житенёв В.С.: Культ "головы и черепа" крупных млекопитающих в раннем и позднем палеолите // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы международной конференции. Красноярск, 2000. С.54-55; Житенёв В.С. Медвежья лапа как один из семантических элементов зоолатрии европейского палеолита // Астрономия и древние цивилизации: Тез. Международного симпозиума. - М., 2000, - С.56; Житенёв В.С. Археозоологические критерии "ритуальных медвежьих комплексов" верхнего палеолита // Святлища: археология ритуала и вопросы семантики. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. - С.33-37; V.Zhitenev. The research of the Upper Paleolithic site Sikiyaz-Tamak I. Житенёв В.С. Соотношение между скульптурными изображениями медведя и остеологическими материалами из верхнепалеолитических стоянок (в печати).

³ Житенёв В.С. Культ медведя в палеолите Европы. Автореф. Дисс... канд. ист. наук. М., 2000. - 22 с.

спонсоров и научных фондов: Евгения Карпачева (раскопки Семеновской крепости, 1995); РГНФ (проект “Древнейшие карты Азовского моря и синхронные им археологические памятники”, 1996-1997; проект № 98-01-00283 “Золотая Орда и христианский мир (отражение взаимных контактов в археологических памятниках)”, 1998-2000); РФФИ (проект № 00-05-64452 “Опыт картографирования Юга России за 800 лет (степень достоверности и причины погрешностей)”, 2000-2002); Research Support Scheme (Проект “Russians, Greeks, Italians and others on the seashore of Azov, 12-15 c. (Earliest maps of the Sea of Azov and real context)”, 1997-1998).

За это время проведены разведочные исследования побережья Таганрогского залива и Азовского моря (участок от устья р. Миус до Таманского полуострова, обследования русских крепостей Миусского полуострова со съемкой их планов, геоморфологические исследования побережья. Стержнем комплексного подхода к проблемам всегда были карты Черного, Азовского и Каспийского морей с прилегающими территориями, составлявшие с рубежа XII-XIII веков и до настоящего времени.

Разработана методика поиска средневековых поселений по ландшафтными признакам. Получены новые данные о процессах освоения степной зоны оседлым населением, судьбе древнерусского населения Приазовья после исчезновения Тмутараканского княжества, закономерностях образования городов на территории Золотой Орды⁴, и частичного сохранения

⁴ Волков И.В. Предпосылки возникновения золотоордынских городов (Азак и округа) // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. - Уфа, 1996. - Часть II. - С.89-91; 2. Волков И.В. Вымышленные города Черная и Белая Кумани (о возможности сравнительного анализа средневековых письменных источников и карт) // Проблемы всеобщей истории. - Армавир: АГПИ, 1998. - С.15-17 (Материалы научно-практических семинаров. - Вып.4); Волков И.В. Вымышленные города Черная и Белая Кумани (о возможности сравнительного анализа средневековых письменных источников и позднесредневековых карт) // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы VI международного научного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н.Анучина. - Омск: Омский ун-т, 1998. - Ч.1. - С.44-45; Волков И.В. Исследования Южнороссийской комплексной экспедиции в Приазовье в 1995-1997 гг. // Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1988 году /Тез. докл. к семинару. Азов: АКМ, 1998; Волков И.В. О возможностях локализации Копы (Копарио - ло Коппа) // Древности Кубани. Краснодар: КГИАМЭ, 1998. - Вып.12; 2. Волков И.В. Таманские острова в “Книге путешествия” Эвлии Челеби // Древности Кубани. - Краснодар, 1999. - Вып.15. - С.41-58; Волков И.В. Еще раз об Адахунском сражении казачьего флота в 1639 г. // Древности Кубани. - Краснодар, 1999. - Вып.16. - С.38-51.

оседлости в Приазовье после распада Золотой Орды. Также сделаны определения датирующих признаков для материалов XIII в., выяснены средневековые названия почти всех населенных пунктов с соответствующими выводами, касающимися исторической географии региона. Геоморфологические исследования позволили определить некоторые закономерности в динамике изменения береговой линии Таганрогского залива.

В результате составлена карта средневековых населенных пунктов и прочих топонимов и гидронимов, получивших отражение в номенклатуре портоланов Азовского моря XIII-XIV вв. (рис.1). Это оказалось очень важным с точки зрения истории картографии, т.к. позволило удревнить время составления “нормального портолана” по крайней мере, на полвека⁵.

Для датировки составления были использованы данные археологии. Этого никогда не делали, поскольку большинство исследователей обращало внимание на изображение Средиземноморья, где основная масса населенных пунктов и топонимов оставалась неизменной в течение всего средневековья. Территория степной зоны предоставляет исключительные возможности. Здесь оседлая жизнь была возможна только при наличии централизованной государственной власти, обеспечивающей защиту земледельцам и купцам от кочевников. Каждому периоду установления централизованной власти соответствует особая сеть поселений, всякий раз существовавшая непродолжительно. Поэтому, установив, какие именно населенные пункты изображены на портоланах, можно определить и дату их составления.

Выявленная сеть поселений, соответствующих номенклатуре портоланов, существовала в интервале 1240-1260-х гг. Единичные памятники: Азов, Тамань, Керчь — существовали непрерывно в течение всего средневековья, лишь немногие функционировали дольше интервала 1240-1260-х гг., но все же не дожили до конца XIII в. (Волков И.В. 1998, с.49,51). Появление этих поселков связано с установлением централизованной власти монгольских ханов, а исчезновение — с отделением Золотой Орды от Монгольской империи, приведшим к сселению жителей в новые города с целью исключения налоговых споров с центральной администрацией.

Ключевым вопросом в большинстве случаев является датировка объектов наследия. В этой области наиболее надежной оказывается опора на

⁵ Волков И.В. 2001. О времени составления портоланов Азовского и Каспийского морей // Картография XXI века: теория, методы, практика. М. Т.2.

Рис.1. Карта поселений Приазовья XII-XIII вв.

массовые рядовые находки, такие, как керамика. Хотя эволюция многих групп керамики оказывается медленной, этот материал можно использовать для узкой датировки по соотношению групп разнородных импортных изделий. Оказывается, что выразительный “фон” керамического импорта характерен для каждого периода, он очень живо реагирует на изменения конъюнктуры рынка и политическую обстановку. Это легче всего понять при сравнении с палинологическим анализом: выпадение фрагментов керамики по сути очень напоминает споро-пыльцевой дождь, зависящий от климатических условий, времени года, деятельности человека.

Хронологические определения основываются на материалах раскопок эталонных памятников, проводимых Южнороссийской комплексной экспедицией. К таковым (для эпохи составления первых точных морских карт) относятся раскопки на территории Семеновской крепости (более 300

Пояснения к рис. 1

1 — Натальевское поселение (возможно, из-за присутствия на нем русского населения р. Миус получила название *Rossa*); 2 — пос. Семеновская крепость (западная окраина с. Безлицкая Коса, предположительно *Sabardi*); 3 — пос. Новозолотовское; 4 — пос. Петрушина Коса; 5 — Самбекское городище (правый приустьевой мыс р. Самбек); 6 — Куричанское пос. (левый приустьевой мыс р. Самбек, предположительно *Porto Pissani*); 7 — Кобяково городище (восточная окраина г. Ростова-на-Дону, вероятно, соответствует поселку перевозчиков для переправы через Дон в зимнее время, упомянутому Г. Рубруком); 8 — Койсузское пос. и могильник Мартышкина Балка (возможно, ранняя Тана); 9 — пос. Казачий Ерик (х. Казачий Ерик в дельте Дона, центр гнезда поселений, также Рогожкино, Донской, Узьяк; вероятно, соответствует г. Руси); 10 — Азов (Тана, Азак); 11 — Новомаргаритовское пос., устье р. Чубурки (*Zacaria*); 12 — Шабельское пос. (*Vasinachi*); 13 — пос. Щербиновский; 14 — Должанская коса (средневековый культурный слой *Tag Magno* пока не обнаружен); 15 — Шиловское поселение (*Tag Parvo*); 16 — пос. Ясенская Балка; 17 — пос. Кагаты (*Pesso*); 18 — Ахтарский лиман (река *Baglaris*); 19 — пос. у Чернячина гирла (самый дальний из поселков округа Копы — *Loci Sora*); 20 — участки выброса материала на месте размытого поселения у Сладковского гирла; 21 — пос. Прорвенский-1 (вероятно, *Cici*); 22 — городище Голубицкая-1 (вероятно, *Sora*); 23 — пос. Голубицкая-3 (вероятно, *Balo*); 24 — мыс Ахиллеон (*capo de Croche*); 25 — Таманское городище (*Matrega*).

кв. м.), где исследовалось (1995-1996 гг.) поселение XIII в., соответствующее порту Кабарди итальянских портоланов. В археологическом отношении памятники XIII в. выделяются по керамическому “комплексу Кабарди” (40-60-е гг.). Набор и соотношение групп керамического импорта в нем существенно отличается и от золотоордынских и от домонгольских комплексов: трапезундские амфоры — около 1/3; амфоры (и другие виды изделий) группы клейма SSS — около 1/4; группа пифосов с кварцевым песком — около 1/6; остальное варьирует на разных памятниках — местная керамика и импортная более редких групп (сграффито с желтой поливой и поддонами с сегментовидной полостью, коричневоглиняная группы юго-западного Крыма, лощеная из степной зоны и бассейна Кубани, древнерусская и т.п.). Именно анализ соотношения групп керамического импорта дает возможность получать наиболее точные даты функционирования поселений, когда остальные методы в этом отношении бессильны.

Сравнительный анализ всех видов информации привел к выводу, что значительную часть населения Приазовья на побережье Таганрогского залива и в нижнем течении Дона составляли русские, хотя уже ко времени создания “Слова о полку Игореве” ко многим частям южной периферии Руси относились как к “земли незнаеме, Волзе, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмутораканьскыи боляван”. Естественный вопрос: откуда взялось здесь русское население, если зоны оседлости к северу от степной зоны в это время испытывают определенное запустение.

Ближайший географически и в хронологическом отношении анклав древнерусского населения представлен памятниками второй половины XII в. (только для самого крупного поселения с незначительной вероятностью эту дату можно расширить на четверть века в обе стороны) в дельте Дона и на прилегающей части Приазовья. Эти поселения составляют очень компактный очаг оседлости. Самое крупное из них — Казачий Ерик, расположенное на территории одноименного хутора. Здесь мощность средневекового культурного слоя в центральной части достигает 2-х метров, а общая площадь на настоящий момент (к сожалению, ее нельзя точно установить из-за застройки) достигает 3-5 га. В прошлом она могла быть значительно больше, т.к. в течение последних десятилетий здесь очень интенсивно шла абразия берега. Вероятно, поселение соответствует городу Руси, упоминаемому в источниках, начиная с этого времени. Раскопки поселения Ка-

зачий Ерик в дельте Дона (1996-1997 гг.) стали эталонными для характеристики культуры поселений региона второй половины XII в.

После проведения всех раскопок Южнороссийской экспедицией обязательно проводятся остеологические и ксилотомические исследования костных и древесных остатков.

Большую часть керамики в культурном слое Казачьего Ерика составляют импортные амфоры “триллийской” и “трапезундской” групп, небольшим количеством также импортных пифосов и кувшинов. Присутствуют на этих поселениях и горшки древнерусского облика, которые, впрочем, не являются точными копиями синхронных изделий с территории Руси. Следов стихийных разрушений, которые были зафиксированы при раскопках А.С. Гадло (*Гадло А.С.*, 1968, с.42) во время раскопок 1996-1997 гг. обнаружить не удалось, однако была достигнута главная цель: получен эталонный комплекс фрагментов керамики для поселения, установлено соотношение групп импортной керамики. Нашлась и очень характерная диагностическая группа импорта неизвестного происхождения, пока условно названная “группой Казачьего Ерика”. В дальнейшем такую керамику удалось встретить только на синхронных памятниках Таманского полуострова.

Основу для датировки составляют именно амфоры. Здесь широко представлены “триллийские” с мелким гребенчатым рифлением и “трапезундские” с отпечатками мерной линейки на внутренней поверхности. Соотношение этих групп приблизительно равно. Только на Казачьем Ерике есть находки, позволяющие незначительно расширить дату за пределы второй половины XII в. Здесь есть очень небольшое количество “триллийских” амфор с широким рифлением и раструбным венчиком (аналогичные новгородские находки относятся к периоду 1130-1150 гг.) и “трапезундских” амфор без следов мерной линейки и со стыковкой элементов по максимальному диаметру с помощью дополнительного глиняного жгута (на территории Руси они появляются перед монгольским завоеванием).

Поблизости от Казачьего Ерика расположены поселения у хуторов Рогожкино, Дугино, Донской, Петровский, Узьяк. К этой же группе относится поселение Натальевка рядом с устьем р. Миус. Если рассматривать этот хронологический отрезок по Приазовью в целом, то окажется, что синхронных поселений мало, все остальные расположены на территории Таманского полуострова.

Для определения того, откуда взялось население древнерусского происхождения в низовьях Дона, необходимо отметить один “кричащий” факт, отличающий Таманский полуостров от всего остального степного побережья Причерноморья и Приазовья. Это наблюдение сделано в результате частичного осмотра средневековых поселений полуострова во время работ ЮРКЭ в 2000-2001 гг. и просмотра коллекций из сборов Я.М. Паромова в 1982-1984 гг., хранящихся в Таманском археологическом музее и ИА РАН. Вполне очевидно, что наблюдение предварительное, т.к. только на 3-х памятниках проводились раскопки, но принципиальная ошибка едва ли возможна, т.к. большая часть поселений распахана, а хронологические сопоставления всех памятников делались именно по подъемному материалу.

При определении дат поселений оказалось, что на Таманском полуострове не действует основная закономерность распространения оседлости в степной зоне, заключающаяся в исчезновении поселений с ослаблением и исчезновением централизованной власти. На остальной части степного побережья многочисленные поселения салтово-маяцкой культуры исчезают вместе с печенежским нашествием и последующим падением Хазарского каганата, а традиция оседлости (за редкими исключениями) не восстанавливается вплоть до монгольского завоевания. На Таманском полуострове, напротив, на XI в. приходится демографический взрыв, когда число сельских поселений не только не уменьшается по сравнению с салтовским временем, но и существенно увеличивается. Памятники этого периода легко выделяются по наличию амфор “триллийской” группы с воротничковым венчиком без касания с ручкой или с точечным касанием (второй тип более поздний). Абсолютное большинство этих поселений прекращает существование в первой половине XII в. Уже во второй половине этого столетия существуют только собственно Таманское городище (Тмутаракань, Матраха), городище Голубицкая-1 (возможно, Копа), Гаркуша-1 (античный Патрей). Один фрагмент амфоры этого времени найден на поселении Темрюк-1. Только на одном поселении (За Родину-1) удалось встретить единственный фрагмент амфоры “триллийской” группы, укладываемый в интервал 1130-1150 гг. (судя по новгородским аналогиям с дендрохронологическими датами).

В настоящий момент нет каких-либо археологических данных о составе населения в многочисленных деревнях полуострова в XI в., можно лишь

умозрительно предполагать, что это были в значительной части касоги и зихи. Однако, напрашивается связь между столь выразительным всплеском оседлости и присутствием в Тмутаракани русских князей с их дружинами (половцы традиционно были их союзниками). Исчезновение этих поселений достаточно точно совпадает с прекращением упоминаний Тмутараканского княжества.

Это наблюдение дает основания для ответа на вопрос о том, откуда взялось население древнерусского происхождения в районе устья Дона и Таганрогского залива в середине XII в.

На рубеже XI-XII вв. прекращаются известия о Тмутараканском княжестве. Это не лучшее время для внешнеполитической активности и расширения границ Византии. Однако именно поражения империи в Малой Азии должны были провоцировать ее активность в районе Керченского пролива: азиатские месторождения нефти, необходимой для изготовления "греческого огня" (поэтому так подробно описанные Константином Багрянородным) были потеряны, пришлось ориентироваться в основном на таманские. С этой целью и без того зыбкую власть русского князя (напомню: в лучшие времена княжества один из них был отравлен византийским дипломатом, другой попал в плен к хазарам, а затем был выдан в Константинополь) выгоднее было ликвидировать. Возможно, представители прежней династии остались в городе, но уже на правах византийских чиновников, контроль за которыми также не мог быть жестким из-за отдаленности и потенциальной поддержки древнерусского населения, оказавшегося на Тамани во времена существования княжества. Именно жители Таманского полуострова могли переместиться к устью Дона. После восстановления власти Византии на Тамани (хотя на столь отдаленной территории эта власть, естественно, не могла реализовываться в жестких централизованных формах) для империи было выгоднее избавиться от соседства тех жителей, которые пришли с тмутараканскими князьями и могли быть верны последним.

На Таманском полуострове проведена широкомасштабная разведка средневековых археологических памятников с целью уточнения их дат. Проведен повторный сбор подъемного материала на уже известных памятниках с целью уточнения хронологии их функционирования. К удивлению, здесь удалось обнаружить семь новых поселений, хотя после многолетних исследований на полуострове, проводимых разными экспедициями, и составления Я.М. Паромовым "Археологической карты Таманского полуострова"

ва”⁶, в которую были включены все археологические памятники, обнаруженные на основе анализа аэрофотоснимков и маршрутных разведок, рассчитывать на это не приходилось. Именно использование русских картографических материалов конца XVIII в. позволило обнаружить новые. Выяснено, что количество поселений, относящихся к золотоордынскому времени, здесь очень мало, а памятники, которые прежде относили к XIV в. в действительности существовали только в турецкое время. Это упрощает надежную локализацию пунктов, обозначавшихся на портоланах в XIII-XV вв.

В археологическом отношении приазовская часть дельты Кубани (главни) долгое время оставалась белым пятном. Изредка отсюда поступали очень яркие находки, например, клад 1909 г. из юрта станицы Петровской, насчитывавший 23686 монет XV века. “Точечная” информация об археологических памятниках в этой зоне поступала во время строительства рисовой системы, но эти данные фиксировались, главным образом, не археологами, а геологами, гидроинженерами и т.п. Кроме того, в это время предварительно фиксировались лишь памятники, расположенные на пятнах степного ландшафта, расположенных не менее чем в 50 км от берега Азовского моря. Прибрежная часть дельты, где высотные отметки поверхности суши редко превышают 0,2 м от уреза воды, вообще не исследовались. Между тем именно эта прибрежная зона была наиболее плотно заселена адыгами в XIII-XV вв., именно здесь наиболее активно проходили контакты населения долины Кубани с европейскими купцам, именно этот район был областью особых интересов итальянских колонистов.

Привлечение данных картографии эпохи средневековья и нового времени, а также сведений о процессе дельтообразования позволило выявить серию объектов историко-культурного наследия и установить наиболее вероятные участки расположения еще не открытых. При работе здесь удалось установить даты первой, второй и третьей нимфейских стадий голоценовой ингрессии (соответственно: VI - начало III в. до н.э.; VIII-X вв. н.э.; начало XIII в. н.э.).

Даты получены на основании предметов, встреченных при промышленной разработке древних вдольбереговых валов (по местной терминологии — ракушечных гряд), которые и фиксируют изменения линии берега. Первой стадии

⁶ Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. - М., 1992. - 1018 с. (Депонирована в ИНИОН РАН, № 47103 от 1.10.1992).

соответствует восточная Мостовьянская гряда, в толще которой были найдены фрагменты хиосской амфоры типа 1Ж1 (первой половины VI в. до н.э.), самосской амфоры типа с раздутым горлом (480-400 гг. до н.э.), амфоры типа Солоха 1 (первая половина IV в. до н.э.), гераклеийских амфор (типы середины — второй половины IV в. до н.э. и конца IV - начала III в. до н.э.). Второй нимфейской стадии соответствует западная Мостовьянская гряда, в толще которой были встречены исключительно фрагменты “кувшинов с плоскими ручками”, широко бытовавших в VIII-X вв. н.э., но наиболее распространенных в IX в. Основанием для датировки третьей нимфейской стадии, которой соответствует древний вал в 1-2 км от берега, стала находка остатков размытого поселения 1240-1260-х гг. у современного берега моря. Следовательно, время существования поселения — это *terminus ante quem* для формирования гряды.

Датировка формирования древних вдольбереговых валов сделана на основании встречающихся в них фрагментов керамики, поддающихся датировке. Метод датировки геологических явлений по сопутствующим археологическим находкам не является новым⁷. Однако, всякий раз его использовали только применительно к затопленным крупным общеизвестным памятникам, каковых в приазовской плавневой части дельты Кубани просто нет. Поэтому датировка нимфейских стадий ингрессии вообще не имеет аналогий. Здесь не может быть использовано с достаточной степенью надежности радиоуглеродное датирование, поскольку все слагающие вдольбереговые валы раковины моллюсков тонкостенны и представлены мелкими фрагментами, особенно в верхних слоях гряд (к тому же сам метод дает большие погрешности). Палеонтологический подход к датировке также затруднителен, поскольку экологические условия в рассматриваемый период были очень близки к современным. Поэтому датирование по археологическим находкам оказалось наиболее эффективным.

Вполне очевидно, что этот метод имеет ограниченную область применения, т.к. керамика, поддающаяся точному датированию и обладающая достаточной прочностью для сохранения в полосе приобья, по абсолютному возрасту едва достигает 3000 лет. Кроме того, плотность находок керамики

⁷ Ср.: Шилик К.К. Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене и палеотопография археологических памятников Северного Причерноморья античного времени // Палеотопография и отложения плейстоцена южных морей СССР / Под ред. П.А. Каплина, Ф.А.Щербакова, М., 1977.

в толще древних вдольбереговых валов настолько низка, что ее практически невозможно получить с помощью подъема на задернованной поверхности, бурения и даже “раскопок” большой площади. (На современных пляжах и прибойных валах даже в местах концентрации плотность находок редко составляет не более 1 фрагмента на 20 м вне зависимости от ширины вала). Однако в тех местах, где ведется промышленная разработка ракушечных гряд, простого объяснения необходимости сбора встречающихся археологических предметов рабочим карьеров и младшему руководящему персоналу оказывается достаточно, чтобы получить необходимые датирующие предметы без дополнительных материальных затрат.

Из наблюдений следует, что Ачуевский мыс сформировался в течение очень короткого промежутка времени — с X в. н.э. по XIII в. н.э., что объясняется миграцией на это место одного из основных русел Кубани и интенсивным выполнением дельты в обозначенном хронологическом интервале. Следы этого древнего русла (и его менее значительных ответвлений) обследованы, вдоль него выявлена сеть поселений и могильников, относящихся к XIII-XV вв.

Сопоставление этих данных с картографическими материалами дает весьма интересные наблюдения: 1) в античной картографии Ачуевский мыс на Азовском море не обозначался в силу того, что его еще не было (это не погрешность); 2) с началом эпохи портоланов в картографии этот мыс четко фиксируется; 3) во время распространения координатных карт европейцы уже не имели возможности проводить инструментальные измерения координат в регионе, поэтому значительно более популярным стало изображение Азовского моря в античной традиции — без Ачуевского мыса⁸.

Таким образом, получается, что участок выдающегося в море Ачуевского мыса в средние века только начали осваивать, и адыги были первым населением, занявшим эту ничейную территорию, только что появившуюся сушу.

Резкое увеличение плотности населения в плавнях было связано с политическими событиями. В эти труднодоступные и еще мало пригодные для жизни места адыги (татары и турки называли их черкесами, а русские и греки — зихами) бежали от монгольского нашествия. Сопротивление этой части населения Восточной Европы продолжалось долго, и еще в 1253 г. Гильом Рубрук отметил: “К югу от нас были величайшие горы, на которых живут по бокам,

⁸ Волков И.В. Иванов А.А. 2001. Ачуевский мыс (история формирования и отображения на картах) // Картография XXI века: теория, методы, практика. М. Т. 2.

в направлении к пустыне, черкисы (Cherkis) и аланы, или аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против татар”⁹.

В 2001 г. в пределах Ачуевского мыса Южнороссийской комплексной экспедицией открыто поселение Прорвенский-1, самое значительное из памятников, синхронных составлению портоланов на всей территории Приазовья в границах современной России. Оно соответствует пункту Сісі, обозначавшемуся на средневековых морских картах. Приняты меры к предотвращению разрушения этого уникального памятника археологии. Именно здесь должны были обитать спасающиеся от монгольского нашествия адыги. В результате, за несколько десятилетий на узкой полосе Ляховской гряды образовался культурный слой мощностью более полутора метров.

В 2000-2002 гг. проводились охранные раскопки памятников XV в. рядом с хутором Черный Ерик в Славянском районе Краснодарского края. С высокой долей вероятности установлено, что именно здесь было составлено первое подробное этнографическое описание региона, выполненное Джорджио Интериано, словесная информация которого очень широко использовалась европейскими картографами XVI-XVIII вв.

Быт средневековых обитателей плавней был настолько своеобразным, что знакомство с ним можно приравнивать к выделению новой археологической культуры. (При этом есть и много общих черт с культурой адыгов в степной и предгорной частях бассейна Кубани). Наиболее яркие материалы получены в результате охранных раскопок курганного могильника Черный Ерик — 1 (исследовано 3 кургана, в общей сложности — 63 погребения).

Это один из серии курганных могильников, расположенных вдоль древнего русла, в настоящее время совершенно пересохшего. Рядом находятся синхронные поселения, также расположенные на древнем прирусловом валу. Плоскость поверхности суши в плавнях позволяет и сейчас распознать на поверхности следы средневековых гидротехнических и других сооружений. Центральное поселение этого “гнезда” было укреплено естественным для этих мест способом: вокруг него были прокопаны отводные каналы, соединенные с руслом реки, и отделяющие прямоугольную площадку от осталь-

⁹ Карпини, Джованни дель Плано. История Монгалов; Рубрук, Гильом де. Путешествие в восточные страны. М.: Гос. Изд-во географической литературы, 1957. С.111; Плано Карпини Дж. дель. История монгалов. 3-е изд. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. М., 1997.- С.109.

ной части гряды. Судя по монетам, поднятым на этом укрепленном поселении, оно запустело в связи с турецким завоеванием 1475 г.

Погребальный обряд здесь отличается редкой экзотичностью. Он очень близок к тому, который известен по описанию Джорджио Интериано, хотя и имеет отличия. Вполне вероятно, что Интериано наблюдал жизнь адыгов именно здесь. Покойников укладывали в прямоугольные ямы в деревянных гробах, сколоченных железными гвоздями; часть погребений — без ям, покойники в этих случаях положены на слегка выровненную поверхность предшествовавших насыпей и перекрыты новыми насыпями. Господствующая ориентировка — головой на ЗЮЗ (с небольшими отклонениями). В заполнении всех могил встречены древесные угольки и кости рыб.

Почти все покойники, лежащие в ямах, подвержены обряду “обезвреживания”. Наиболее характерные нарушения анатомического порядка — переворот костей ног коленями вниз (часто со смещением тазовых костей); сдвиг черепа (обычно перемещены и верхние позвонки), нарушения в области грудной клетки и кистей рук. Повсеместно видны следы того, что прах покойников ворошили именно после частичного сгнивания мягких тканей. При переворачивании ног коленями вниз могли произойти разрывы в части суставов. Например, бедренная кость может быть перевернута, а берцовые и стопа остаться в правильном анатомическом порядке, или бедренная и берцовые перевернуты и смещены по оси костяка, а стопа остаться на месте; нижняя челюсть также может быть смещена вместе со свернутым черепом или остаться на месте, на верхних позвонках. Трудно себе представить, насколько сильны были традиции, если они заставляли ворошить довольно свежую мертвечину в сопровождении соответствующего запаха. При этом никаких признаков грабежа не обнаружено, даже в погребениях с весьма нарушенными скелетами могут попадаться серебряные и золотые вещи.

Зафиксированы четыре случая дозахоронений в ту же могилу, сопровождаемых смещением более раннего костяка. Это свидетельствует о том, что погребения были как-то отмечены на поверхности курганов. Подтверждает это и почти полное отсутствие наложения погребений, за исключением нескольких случаев пересечения краев, которые могли быть просто результатом несоответствия ямы и ее отметки на поверхности.

Не исключено, что отмечали погребения с помощью камней, незначительную часть которых еще можно встретить на территории могильника.

На одном из них изображены крест и полумесяц — реальное свидетельство той смеси христианства и язычества, которое отмечали у адыгов многие путешественники, включая и Джорджио Интериано.

Благодаря значительному количеству монет в погребениях, подтверждена датировка памятника (XV в.), сделанная прежде на основе встречаемости разных групп керамики. Датировочные вещи — генуэзско-татарские монеты времени правления герцога Филиппа Мария Висконти и крымские гиреевские (очень плохого качества чеканки), испано-мавританская лостровая чапа, поливная керамика группы Юго-Восточного Крыма.

Характерная черта погребального обряда — разбивание при засыпке погребения сосуда, часть которого находится в заполнении и на дне могильной ямы, а часть — на уровне дневной поверхности на момент совершения погребения рядом с могилой. Много керамики встречается в тризнах в насыпях курганов, особенно на периферии. Это лишний раз свидетельствует о том, что основной датировочный материал средневековых адыгских курганов лежит в насыпях и ровниках, следовательно, их раскопки с применением техники едва ли можно считать допустимыми. Очень показательны присутствие здесь неизвестной на золотоордынских памятниках группы керамики, сделанной на высоком технологическом уровне. Все сосуды вытянуты из монолитного куска глины, отощенной мелким черным песком в концентрации до 30 %; цвет светло-коричневый, часты изменения цвета поверхности пятнами в процессе обжига. Откуда бы она ни происходила, ее появление в плавнях связано с плавлениями генуэзских кулцов на заготовки рыбы в эти места.

Железные вещи сохранились плохо. Найдены ножи с монолитными железными рукоятями и накладными деревянными пластинами на заклепках, кресала с широкой прямой пластиной и треугольными петлями, пружинные ножницы с отогнутыми остриями лезвий. Основной металл для украшений — серебро, которым генуэзцы расплачивались с рыбаками во время заготовок. Одна из самых ярких находок — амулетница (по общей конструкции сходная с вещами из Белореченских курганов), украшенная сканью и крупной зернью.

Даже обычные вещи, встречающиеся почти в каждом погребении: ножи, кресала, стрелы, наперстки, ножницы, наконечники стрел, — отличаются большим разнообразием. Их ритуальная порча иногда имеет странные формы, например, было принято распрямлять пружинные ножницы из женских погребений.

Особенности территории породили и множество особенностей в культуре. Например, здесь часто помещали в женские погребения деревянные

шкатулки с инкрустацией из мелких костяных треугольничков и ромбиков и непременно с железными потайными замками.

Одна из самых удивительных вещей — роговой фильтр для воды, пока не имеющий себе аналогий. Это естественно, поскольку такой предмет мог понадобиться только в плавнях. Передвижение по плавням летом очень утомительно. Кроме грязи, пешеходу непременно сопутствуют жара в камышах и осыпающиеся насекомые. Вокруг очень много воды, но ее глубина не превышает нескольких сантиметров, и в ней кишат мелкие животные насекомые, рачковые и т.п. Для примитивной очистки этой воды и был придуман простейший фильтр.

В целом культуру открытых на мысу поселений можно считать эталонной для адыгов XIII-XV вв.

В течение всего периода шла разработка методов датировки и культурной атрибуции керамики, поскольку именно массовый материал всегда будет основным для получения надежных обоснованных выводов¹⁰.

¹⁰ Волков И.В. Керамические комплексы средневековых городов как отражение перемещений населения (Золотая Орда, XIV в.) // Вторые научные чтения по всеобщей истории, посвященные памяти академика С.Д.Сказкина. Ростов-на-Дону, 1995. С.57-62; Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Материалы научной конференции. Новгород, 23-25 января 1996 г.). Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 1996. Вып.10. С.90-103; Волков И.В., Зиливинская Э.Д. Керамическое производство и импорт золотоордынского г.Маджара // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1996; Волков И.В. Закрытый комплекс турецкого времени (1641-?) из Азова // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв. по материалам поливной керамики: материалы междунар. конф., Ялта, 24 мая - 1 июня 1998 г. Симферополь, 1998; Волков И.В. Керамический комплекс крепости Лютик (Сед-Ислам), 1667-1742 // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв. по материалам поливной керамики: материалы междунар. конф., Ялта, 24 мая - 1 июня 1998 г. Симферополь, 1998. Вып.12; Волков И.В. Ширванский керамический импорт в Золотоордынских городах // Средняя Азия. История. Археология. Культура: Материалы конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. - М.: Государственный музей Востока, 2001. С.45-50; Панина Э.А., Волков И.В. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия. История. Археология. Культура: Материалы конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. М.: Государственный музей Востока, 2001. - С.89-91; Волков И.В. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морская торговля в Северном Причерноморье. Киев: Издательство Киевского университета, 2001. С.130-146; Волков И.В. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морская торговля в Северном Причерноморье. - Киев: Издательство Киевского университета, 2001. - С.202-215; Волков И.В. Гончары и историограф // Рубикон. Сборник работ молодых ученых. Ростов-на-Дону, 2002. - Вып.16.

Средневековые технологии также часто становились предметом исследований, прежде всего в связи с историей и археологией Юга России¹¹.

Одна из незавершенных тем — разработка концепции сохранения и использования коллекций как особого вида культурного наследия. Предметом исследования являются две группы коллекций, которые обычно привлекают мало внимания: частные коллекции и коллекции массового материала из раскопок больших городищ. Была лишь предложена оптимальная стратегия наиболее полного сохранения этой части наследия, и сделана попытка доступного объяснения того, что формы хранения не могут быть одинаковыми для разного материала, и, следовательно, массовые керамические находки должны иметь несколько иной учет, чем раритеты; что хранение вещей в музеях и частных коллекциях — это всего лишь две разные формы сохранения археологического наследия, каждая из которых обладает своими преимуществами и недостатками.

Практическая реализация этой темы ведется лишь в той мере, которую позволяют более чем скромные ресурсы сектора.¹² В качестве иллюстрации

¹¹ Крылов Б.Э., Волков И.В., Кисленков В.В. Исследования чугунных изделий из городов Золотой Орды: проблемы и методы решения // Труды СПбГУ. Современные материалы: технологии и исследования. - 1996.- № 463.- С.123-126; Волков И.В., Новикова Г.А. Коллекция “турецких” курительных трубок из собрания МИГМ // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды Музея истории города Москвы. - М., 1996.- Вып.9.- С.134-152; Волков И.В. О возможных способах литья с помощью трапециевидных керамических формочек из золотоордынских городов // Этнокультурные факторы в становлении и развитии металлургии и обработки цветных металлов у народов Поволжья в средние века: Тезисы российской научной конференции.- Йошкар-Ола: Марийский ГУ, 2000.- С. 23-24; Волков И.В., Зеленев Ю.А. Золотоордынский керамический сосуд для возгонки // Средняя Азия. История. Археология. Культура: Материалы конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. - М.: Государственный музей Востока, 2001.- С.51; Волков И.В. Золотоордынские браслеты с надписями // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. - Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2002.- С.106-110.

¹² Волков И.В. Проблема создания археологического и природного заповедника золотоордынских городов (в аспекте хранения коллекций массового керамического материала) // Археологический фактор в планировочной организации территории / Отв. Редю Ю.А. Введенн. - М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1997.- С.112-115; Волков И.В. Археологический мониторинг в практике Южнороссийской экспедиции Института Наследия // Мониторинг археологического наследия: Тез. докл. науч.-практ. семинара 30 марта - 1 апреля 1998 г. - М: Институт Наследия, 1998.- С.31-32.

приведу пример. В процессе работы с коллекционерами города Будённовска приходилось фотографировать множество предметов, поднятых любителями древностей на распахиваемом городище Маджары, особенно это касалось редких вещей. Затем одна из коллекций “распалась” из-за ослабления интереса ее хозяина (обычная судьба частной коллекции, но чаще это связано со смертью хозяина). Какие-то предметы разошлись по рукам других коллекционеров, но часть — просто затерялась. Среди утраченных — обломок бронзового сосуда с инкрустацией золотом и серебром, с арабской надписью, упоминающей титул халифа (с частью имени). В настоящее время сохранились только фотографии этого интересного предмета. Это показывает, насколько важны практическая работа с коллекционерами и постоянный сбор информации. Только так можно спасти хотя бы часть предметов, циркулирующих по частным рукам и находящихся под угрозой исчезновения.

Дальнейшие планы работы сектора следуют из уже реализованных. В-первых, планируется проведение полевых работ того же порядка, что и в Приазовье, в бассейне Каспийского моря. Это важно и для истории картографии, и для исторической географии, и для археологии периода средневековья. Задача предельно конкретна: идентификация населенных пунктов, обозначенных на самых подробных ранних портоланах Каспийского моря, пока почти не введенных в научный оборот в отечественной историографии.

Эти карты мало тиражировались в средневековье. А.С. Багров предположил, что причиной этого была секретность информации итальянцев о степной зоне¹³. Более вероятно бытовое объяснение: поскольку плаваний на Волгу (через волок от Дона) было значительно меньше, меньше требовалось и морских карт.

Видимо, самым ранним является портолан на пергамене из Лесинского монастыря¹⁴. Точной датировке он не поддается, хотя приглетен к изданию Птолемея XVI в. Судя по румбовым линиям и неплохой орфографии, он является близкой к съемке копией портолана, сделанного специально только для Каспийского моря. Волга здесь отличается от других рек тем, что показаны расположенные на ней населенные пункты, а это связано с тем, что именно по Волге итальянские суда могли попасть в Каспийское море,

¹³ Bagrow L. *Italians on the Caspian* // *Imago Mundi*, 1956. Vol.13. p.8.

¹⁴ Goldschmidt E.P. *The Lesina portolan chart of the Caspian Sea with a commentary by G.R.Crone* // *Geographical Journal*, L., 1944. Vol.103, p.272-278; Bagrow L. 1956, p.8.

используя переволоку из Дона. Хотя Дон на этом портолане вообще не обозначен, четко фиксируется место ответвления Ахтубы от основного русла, где и находится самый верхний населенный пункт. Это место соответствует Царевскому городищу, а город называется *Sarayu*. Чуть выше середины пути от устья Волги до упомянутого Сарая (что близко соответствует Селитренному городищу) обозначен еще один населенный пункт с названием *Eschisarai* (т.е. Старый Сарай).

К близкой традиции восходят еще 2 портолана Каспийского моря из Британской библиотеки (в атласах собрания Эгертона, 73 и 2803)¹⁵. Они условно датируются соответственно концом XV и началом XVI в. На обоих обозначены Старый Сарай и Сарай, но последний перенесен на правый берег Волги. Судя по орфографии, портолан из атласа 73 пережил больше копирований, кроме того, румбовые точки здесь расположены так, как будто это только половина от целого портолана. Карта из атласа 2803 (рис.2) ближе к материалам съемки, о чем может свидетельствовать трехязычное название моря в центре, причем первая надпись — искаженная армянская, а вторая — арабская латинскими буквами.

Именно археологический контекст позволяет определить нижний предел составления портоланов Каспийского моря. Здесь обозначены Сарай и Старый Сарай (Эски-Сарай), а перенос столицы состоялся в начале 1340-х гг., что подтверждается исследованиями Царевского городища¹⁶. Сравнение в данном случае существенно не только для датировки карт, но и для окончательного решения старой проблемы золотоордынской археологии: вопроса о существовании двух столиц.

От XV в. сохранились 3 карты, показывающие линии побережий Золотой Орды по съемкам XIV в. и значительно большее, чем на первых портоланах, число поселений в степной зоне. Это знаменитая карта Фра Мавро 1459 г.¹⁷ Источниками для нее могли быть 2 близкие по стилю и времени карты. 1. Анонимная карта под условным названием Борджия — 5 из Ватиканской библиотеки¹⁸. 2. Карта на листе 6 в атласе Анжело

¹⁵ *Bagrow L.* 1956, p.8-9, fig.5

¹⁶ *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994, с.20-31.

¹⁷ *The history of cartography. Vol.1. Cartography in prehistoric, ancient, and medieval Europe and the Mediterranean / Ed. by J.B.Harley and D.Woodward.* Chicago; L., 1987. Pl.18; *Harvey P.D.A.* Medieval maps. L., 1991, p.69.

¹⁸ *Almagia R.* Planisferi, carte nautiche e affini dal secolo XIV al XVII esistenti nella Biblioteca Apostolica / *Monumenta Cartographica Vaticana.* Citta del Vaticano, 1944. Vol.1. Tav.XIII.; *Winter H.* The Fra Mauro portolan chart in the Vatican // *Imago Mundi*, 1962. Vol.XVI.

Фредучи 1556 г., хранящаяся в Публичной библиотеке г.Мантуи¹⁹. Эти итальянские источники позволяют локализовать по крайней мере три золотоординских города, расположенных в Нижнем Поволжье. Пока работа в этом направлении ограничивается предварительными кабинетными исследованиями²⁰.

В дальнейшем предполагается публикация результатов исследований. В этой области, кроме узких специальных географических и археологических тонкостей, есть много интересного для значительно более широкого круга читателей. Это карты эпохи средневековья и нового времени, главы географического труда Абу-л-Фиды, относящиеся к территории России, словесные портоланы, торговая практика Франческо Пеголотти, переводы Дюбуа де Монпере и т.д.

¹⁹ Caraci G. 1953. The Italian cartographers of the Benincasa and Freducci families and the so-called Borgia map of the Vatican Library // *Imago Mundi*, 1953. Vol.X. p.31., Fig.

²⁰ Волков И.В. Эволюция оценок состояния золотоординских городищ Нижней Волги // Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 2000. С. 120-139; Волков И.В. Столицы Золотой Орды во внешних источниках // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья; Труды Государственного Исторического музея. - М.: Государственный Исторический музей, 2000. Вып.122. С. 324-339; Волков И.В. Два городища Маджары на старых картах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. - Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология. - М.: Памятники исторической мысли, 2001. - С.199-207; Волков И.В. О наименовании золотоординских поселений правобережья Нижней Волги // Поволжье в средние века: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского педагогического университета, 2001. С. 57-60.

БОГОСЛОВСКАЯ Л.С.,
д.б.н., заведующий центром

ЦЕНТР ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Центр был создан в 1992 г. под названием “Центр изучения традиционных форм природопользования”, современное название получил в 1998 г. В Центре работают 6 человек: 2 ведущих научных сотрудника (к.ф.н. П.А. Алейников, к.б.н. К.Т. Сулимов); 2 старших научных сотрудника (д.б.н. И.И. Крупник, биолог А.В. Жушев), 1 научный сотрудник (этнолог Е.А. Оборотова) и руководитель Центра (д.б.н. Л.С. Богословская). В настоящее время в Центре готовят диссертационные работы 4 аспиранта из Москвы, Ханты-Мансийского и Чукотского автономных округов.

Исследовательская деятельность сотрудников Центра в основном сконцентрирована на изучении традиционного природопользования коренных малочисленных народов и старожильского населения Севера, Сибири и Дальнего Востока России. В своей работе коллектив Центра руководствуется следующими принципами:

— Для северных этносов и старожильческих групп традиционные способы природопользования были и остаются единственной формой и условием существования национальных культур, которые обеспечивают сохранение и воспроизводство этнической самобытности, действие механизмов культурной преемственности и устойчивость этнолингвистической ситуации.

— Традиционные способы природопользования осуществляются как образ жизни человеческих коллективов, а не как отрасли хозяйства.

— Являясь основой уникальных систем жизнеобеспечения северных этносов, традиционные способы природопользования представляют собой часть общемировой культуры. Древний и успешный опыт адаптации людей к экстремальной природной среде, принципиально иной, чем опыт европейской цивилизации.

С 1992 г. работы Центра ведутся по трем направлениям:

- 1) Правовые основы традиционного природопользования народов Севера.
- 2) Принципы и методы традиционного природопользования народов Севера.

3) Изучение конкретных механизмов традиционного природопользования как основы национальных культур (морская зверобойная культура эскимосов и береговых чукчей; оленеводческая культура чукчей; охотничье-рыболовная культура хантов). Особым аспектом изучения в направлениях (2) и (3) является роль ландшафта в формировании различных стратегий природопользования и разных национальных культур.

В рамках данных направлений можно выделить следующие работы.

Правовые основы традиционного природопользования народов Севера.

Сотрудники Центра принимали участие в разработке федеральных законов, затрагивающих интересы коренных народов и старожильческого населения Севера. Среди этих правовых актов важнейшими являются:

- “Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации” (1996);
- “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” (1999);
- “Об общине коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” (2000);
- “О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” (2001);
- “Об особо охраняемых природных территориях” (1995);
- “О животном мире” (1995);
- Лесной кодекс Российской Федерации (1997).

Кроме того, в 1997-2001 гг. для Ханты-Мансийского АО подготовлено несколько вариантов законопроекта “О территориях традиционного природопользования и родовых угодьях коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа”.

Итоги многолетней работы по этому направлению подведены в ряде публикаций, в том числе в сборнике под редакцией Л.С. Богословской “Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. Аналитические материалы. Правовые акты”. М.: Издание Государственной Думы, 2000. 224 с.

Принципы и методы традиционного природопользования народов Севера.

Изучение национальных культур коренных народов, ведущих разный образ жизни, позволило выделить общие для всех принципы традиционного природопользования. Важное место среди них занимают методы передачи последующим поколениям традиций природопользования, включая преемственность традиционных экологических знаний и правил индивидуального и коллективного поведения людей в природе. Эти традиции во многом определяют своеобразие национальных культур и особенности лексики языков народов Севера.

Результаты исследований изложены в докладах на международных конференциях и опубликованы в статьях.

Изучение конкретных механизмов традиционного природопользования как основы национальных культур.

Наиболее подробно это направление разработано на материалах, собранных по морской зверобойной культуре эскимосов и береговых чукчей Берингова пролива. Детально изучены промысловые биологические ресурсы, динамика численности и особенности расселения этих народов, их взаимоотношения с соседями, чукчами-оленоводами, традиционное промысловое снаряжение, особенности лексики природопользования (для чаплинского диалекта языка *сибирский юпик*).

Отдельным направлением исследований стало изучение ездового и оленегонного собаководства, благодаря чему была сформулирована концепция об особой роли аборигенных домашних животных в структуре национальных культур народов Севера. Согласно одному из положений этой концепции, домашние животные рассматриваются в качестве комплексных объектов культурного и природного наследия. Для дальнейших работ в этой области при дирекции Института Наследия был создан Научно-координационный совет по отечественным породам собак России, в рамках которого выполнена большая серия исследований.

В настоящее время сходные работы проводятся по традиционному природопользованию некоторых этнотерриториальных групп хантов и локальным оленеводческим культурам Чукотки.

Результаты исследований по этому направлению изложены в многочисленных статьях, кроме того, подготовлены к изданию следующие книги:

“Словарь лексики традиционного природопользования азиатских эскимосов (чаплинский диалект с русскими и английскими эквивалентами и латинскими названиями растений и животных)”. Составители: Л. Айнана, П. Алейников, Л. Богословская.

“Традиционное промысловое снаряжение охотников Берингова пролива” (ред. Л. Богословская).

Помимо работы над плановыми темами, сотрудники Центра участвовали в различных российских и международных проектах. Важнейшие из них перечислены ниже.

Международные проекты:

1. Роль Общества эскимосов Чукотки в сохранении и развитии традиционного природопользования коренных жителей Чукотки (Провиденский район ЧАО). Российско-американский проект 1994-1996 гг. Финансирование — Dep. of Wildlife Management North Slope Borough, Alaska, USA. От Центра в проекте участвовала Л. Богословская. Результаты ее работы отражены в серии статей, докладе на международном симпозиуме “Аборигенный китобойный промысел” (Анкоридж, 2000 г.) и пособии для морских охотников: Л. Богословская “Киты Чукотки”. М.: Институт Наследия, 2002. 285 с.

2. Роль китобойного промысла в современной жизни эскимосов и береговых чукчей. Российский проект Международной программы по аборигенному китобойному промыслу Арктики, 1995-1998 гг. Финансирование — ICC (Inuit Circumpolar Conference). Над проектом работали: Л. Богословская (рук.), П. Алейников, И. Крупник, С. Сафронов. Результаты отражены в коллективной монографии: M. Freeman, L. Bogoslovskaya, R. Caulfield, I. Egede, I. Krupnik, M. Stevenson. “INUIT, WHALING, and SUSTAINABILITY”. AltaMira Press, 1998. 208 pp.

3. Ecosystem Variability and Anthropogenic Hunting Pressure in the Bering Strait Area. Российский проект Программы США “Арктическая исследовательская инициатива”, 1997-1998 гг. Финансирование — NOAA (National Oceanic and Atmospheric Administration), CIFAR (Cooperative Institute for Arctic Research). Над проектом работали: И. Крупник (рук.), Л. Богослов-

ская. Результаты отражены в отчете и статье *Krupnik I., Bogoslovskaya L. Old Records, New Stories. Ecosystem Variability and Subsistence Hunting in the Bering Strait Area // Arctic Research U.S. 1999. V.13. Pp. 15-24.*

4. "Knowledge Repatriation": Siberian – St. Lawrence Island Yupik Heritage Project. Финансирование — National Science Foundation USA. Над проектом работал И. Крупник. Результаты отражены в серии публикаций, из них в России вышла из печати книга: *И. Крупник. "Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975-1987 гг."* Институт Наследия. 2000. 528 с.

Помимо работы по изучению культуры и истории эскимосов в Арктике, Богословская Л.С. участвовала в ряде других научных проектов, связанных с изучением традиционной культуры и истории народов Севера.

Международные проекты:

1. Роль общества эскимосов Нунут в сохранении и развитии традиционной культуры. Проект "Нунут" (Greenland).

2. Проект "Восстановление традиционной культуры эскимосов в районе ЧАО" (Россия-Аляска). Проект 1994-1995 гг. Финансирование: Д-р of Wildlife Management, North Slope Borough, Alaska, USA.

3. Центр в области изучения культуры эскимосов. Результаты исследований в области культуры эскимосов. Проект "Адо" (Аляска).

4. Проект "Антарктический экспедиционный комплекс" (Антарктика, 2000 г.) и проект "Антарктический экспедиционный комплекс" (Антарктика, 2001 г.).

5. Проект "Антарктический экспедиционный комплекс" (Антарктика, 2002-2003 гг.).

6. Роль антарктического промысла в сохранении традиционной культуры и истории эскимосов. Проект "Международный проект по изучению культуры эскимосов в Антарктике" (1995-1998 гг.). Финансирование: ICRC (Int'l Committee of the Red Cross), Над проектом работали: Л. Богословская, П. Алехин, Н. Крупица, С. Сафонов.

7. Проект "Антарктический экспедиционный комплекс" (Антарктика, 2000 г.).

8. Проект "Антарктический экспедиционный комплекс" (Антарктика, 2001 г.).

9. Проект "Антарктический экспедиционный комплекс" (Антарктика, 2002 г.).

10. Проект "Антарктический экспедиционный комплекс" (Антарктика, 2003 г.).

11. Проект "Антарктический экспедиционный комплекс" (Антарктика, 2004 г.).

12. Проект "Антарктический экспедиционный комплекс" (Антарктика, 2005 г.).

ГРИГОРЬЕВ А.Б.,

к.и.н., заведующий сектором

СЕКТОР ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

10 января 1994 г. — день рождения сектора военно-исторического наследия. Его созданию способствовало то обстоятельство, что многие проблемы, связанные с военной культурой, не рассматривались и не решались, например, в таких специализированных научных центрах как Институт военной истории.

С тех пор как трудами Петра Великого Россия получила лучшую армию в Европе, прошло много времени. Сейчас мы опять стоим перед необходимостью осуществления военной реформы. В связи с этим необходимы новые научные подходы к рассматриваемой проблематике. И одним из наиболее перспективных направлений является познание отечественной военной культуры и её военно-исторического наследия.

К сожалению, этого понятия пока нет ни в одном современном словаре. Поставив перед собой цель: исследовать эту область, — мы поразились, как по сути дела она мало изучена. Попытки исследования некоторых проблем военной культуры предпринимались русскими учеными до 1917 г., а после Октябрьского переворота, фактически, только за рубежом. В Советской Военной Энциклопедии даже нет дефиниций “военная культура” и “военно-историческое наследие”. Представляется очевидным, что военная культура — это часть общей культуры, в которую входит все, что сделано людьми в области военного дела.

Одним из первых результатов работы сектора в данном направлении стало издание “Библиотеки Российского Офицера”. Об этом издании следует рассказать поподробнее. Российские офицеры-эмигранты обобщили и систематизировали свои воспоминания об офицерской службе, провели социологические исследования в офицерской эмигрантской среде и представили полученные результаты в виде обширного очерка, который ломал сформированное большевистской пропагандой представление о русских офицерах. Книга давала довольно четкое представление о том, было ли российское офицерство сословным и кастовым, каково было отношение к национальной и религиозной принадлежности, как складывалась служебная карьера, какой был духовный облик, семейное и финансовое положение русских офицеров и многое другое. В 1995 г. вышла первая книга вновь учрежденной серии, в которой были собраны некоторые ранее опубликованные материалы. С того времени реализация научной

продукции сектора в серии “Библиотека Российского Офицера” стала носить постоянный характер. Издание этой серии не было случайным — офицерский корпус составляет костяк любой армии, и именно офицеры являются носителями военной культуры.

Личность офицера находится в постоянном взаимодействии с военной культурой: во-первых, она усваивает эту культуру, являясь объектом культурного воздействия; во-вторых, функционирует в культурной среде как носитель и выразитель культурных ценностей; в-третьих, создает военную культуру, будучи субъектом культурного творчества. В каждом из этих отношений определенная степень соответствия между культурой и личностью. Разнообразные оттенки возможных отношений человека к военной культуре связаны, таким образом, с характеристикой основных функций культуры.

Заведующий сектором А.Б. Григорьев ведет научное направление по исследованию истории военной культуры России. Старший научный сотрудник, контр-адмирал В.А. Дыгало, известный своими работами по истории военно-морского флота, возглавляет исследования по выявлению персоналий, которые внесли существенный вклад в развитие военной культуры, — вклад, который является культурным наследием. В этой работе с 1996 г. активно участвует офицер флота В.А. Дукельский. Эти два направления стали главными в работе сектора.

В процессе исследований стало ясно, что военную культуру следует рассматривать как продукт деятельности государства и общества. Специфика военной культуры как явления состоит в присущей ей способности накапливать факты военной истории, изучать стратегию и тактику военных действий, историю оружейного дела, труды военных учёных многих поколений. Военная культура и её историческое наследие выражают, прежде всего, те аспекты общественной жизни, которые связаны с преемственностью, с накоплением ценностей и её передачей будущим поколениям. Военная культура есть относительно взаимосвязанное целостное единство явлений, и мы убедились, что в ее познании необходимо руководствоваться принципами историзма, различать качественное своеобразие и строго придерживаться системности в понимании явлений культуры.

По своей сути военная культура — это динамичная, работающая система, полный жизни организм, который призван эффективно удовлетворять потребности государства и общества в защите. Военная культура не только

функционирует, но и развивается за счет энергии государства, внутренней энергии общества, под влиянием изменений, происходящих в жизни. Фокусом и жизненным центром военной культуры является духовная жизнь Вооруженных Сил, благодаря которой создается духовная форма культуры. Духовная форма военной культуры, надстраиваясь над материальной, вырастая из нее, выполняет по отношению к последней организационные, управленческие, прогностические и иные функции. В то же время духовная культура обладает и самостоятельной ценностью для военного человека, выражаясь в свободной игре разума, в бескорыстном стремлении к познанию и постоянному совершенству.

Постепенно, шаг за шагом, удалось по дошедшему до нас военно-историческому наследию восстановить развитие военной культуры в определенные временные интервалы и вскрыть закономерности её развития и некоторые свойства. В частности, достаточно накоплено данных по развитию военной культуры России до 1917 г. Большой фактографический материал по отдельным аспектам военной культуры удалось найти у дореволюционных военных историков. После 1917 года неоценимый вклад в дело познания военной культуры внесли «сугубо гражданские» историки: Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров и др. Интересно, что передовая часть общества лишь в начале XX века в полной мере осознала роль и место вооруженных сил в жизни государства. Любопытны труды П.Н. Милокова, М.Н. Покровского, В. Рябушинского и др., в которых уже освещаются некоторые аспекты военной культуры, правда, еще не в четко выраженной форме. После Октябрьского переворота вообще не могло быть речи об объективном познании общей или военной культуры — они просто отрицались или рассматривались с классовых позиций.

В процессе исследовательской работы сектора сыграли свою роль добрые советы Героя Советского Союза Л.В. Жолудева: «Не увлекайтесь сугубо теоретическими исследованиями, старайтесь больше работать в прикладной плоскости выработанных вами новых знаний. А для этого старайтесь чаще бывать в офицерской среде, непосредственно в войсках, вот там-то по достоинству оценят вашу работу».

Совет бывалого воина оказался крайне полезным. Завязались научные связи с академиями Министерства Обороны РФ, военными учебными заведениями и воинскими частями. Но наиболее тесные постоянные связи сложи-

лись с Академией Федеральной пограничной службы, Академией МВД (ныне Университет МВД), Главкоматом сухопутных войск. Сектор принимал участие во многих конференциях, в том числе и международных, на которых пропагандировалась сама идея исследования военно-исторического наследия России и та польза, которая может быть извлечена из такого исследования.

Большую помощь исследовательской работе сектора оказал морской инженер *О.А. Хазин*. Часто выезжая за рубеж, он сумел установить тесные связи с представителями русского зарубежья и передать сектору материалы, в которых в первозданном виде запечатлелась русская военная культура. В его трудах впервые обосновывается точная дата появления регулярной русской армии. Он подготовил к изданию и помог материально осуществить выпуск книги “Трудный путь к Полтаве”¹, где в заключении была дана разработанная сектором научная концепция познания военной культуры и исторического наследия России, как одно из необходимых условий реформирования Вооруженных Сил. Книга была безвозмездно разослана по армейским библиотекам (как, впрочем, и все другие издания “Библиотеки Российского Офицера”).

К юбилею Института в серии “Библиотека Российского Офицера” подготовлена очередная книга “Пажи, кадеты, юнкера”, посвященная 200-летию создания Пажеского кадетского корпуса, в стенах которого воспитывались как государственные деятели, так и офицеры. Примечательно, что Пажеский корпус в отличие от других военно-учебных заведений имел четко прописанные нравственные принципы. В книге вместо заключения помещена статья “Личность и армия”, в которой исследуются некоторые современные аспекты воинской службы.

Советский период развития военной культуры является довольно сложной темой для исследования. В частности, в это время под грузом коммунистических догм в особенно тяжелом положении оказались общественные науки, в том числе и военная. Военные учёные утратили всякую творческую независимость от коммунистической идеологии и потеряли интерес к конкретному исследованию. Главным стало проведение марксистско-ленинских догматов во все сферы военного дела, иллюстрация безусловной правильности марксизма-ленинизма и его достаточности для объяснения любых явлений в жизни воинов. Это привело к буквальному оскудению

¹ Хазин О.А. Трудный путь к Полтаве. М.: Институт Наследия, 2001.

военной культуры, за исключением некоторых её областей, связанных напрямую с оборонной промышленностью.

Тем не менее, некоторые учёные продолжали работу по осмыслению культуры России и ее военной области, но, к сожалению, лишь далекого прошлого. Следует отметить труды академиков Д.С. Лихачёва, Б.А. Рыбакова, внесших свежую струю в исследование прошлого страны. Они использовали результаты археологических и археографических исследований для уточнения сущности многих исторических событий, что позволило также получить объективное представление о военной культуре наших предков.

Исследования “действующей” военной культуры в советское время были просто невозможны, это была прерогатива ограниченного числа специалистов, чьи труды, как правило, были закрыты для общества. Стоит упомянуть, что и будущее также не явилось объектом широкого исследования — доказательством служит то, что переживают Вооруженные Силы в постсоветский и постсоциалистический период. Примечательное явление — в послеоктябрьский период исчезла, как раздел военной науки, военная археология, если выразиться точнее, ею стали заниматься сугубо “гражданские археографы”, которые своими находками значительно расширили представление об отечественной военной культуре — это труды А.Н. Кирпичникова, Н.Г. Порфиридова, П.А. Рапопорта и др.

Сегодня наиболее актуальным является исследование духовной формы военной культуры, и поэтому необходимо отдельно рассмотреть историю военной мысли, которая стала своеобразным и очень чутким индикатором состояния военной культуры государства, общества и самих Вооруженных Сил. Научный анализ проблем военной культуры может оказаться полезным при формировании концепции создания новых Вооруженных Сил России и создании оптимальной системы воинского воспитания.

Исследования убедительно показывают, что развитие отечественной военной культуры определяется взаимодействием четырех векторов, по-разному распределяющихся в пространстве и времени: государственная власть (политический режим), господствующая идеология и религия, общество и собственно вооруженные силы. Можно отметить, что в отечественной культуре духовный фактор всегда превалировал над материальным. Именно это обстоятельство отметил в свою бытность поручик Н.Н.

Обручев (впоследствии начальник Генерального штаба русской армии) в одном из своих первых исследований истории допетровского периода.

Отечественная военная культура чрезвычайно восприимчива к чужой военной культуре, и, по образному выражению талантливейшего военного теоретика А.А. Свечина, ее можно уподобить маятнику, который должен был своевременно отбирать военные достижения у соседей с запада и востока, чтобы не оказаться под чужим игом. Любопытно, что сабля у наших предков была уже в XV в., хотя в Англии еще и в XVI в. рубились на мечах. Конь и метательное оружие также пришли с Востока, а вот крепостные сооружения и строй — с Запада. Характерно, что военные достижения Востока наши предки с успехом использовали против Запада и наоборот.

Сегодня остро ощущается необходимость фундаментальных трудов по истории государственной власти, истории общества и собственно Вооруженных Сил. Экс-министр обороны Российской Федерации Игорь Сергеев не так давно в одном из интервью “Независимому военному обозрению” с редкой прямоотой констатировал, что сегодня наблюдается застой военной мысли, отсутствие эффективной системы воспитания и стагнация военного образования¹. А все это в целом и есть признаки упадка военной культуры в стране. Все беды многие военачальники объясняют отсутствием должного финансирования. Так ли это? Ответ следует поискать в духовной сфере нашей культуры, имеющей очень солидное историческое наследие, которое сегодня по большому счету пребывает без должной востребованности.

В настоящее время необходимо в кратчайший срок создать эффективную систему воинского воспитания. (Воспитание означает приобщение к достижениям военной и общей культуры с целью формирования соответствующей личности, наделенной определенными нравственными и профессиональными качествами). Наполеон, например, совершенно определенно утверждал, что “война на три четверти зависит от моральных факторов”². На самом деле, человек, имеющий в руках оружие, должен быть нравственным — в противном случае он представляет угрозу не только и даже не столько для вероятного противника, сколько для тех, кого призван защищать.

В отличие от других областей культуры, военная имеет ряд специфических особенностей, главной из которых является формирование разума и

¹ Цит. по кн.: Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. М., 1942, с. 102-103.

нравственности человека с оружием (т.е. воинского духа). Смысл разума в отечественной военной культуре очень точно подмечен в одном из замечательных изданий “Постижение военного искусства” (М., 1999), где раскрывается творческое кредо отечественного военного теоретика А.А. Свечина: “Россия постоянно находится в угрожаемой ситуации, что обуславливает необходимость серьезного отношения к военному делу. В этих условиях требуется высшее военное искусство, нетерпимы формализм и леность, шаблон и предрассудки, догмы, подражание и штундизм. Необходимо самостоятельное военное творчество, которое обеспечивает экономный способ военного развития России и одновременно ее надежную защиту. И вообще: армия думает и потому прогрессирует, культивирует военную работу в интересах целого, действует в соответствии с единой доктриной и только вследствие этого побеждает! Ее ведут большие творческие идеи, и следует защищать их. Они пронизаны жизненным духом, представляют собой “в высшей степени чистое и подвижное пламя” (Декарт), творческий пожар, в огненных сполохах которого сгорают заблуждения и рождается высшее военное знание”. История отечественной военной культуры — это, прежде всего, история становления нравственности воинов России.

Кризис всей советской культуры, необыкновенная острота и размах критики ее идейных и нравственных основ, пробуксовка реформ породили крайне противоречивую ситуацию в стране. С одной стороны, раскрепощение общественного сознания, плюрализм мнений и оценок, развитие демократических начал, открытые контакты с Западом; с другой — размывание фундаментальных ценностей жизни народа, отечественной культуры и истории.

Сегодня каждого офицера сама жизнь вовлекает в процесс созидания новой стройной системы нравственного воспитания воинов, что, как показывают исследования, предполагает четкое взаимодействие государственной власти, господствующей идеологии, общества и собственно вооруженных сил страны, которые и представляют собой основные векторы, определяющие развитие военной культуры. Разумеется, это взаимодействие должно строиться на основе исторического опыта и национальных традиций народа. Именно так действовал Петр Великий. В военном строительстве он сумел извлечь из российского и европейского военного опыта все необходимое, но в духовной сфере опирался исключительно на национальные особенности русского воинства и благодаря этому сумел создать лучшую

армию в Европе. Творческое наследие Петра I раскрыты в шедевре мировой военной культуры — в созданном им “Уставе воинском” 1716 г.

Говоря о военной культуре, вполне естественным является вопрос: а каков был уровень культуры личности наших выдающихся полководцев? И какова связь военной культуры с общей? Обратимся к примерам. Святой князь Владимир Киевский, создатель масштабной (равно и пограничной) системы обороны государства, он же идеолог и претворитель первой отечественной военной реформы, поддержанной всеми слоями общества Киевской Руси, оказывается, был первым русским князем, овладевшим грамотой, он же организовал первые школы в своем государстве. Его сын Ярослав Мудрый организовал бюро переводчиков, сам знал иностранные языки и переводил с них, он же стал собирателем первой библиотеки на Руси. Именно ему мы обязаны появлением впоследствии Георгиевских наград, кавалеров, оружия и знамен (его крещеное имя — Георгий). Ярославом был заложен в Киеве в 1051 г. первый храм в честь Св. Георгия. На Руси и в России греческий образ получил новое историческое наполнение, он стал небесным покровителем русского воинства.

Князь Владимир Мономах (единоборец) внес много нового в отечественную военную культуру за 50 лет своей военной деятельности. Владимир Мономах был первым русским военным писателем. Его знаменитые “Поучения” дошли и до нашего времени. Кстати, они являются прообразом первого русского воинского устава. Полководец Александр Суворов, не ведавший поражений, кроме воистину энциклопедических познаний военного дела, владел десятью языками. Опыт нашей отечественной военной культуры достаточно убедительно показывает, что для успеха в своем деле, кроме профессиональной культуры, военный человек должен владеть и обширными областями общей культуры. Военная культура несет охранительную функцию по отношению к общей культуре России, и она является своеобразным индикатором ее состояния. Когда военная культура была на должном уровне развития, процветала и страна. В то же время, когда снижался общий уровень культуры, деградировала ее военная область.

История культуры достаточно убедительно показывает, что в России каждой политической формации соответствует свой тип Вооруженных Сил. Меняются государство и общество — и соответственно изменяются Вооруженные Силы. Исследования позволяют проследить, как осуществлялся переход от дружинно-ополченческого типа военной силы во времена

Киевской Руси к массовой армии и к армии советского типа, дошедшей до наших дней. Развал СССР поставил на повестку дня очередную насущную проблему — создание новой армии. В результате перестроечных процессов изменились государство, общество, а вот армия осталась прежняя — советская. До сих пор действуют многие нормативно-технические документы, относящиеся ко временам создания Красной Армии.

В 1918 г. большевики, поняв историческую необходимость смены типа армии, смогли впервые в мировой практике создать армию классового типа. Сейчас ясно, что в изменившейся России должна быть новая армия. Но вот какая? Что Вооруженные Силы должны измениться — это уже ни у кого не вызывает сомнений. Только нет четкого представления: какова технология создания новой военной силы? Военная культура Отечества дает на это четкий ответ: строительство новой военной силы невозможно без участия в этом процессе широкого представительства от общества. Стоит вспомнить, что военный министр Д.А. Милютин в состав всех комиссий по военным реформам включал с правом решающего голоса наиболее авторитетных гражданских лиц.

В русском периоде система воинского воспитания была направлена, в первую очередь, на воспитание личности (кстати, очень многие из людей в погонах весомо заявили о себе в самых разных областях культуры), а затем — на коллектив. В советское время — главным образом на воспитание коллектива. Представляется очевидным, что новая система будет синтезирована из лучших достижений обеих предшествующих систем, и, видимо, другого пути здесь пока нет.

Помимо исследовательской и архивной работы в планах сектора — создание учебника военного культуроведения для военных и гражданских вузов, эта идея активно поддерживается в академической военной среде. Концепция военной культуры, изложенная в книге “Трудный путь к Полтаве”, в настоящее время вылилась в обоснование и предварительную концепцию разработки “Атласа военно-исторического наследия России” (пояснительную записку, план-проспект, демонстрационные листы). Летом 2001 г. документы и демонстрационные листы были представлены Министру обороны Российской Федерации, который одобрил предложенную идею работы над Атласом. Для сектора это означало своеобразный жесткий экзамен. В этой оценке нашли подтверждение важность изучаемых вопросов и правильность выбора пути научного исследования.

ЗАЙЦЕВА Г.А.,

к.б.н., заведующий центром

ЦЕНТР ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ И ЭКСПЕРТИЗЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ И ПРОЕКТОВ

Анализ экологических проблем сохранения наследия и поиск путей их решения изначально был заложен в концепции деятельности Института Наследия. Начиная с 1996 года, это направление окончательно сформировалось, что выразилось в организационной структуре — Центре экологических проблем сохранения наследия и экспертизы региональных программ и проектов.

Центр ориентирован на работу с музеями-заповедниками и музеями-усадьбами России, в поле его зрения также неизменно присутствуют особо охраняемые природные территории, включающие в себя объекты культурного наследия и, прежде всего, национальные парки. Комплексный подход к решению проблем сохранения культурного наследия отразился в направлениях работы Центра, важнейшими среди которых можно назвать следующие:

- разработка методики и проведение экологической паспортизации историко-культурных территорий;
- организация и проведение экспертных экологических обследований историко-культурных территорий;
- разработка программ природоохранительной деятельности музеев-заповедников;
- проведение экспертизы региональных программ и проектов, в частности программ сохранения и развития музеев-заповедников России;
- организация, проведение и информационное обеспечение ежегодной Всероссийской научной конференции “Экологические проблемы сохранения музеев-заповедников” (совместно с Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником проведено уже 7 конференций).

В целях более полного информационного обеспечения специалистов и общественности по проблемам развития охраняемых историко-культурных территорий в настоящее время сотрудники Центра приступили к подготовке информационно-справочного бюллетеня “Музеи-заповедники и музеи-усадьбы России”.

В настоящее время в России насчитывается 75 музеев-заповедников и 31 музей-усадьба. Эти уникальные историко-культурные территории вместе с национальными парками и природными заповедниками образуют культурно-экологический каркас России. Ряд музеев-заповедников включен в перечень особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Все они представляют особый специфический тип культурного учреждения России, который имеет в своем составе музейные коллекции, памятники архитектуры, исторические ландшафты и природные комплексы.

Общая особенность музеев-заповедников и усадебных комплексов, представляющих в совокупности наиболее ценную часть духовного и культурного достояния страны, это охрана культурных и природных ценностей как единого, органично взаимосвязанного целого. Музеи-заповедники могут быть историко-мемориальными, военно-историческими, литературными и др. Во многих случаях их основу составляют усадьбы.

Усадьба на Руси складывалась веками и прошла исторический путь от автономного семейного хозяйственного комплекса до центра большой социально-экономической и духовно-культурной значимости. В эпоху своего расцвета (вторая половина XVIII - начало XIX вв.) усадьба стала своеобразной моделью мира, вошла в литературу и искусство, а позднее создала своего рода "мифологию" русской усадьбы, вызывая ностальгию в поколениях россиян. Одной из важнейших черт русской усадьбы является ее ведущая роль в сохранении традиционных, а также в апробации и развитии инновационных ценностей. Принципиальным является понимание усадьбы как единого целостного исторического явления во взаимосвязях всех компонентов усадебной жизни (хозяйство, архитектура, культура, быт и др.), как социально-экономического и духовно-культурного центра дореволюционной России.

Музеи-заповедники являются аккумуляторами культуры в ее самом широком понимании. Они выступают в роли хранителя традиций духовной, экономической, экологической культуры. Одновременно они уже сейчас начинают выполнять функции основных центров распространения инновационных видов деятельности в сельской местности, в малых городах. Музей-заповедник должен жить полнокровной жизнью и играть активную роль в обществе, помогая формировать его культуру.

Историко-культурные территории неоднородны по масштабам своей природоохранной деятельности и степени использованию ландшафта и его компонентов как музейного объекта. По экологическому назначению музеи-заповедники как охраняемые природные территории можно разделить на территории, где главным является:

- охрана окружающей среды,
- обеспечение возможностей рекреации,
- экологическое образование,
- сочетание двух и более выполняемых функций.

Для решения экологических проблем необходимо функциональное зонирование музеев-заповедников. Очевидно, что на территории музея-заповедника, занимающего площадь в несколько десятков и, тем более, сотен гектаров, возникает проблема сохранения условий, обеспечивающих устойчивость и способности экосистем к самовосстановлению. На небольших площадях, где экосистема, как правило, сильно урбанизирована, задачи природоохранной деятельности должны дополняться другими, имеющими более утилитарный характер (например, замена одного типа насаждения, вида растения на другие, конструирование газона определенной конфигурации или определенного цветового решения, и т.д.). Как составная часть решения экологических проблем охраняемых историко-культурных территорий необходима их экологическая паспортизация.

Одним из этапов работы над инструктивно-методическими материалами является опытное внедрение рекомендаций с последующим внесением в них корректив. Несмотря на острую необходимость в инструктивно-методических материалах по экологической деятельности музеев-заповедников и, несмотря на всеобщее признание необходимости контроля за сохранением историко-культурных территорий, существует различное понимание экологической паспортизации территории, включая различные мнения по объему необходимой и достаточной информации, источникам ее получения, а также по перечню и глубине содержания ее характеристик.

В России, особенно в крупных управленческих и научных центрах, к которым можно отнести и музеи-заповедники, количество информации для принятия управленческих решений достаточно (материалы статистической государственной отчетности, водохозяйственная статистика, данные гидрометслужбы, санэпидемстанций, гидрохимических лабораторий, гидрогеоло-

гических экспедиций, спектрональные спутниковые съемки, геоинформационные системы, материалы проектных институтов и др.). Однако, эта информация не всегда доступна для лиц, принимающих решения. Кроме того, структура представления данных такова, что использование ее при принятии решений в конкретных случаях затруднительно. Вместе с тем, некоторые параметры, необходимые для контроля окружающей среды конкретной территории, не измеряются в нужных точках и в нужном объеме, поэтому, несмотря на обилие информации в настоящее время также остается актуальным создание локальных систем мониторинга.

Для организации эффективного экологического мониторинга наследия необходима отлаженная методология, современная материально-техническая база, специализированные организационные структуры. Это может быть осуществлено только при соответствующей государственной поддержке и благодаря междуведомственному сотрудничеству с организациями, уже имеющими опыт работы в этой сфере, в частности, с природоохранительными и экологическими учреждениями и ведомствами.

Важнейшую роль в формировании и внедрении системы мониторинга на особо охраняемых историко-культурных и природных территориях должен сыграть *экологический паспорт*. Экологический паспорт должен содержать объективные данные по основным экологическим параметрам и характеристикам взаимодействия с окружающей средой. Наличие объективных (стандартных по методам оценки и единицам измерения) данных экологического паспорта поднимает управление охраной окружающей средой (в цепи: организация — планирование — мониторинг — правовая охрана) на более организованную ступень.

Внедрение экологического паспорта, основные критерии, принципы и параметры которого уже разработаны в Центре экологических проблем сохранения наследия, в практику работы музеев-заповедников позволит в дальнейшем создать систему федеральной стандартизации и паспортизации в области охраны окружающей среды историко-культурных территорий. Очень важно то, что экологический паспорт музея-заповедника, который содержит основные сведения об окружающей среде и закрепляет основные положения природоохранной деятельности историко-культурной территории, будет помогать в реализации правового механизма управления охраной окружающей среды. Это особенно важно в современный период, когда

бывает трудно доказать негативный характер того или иного внешнего воздействия, трудно оценить ущерб природе при отсутствии данных экомониторинга и паспортных данных конкретной территории.

Музеям-заповедникам для сохранения территориальной целостности необходимо уже в ближайшее время провести классификацию культурных ландшафтов, определить пути сохранения их аутентичности и целостности. При разработке стратегии и перспективных программ комплексного развития музеев-заповедников данное направление их развития должно не только декларироваться, но и включаться в планы научно-исследовательских, научно-проектных, хозяйственных мероприятий. *Рассмотрение и признание культурного ландшафта как комплексного и интегрального объекта культурного и природного наследия является принципиально новым направлением в управлении наследием.*

Признание культурного ландшафта в качестве одного из типов наследия, включаемых в Список Всемирного культурного и природного наследия, ставит перед российскими музеями-заповедниками ряд новых задач. Среди них необходимость теоретического осмысления концепции "культурного ландшафта" и практическое применение положений этой концепции в конкретной деятельности по сохранению историко-культурных ландшафтов, по их охране на территории музеев-заповедников.

Нами предпринята попытка сбора комплексной экологической информации по отдельным музеям-заповедникам и ее оформление в соответствии с разработанными ранее подходами в экологический паспорт, который позволит в дальнейшем усовершенствовать методы контроля за состоянием историко-культурных территорий.

Комплексные экологические исследования, выполненные в 1996-2002 гг. на территориях Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника, Государственного историко-архитектурного музея-заповедника "Александровская Слобода", Государственного музея-заповедника "Коломенское", Государственного музея-заповедника А.С.Пушкина "Михайловское" и ряда других под руководством старшего научного сотрудника Центра *Алексея Васильевича Есенина* по сути являются внедрением разработок Центра в музейную практику.

В настоящее время в Центре готовится коллективная монография. Подготовка ее к изданию является итогом многолетних комплексных эко-

логических исследований Центра в музеях-заповедниках. Сейчас Институт Наследия и его Центр — фактически единственная структура в системе Министерства культуры Российской Федерации, которая целенаправленно и планомерно пропагандирует (и осуществляет на деле) комплексный подход к оценке качества среды и исследует проблемы сохранения окружающей среды, ландшафта и культурного наследия на основе комплекса экологических характеристик.

Основной целью комплексного развития системы музеев-заповедников является сохранение и использование культурного и природного наследия уникальной историко-культурной территории, создание на этой основе целостного музейного, природоохранного, социокультурного и хозяйственного комплекса. Современная концепция организации территории музея-заповедника предполагает обеспечение гармонического сочетания культурных, социально-экономических и экологических особенностей ее развития в настоящем и в перспективе. Кроме того, планируется полифункциональное использование усадебных комплексов: научно-исследовательское, культурно-просветительское, туристско-экскурсионное, хозяйственное и коммерческое. При этом обязательно учитываются хозяйственные и прочие интересы местного населения.

Существенное влияние на состояние историко-культурных территорий оказывают изменения в экономической политике страны и, прежде всего, отношения собственности, развитие местного самоуправления. Следует особо выделить изменения условий владения и пользования земельными участками. Раздел земли и ее приватизация создают реальную угрозу для исторических ландшафтов. Несмотря на то, что охрана культурного наследия России базируется на действующем законе прямого действия “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации”, а уникальные природные комплексы историко-культурных территорий попадают под юрисдикцию федерального Закона “Об особо охраняемых природных территориях”, существующая сеть музеев-заповедников, усадебных и монастырских комплексов не имеет прямой правовой основы для обеспечения сохранности наследия на своей территории. В условиях экономической реформы и децентрализации государственной власти и управления усилилась угроза бесконтрольного разрастания населенных пунктов, уничтожения исторических ландшафтов вокруг мемори-

альных музейных памятников. Комплексный подход к развитию историко-культурной территории вводит эту проблему в рамки компетенции музея-заповедника.

Основной задачей Центра в этом направлении является внедрение современных методов стратегического планирования деятельности — разработка программ и проектов комплексного развития музеев-заповедников которая включает:

1. Внедрение прогрессивных направлений и методов сохранения и использования культурного и природного наследия России для создания системы уникальных историко-культурных территорий.
2. Создание на основе музеев-заповедников и музеев-усадб территориальных комплексов, обеспечивающих музейную, природоохранную, хозяйственную и социокультурную функции.
3. Создание новых музеев-заповедников.
4. Превращение музеев-заповедников также и в образовательные центры.
5. Развитие туристской деятельности музеев-заповедников.

Осуществление этих программных положений преследует две важные цели:

— сохранение и восстановление мемориальных памятников и исторических ландшафтов музея-заповедника;

— создание на территории целостного экономического и социального образования, способного в комплексе решить задачи культурного, научно-исследовательского, просветительского и туристического центра наряду с обеспечением экологической безопасности территории и рациональным природопользованием на ней, в координации с перспективами развития регионов.

Для осуществления поставленных целей и задач программы должны основываться на системном и комплексном подходе. Учитывая это, они должны содержать:

— анализ культурных и природных ресурсов музеев-заповедников и музеев-усадб, разработку их типологии, выявление эталонных представителей — по географическому и качественным признакам;

— анализ проблем, выявление общих и конкретных мер для достижения целей проекта.

Кроме этого, программа должна включать в себя следующие разделы:

1. Концепция.

1.1. Историческая справка.

1.2. Современное состояние музея-заповедника, проблемы и обоснование их решения программным целевым методом.

1.3. Система программных мероприятий, охватывающих деятельность музея-заповедника в следующих направлениях:

- сохранение и развитие культурного и природного наследия;
- реализация научно-исследовательских и просветительских функций музея-заповедника;
- развитие туризма и его инфраструктуры на территории музея-заповедника;
- создание базы и развитие хозяйственной деятельности;
- обеспечение интересов местного населения.

1.4. Предложения по ресурсному обеспечению программных мероприятий и механизму их реализации.

1.5. Основные принципы управления и контроля за реализацией программы развития музея-заповедника.

Технико-экономическое обоснование проекта должно содержать укрупненный расчет финансовых последствий реализации проекта, отражать затраты и результаты, связанные с его реализацией. По материалам основных программных мероприятий ТЭО включает расчеты их стоимостных показателей и условия финансирования, определяет затраты и доходы. Проводится предварительный расчет потребностей в инвестициях, а также ожидаемой величины и характера распределения прибыли по отдельным видам деятельности, даются предложения по оптимальной организации работ и финансированию деятельности музея-заповедника.

ПУТРИК Ю.С.,

к.г.н., заведующий сектором

СЕКТОР РЕКРЕАЦИОННЫХ И ТУРИСТСКИХ ФОРМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАСЛЕДИЯ

Сектор туристских форм использования наследия с 1992 г. проводит широкомасштабные исследования потенциала, перспектив и технологий туристского использования культурного и природного наследия, подготавливает прогнозы и рекомендации по перспективам развития туристских структур в местностях и районах с высокой концентрацией объектов наследия. Основной деятельностью сектора является научное и информационно-методическое обеспечение учреждений культуры по вопросам применения в их работе современных туристских технологий, позволяющих вести не только коммерческую деятельность на объектах наследия, но и осуществлять эффективные мероприятия по возрождению и сохранению этих объектов. Потребность в таком обеспечении исключительно велика и сотрудники сектора ощущают ее ежедневно, общаясь с музеями, музеями-заповедниками, администрациями исторических городов, работниками культуры на местах и в Москве.

Специалисты сектора имеют многолетний опыт туристского планирования, в частности, по созданию программ развития туризма для регионов, исторических городов, будущих туристских центров, музеев-заповедников, национальных парков. За прошедшие 10 лет деятельности сектора его сотрудники приняли активное участие в разработке программ развития туризма и туристского использования наследия в таких исторических городах и территориальных образованиях, как Александров (Владимирская обл.), Кунгур (Пермская обл.), Сергиев Посад (Московская обл.), Ялуторовск и Ишим (Тюменская обл.), Казань, Елабуга (Республика Татарстан), в Корякском автономном округе, на Курильских островах, в национальном парке "Водлозерский" (Республика Карелия), на территории Большого Сочи. Подготовлены рекомендации и предложения по туристскому развитию для таких всемирно известных музеев-заповедников, как "Ясная Поляна", "Михайловское", "Бородинское поле", "Горки Ленинские", "Александровская Слобода".

Сектор принял также участие в подготовке предложений по преобразованию Москвы в крупный международный туристский центр. В этих ра-

ботах специалисты сектора принимают участие совместно со специалистами ГАО «Москва», ВАО «ИНТУРИСТ», Национальной Академии туризма. Действительно, Москва представляет собой уникальный туристский продукт, не имеющий аналогов в мире комплекс культурно-исторических, архитектурных и иных достопримечательностей, обеспечивающих столице монопольное положение на туристском рынке подобно Лондону и Парижу, Вене и Риму, Санкт-Петербургу и Барселоне, Венеции и Флоренции. Кроме того, Москва является общепризнанным центром политической, научной и финансово-хозяйственной деятельности великой державы — России. При всем этом, несмотря на то, что Москва уже сегодня является ведущим туристским центром Российской Федерации, ее потенциал используется все же не более чем на 25%. В этой связи сектором был предложен комплекс продуманных и просчитанных нестандартных организационных мероприятий, управленческих и планировочных решений с тем, чтобы Москва встала в один ряд с ведущими мировыми центрами туризма.

В условиях слабой разработанности нормативно-правовой базы туристской отрасли специалисты сектора принимают активное участие в разработке проектов нормативных документов по регулированию туристской деятельности, работают в контакте как с Комитетом по культуре и туризму Государственной Думы Российской Федерации, так и на региональном уровне. Сектор сотрудничает с зарубежными партнерами, участвует в создании Единой туристской информационной сети стран СНГ и в других международных проектах.

Сотрудники сектора регулярно участвуют в научных симпозиумах и конференциях по проблемам туризма и культуры, экологическому и устойчивому туризму, проводимых как в Российской Федерации, так и за рубежом. За 10-летний период ими опубликовано более 70 статей, подготовлены сборники научных трудов, изданные Институтом Наследия, Национальной Академией туризма, другими организациями и фондами. Среди этих изданий такие сборники, как «Проблемы и программы туристско-рекреационного использования природного и историко-культурного потенциала в регионах России» (1995), «Актуальные вопросы теории и практики туризма» (1997), «Труды Академии туризма» (2002) и другие.

Закономерным итогом 10-летней работы коллектива ученых и специалистов сектора явилась подготовка к изданию «Рекомендаций по разработ-

ке программ туристского развития территории". Актуальность этой темы сегодня особенно велика, так как богатейшие культурно-исторические и природные ресурсы регионов России, представленные памятниками, музеями, культурными традициями, праздниками, обычаями и обрядами многочисленных народов, сотни ее исторических городов, национальных парков, заповедников и других охраняемых территорий вызывают большой интерес. Для того, чтобы они были доступны для обозрения и восприятия, требуется обработка, соответствующее ювелирное оформление, оправа, инструментарий, без которых эти драгоценности так и останутся недоступными, невостребованными и неиспользуемыми. Таким оформлением туристского потенциала и инструментарием его практического использования как раз и является туристская структура, состоящая из взаимоувязанного комплекса гостиниц и других средств размещения, предприятий питания, торговли, развлечения и оздоровления.

Программа развития туризма как раз и является тем документом, в котором определены все параметры и составляющие элементы будущей туристской структуры, методы и этапы ее формирования. Затраты на создание надежной и устойчиво развивающейся системы туристского обслуживания и сроки их окупаемости значительно ниже по сравнению с производственными отраслями. Мэр города, провозгласивший туризм приоритетной сферой экономики, имеет, несомненно, больше шансов в предвыборной кампании. Важно, чтобы это были не просто слова, а чтобы за этими тезисами стояла реальная программа преобразования населенного пункта или территориальной единицы в значимый туристский центр.

Заметим, что реальным каркасом туристского потенциала Российской Федерации являются исторические города, музеи-заповедники и национальные парки. Именно в этих объектах и прилегающих к ним территориях сконцентрированы культурно-исторические и природные достопримечательности, имеются наиболее благоприятные организационно-управленческие и иные предпосылки для успешного внедрения современных туристских технологий и придания им нового импульса в социально-экономическом развитии.

В официальной Концепции развития туризма в Российской Федерации на период до 2005 года¹ вопросы регионального планирования туризма занимают

¹ Распоряжение Правительства РФ от 11 июля 2002 г. № 954-р (О Концепции развития туризма в Российской Федерации на период до 2005 года).

одно из центральных мест. Повышение эффективности отечественной туристской индустрии напрямую связывают с формированием региональных концепций развития туризма с разработкой экономически обоснованных планов их реализации, в том числе в рамках региональных целевых программ социально-экономического развития. В плане мероприятий, приложенном к Концепции (см. п. 8), предусмотрено “оказание содействия субъектам Российской Федерации в разработке и реализации региональных программ развития туризма”. Кроме того, в нем намечена “разработка профильных разделов в рамках региональных целевых программ социально-экономического развития”. Дело это, как видим, весьма ответственное, так как от качества региональной программы развития туризма во многом зависит успех формирования туристской отрасли на региональном уровне и, в конечном счете, на федеральном уровне.

Разработка планов и программ туристского развития территории уже в течение более чем 20 лет стала неотъемлемой составной частью процесса становления туризма как отрасли экономики России. В новых экономических и социальных реалиях постсоветского периода многие руководители региональных и областных администраций увидели в туризме эффективную отрасль экономики и перспективное направление социально-экономического развития территории, способное стабилизировать экономическую ситуацию, смягчить социальные проблемы. Таким образом, разумно спланированная стратегия и тактика туристского развития может принести соответствующему региону или центру значительные экономические выгоды, не порождая при этом каких-либо серьезных экологических или социальных проблем.

Важным является то обстоятельство, что в последние годы на разных уровнях происходит понимание того, что туристская деятельность (деятельность организаторов туризма — туристских компаний и корпораций) является методом привлечения и доставки платежеспособного клиента (туриста, потребителя) в сферу туристской индустрии (перевозок, размещения, питания, развлечений, знакомства с достопримечательностями, оздоровительных мероприятий и др.), в сферу работ, способствующих потреблению услуг предприятий туристской индустрии (банковских, финансовых, страховых и иных), а также в сферу торговли как мощного покупателя с высокой платежеспособностью².

² Азар В.И., Акишин В.Н., Байназаров Ю.К., Биржаков М.Б., Кузнецов Ю.В., Маринин М.М., Путрик Ю.С., Терещенко А.А., Туманов О.Н. Предложения к Концепции развития туризма в России. // Туристские фирмы, № 22. СПб.: Невский фонд, 2000. С. 23-37.

Всемирная Туристская Организация при ООН (ВТО) придает большое значение обоснованному планированию развития туризма на национальном, региональном и местном уровнях. К настоящему времени за рубежом и у нас в стране накоплен значительный опыт разработки и реализации планов и программ туристского развития. За последние годы ВТО опубликовала несколько специальных методических пособий и руководств для специалистов по планированию туризма и курортов на местном и региональном уровнях. В этих руководствах отмечается, что предложенные методические подходы и принципы туристского планирования следует применять с учётом национальных и региональных условий. Применение рекомендуемых принципов разумного планирования позволяет развивать туризм и управлять им на контролируемой, комплексной и устойчивой основе.

В нашей стране с 1980-х годов планирование туризма на региональном и местном уровнях приобрело централизованный характер. По решению правительственных органов в республиках края и областях СССР были разработаны перспективные схемы развития туризма. Методика и опыт этих разработок были отражены в "Основных требованиях к Перспективным схемам развития туризма в республиках, краях и областях" (1981)³, "Временных методических указаниях по составлению перспективных схем развития туризма в республиках, краях и областях" (1982)⁴, изложены в методических рекомендациях "Разработка и использование перспективных схем развития туризма" (1988)⁵ и некоторых других документах и публикациях⁶.

В настоящее время интерес к программному подходу туристского развития в регионах все время возрастает. Опыт последних лет показывает, что качество такой программы зависит, прежде всего, от состояния методической базы подобного рода разработок. Утвержденные общие формальные

³ Основные требования к Перспективным схемам развития туризма в республиках, краях и областях. Центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС. М.: 1981.

⁴ Временные методические указания по составлению перспективных схем развития туризма в республиках, краях и областях. Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий и туристских комплексов. М., 1982.

⁵ Ю.С. Путрик, В.В. Свешников. Разработка и использование перспективных схем развития туризма. М.: ЦРИБ "Турист", 1988. 63 с.

⁶ См., например: "Разработка перспективных схем развития туризма в республиках, краях и областях и задачи их совершенствования в XII пятилетке". Тезисы Всесоюзной научно-практической конференции 23-24 апреля 1987 г. М.: ЦРИБ "Турист", 1987. 142 с.

требования к разработке региональных целевых программ социально-экономического развития помогают увязывать базовые показатели туризма с программой более высокого ранга. Однако методическая сторона формирования многосложного туристского комплекса никем не регулируется и не координируется. Как результат, мы сегодня имеем десятки региональных и местных программ развития туризма, состав и структура которых может привести в изумление даже неискушенного в туризме человека.

Не вдаваясь в подробный анализ содержания и практического смысла таких программ (дабы не обижать их создателей, которые старались в меру своих сил и возможностей), заметим, например, что объемы таких произведений занимают от 5 страниц текста (из которых одна страница — титульный лист, а две страницы приходятся на Паспорт программы)⁷ до 300 и более страниц скучнейшего чтения с бесконечными перечнями памятников истории, археологии, архитектуры, искусства, музеев, описаниями природных и иных достопримечательностей и невнятными предложениями по перспективам туристского развития.

Безусловно, сегодня весьма ограниченное количество специалистов и организаций обладают достаточным опытом для подготовки качественных программ туристского развития. Актуальность выработки единых методических подходов весьма высока. Была бы весьма своевременна подготовка соответствующих методических рекомендаций по разработке и аспектам реализации программ туристского развития территории. Такая методика должна включать:

- общие принципы и подходы к планированию регионального туристского развития;
- принципы и методы анализа природного и историко-культурного потенциала (в т.ч. этнографические особенности, народные промыслы и др.);
- принципы и методы анализа современного состояния туристской сферы данной территории;

⁷ Нередко такие несколько страничек действительно называют Программой развития туризма, рапортуя об этом в инстанции, просят денег на реализацию пунктов плана. Но как только дело доходит до обоснований, то таковые не предоставляются. И дело опять же остается в подвешенном состоянии на уровне умозрительных заключений о том, “какой же все-таки перспективный наш город(район, местность). Жаль, только туристы к нам почему-то не едут и денег не везут”. См., например: *Путрик Ю.С.* О некоторых причинах недостаточных темпов продвижения российского туристского продукта // Труды Академии Туризма. Вып. 3. СПб.: Изд-во “Невский Фонд”, 2000. С. 77-82.

- состав и структуру маркетингового исследования;
- порядок составления концептуальных предложений (Концепции) формирования туристской структуры в регионе;
- порядок, последовательность и структуру подготовки программных предложений (конкретизирующих положения Концепции) по:
 - составу и структуре туристского потока (в т.ч. по видам и формам туризма);
 - функционально-планировочному зонированию территории и распределению в туристских зонах:
 - а) объектов размещения (гостиницы, турбазы, пансионаты, кемпинги и др.);
 - б) предприятий питания;
 - в) предприятия торговли;
 - г) предприятий оздоровления и развлечения;
 - д) характеристику профессий и объем рабочих мест;
- рекомендации и предложения по организационно-управленческим аспектам туристской деятельности;
- социально-экономические показатели и оценку социально-экономической эффективности реализации программных предложений с указанием ориентировочных потребностей в инвестициях и сроков их окупаемости, возможных источников финансирования, ожидаемых доходов и прибыли.

В ходе выполнения программы необходимо выполнить следующие виды работ:

1. Оценить потенциал туристского развития данной территории по следующим позициям:
 - историко-культурные и природные ресурсы;
 - существующую базу обслуживания туристов (объекты размещения, питания, торговли, развлечений, транспорт).
2. Найти “нишу” на российском и международном туристских рынках, которую может занять туристская структура региона ; дать рекомендации по выходу на эти рынки.
3. Выявить виды туризма, способные обеспечить устойчивое и рентабельное развитие туристской структуры.
4. Выделить на исследуемой территории зоны, где туризм станет приоритетной формой хозяйственной деятельности.

5. Предложить новую типологию супер- и инфраструктуры⁸ туризма, соответствующую потенциалу территории и международным тенденциям в этой области.
6. Представить перечень объектов туристской суперструктуры (размещения и питания) с данными по их вместимости и классности (по международной классификации).
7. Выделить этапы создания структуры туризма.
8. Дать основы деловой стратегии.
9. Представить характеристики экономической эффективности программы.
10. Дать характеристику профессий и объем рабочих мест, необходимых для функционирования туристской структуры.
11. Рассмотреть наиболее важные аспекты организационно-управленческой деятельности, создания нормативной базы и проблем безопасности.
12. Представить основы маркетинг-программы как фактора формирования и продвижения туристского продукта данного территориального образования на рынок.
13. Определить социально-экономическую эффективность от реализации программных предложений.

Понятно, что выполнение такого комплекса исследовательско-аналитических работ и предложений требует привлечения в состав разработчиков профессионально подготовленных специалистов и исполнителей: архитектора-планировщика (вопросы зонирования территории, реконструкции и реновации конкретных объектов), экономиста, маркетолога, географа и некоторых других. Руководитель и координатор всех работ должен обладать не только организаторскими способностями, но и глубокими знаниями в области организации процесса туристского обслуживания, знать технологии туроператорской деятельности.

Разработка программы туристского развития выполняется в определенной последовательности и в несколько этапов. Всего можно выделить 5 этапов:

⁸ Под "суперструктурой туризма" в туристской проектной практике принято понимать совокупность средств размещения туристов (гостиницы, мотели, турбазы и др.) и предприятий питания (кафе, ресторанов, баров, трактиров и т.д.) как фундаментальной основы структуры обслуживания туристов (обеспечивающей удовлетворение базовых потребностей туристов в ночлеге и питании), с учетом которых создаются все остальные составляющие туристской инфраструктуры (объекты торговли, развлечения, оздоровления, информационные центры и т.д.)

1. Сбор исходной информации (опрос местных организаторов туризма, статистические данные, ознакомление с планами развития территории, составление туристского паспорта территории⁹).
2. Анализ информационного массива с целью определения состояния туристской сферы и существующих тенденций ее развития, “узких мест” и конкурентных преимуществ.
3. Составление Концепции и прогноза туристского развития территории (виды и формы туризма, туристский поток, объемы обслуживания и др.).
4. Подготовка программных предложений по перспективам развития туризма.
5. Составление плана мероприятий в целях обеспечения выполнения программных предложений.

Первые два этапа составляют аналитическую часть работы, остальные три — конструктивно-проектную.

После выполнения этих этапов и утверждения итогового программного документа наступает период практической реализации программных предложений, начинающийся с бизнес-планирования отдельных объектов туристской суперструктуры.

Аналитическая часть работы включает:

- оценку существующего состояния всех компонентов туристкой структуры: объектов туристского обслуживания (гостиниц, предприятий питания и торговли, музеев), состояние транспортной сети; профиль работы местных предприятий;
- оценку потенциала туристского развития территории - историко-культурных и природных ресурсов и определение пропускного потенциала туристского региона;

⁹ Туристский паспорт территории представляет собой заполненный по специальным формам вспомогательный документ, отражающий, преимущественно в табличной форме, качественную и количественную характеристику основных параметров туристской структуры территории (статистические данные по объектам туризма, транспортным коммуникациям, существующим объемам обслуживания туристов и экскурсантов, туристского потенциала, мнения специалистов, данные по имеющимся проектам туристского освоения и др.). Составляется на начальном этапе работы над программой и используется в качестве одного из первичных источников информации для подготовки анализа состояния туристской сферы региона.

— оценку потенциального и существующего спроса на туристские услуги и, соответственно, перспективные категории туристов.

Конструктивно-проектный этап работы включает:

— выявление видов и форм туризма, способных обеспечить устойчивое и рентабельное развитие туристской структуры;

— выделение зон и центров, где туризм станет приоритетной формой хозяйственной деятельности;

— типологию супер- и инфраструктуры туризма, соответствующая потенциалу территории и международным тенденциям в этой области, а также модели перспективных объектов туристского обслуживания;

— создание оригинальной концепции перспективного туристского продукта;

— разработку стратегии создания туристской индустрии;

— подготовку перечня объектов туристской суперструктуры (размещения, питания, торговли) с данными по их вместимости и классности;

— определение пропорций туристской структуры и темпов ее развития;

— предложение конструкции системы туров, связывающих туристские зоны, с определением специфики их сценарных планов;

— определение организационно-финансовых и управленческих механизмов реализации программных предложений;

— схему продвижения туристского продукта (маркетинг);

— характеристику профессий и объем рабочих мест;

— определение экономических параметров и экономической эффективности программы.

Важными компонентами туристской программы развития региона являются планы конкретных мероприятий по итогам программного исследования¹⁰, а также графические и иллюстративные материалы (карты, схемы, диаграммы, графики).

¹⁰ Планы конкретных мероприятий подготавливаются в виде Программы мер или Перечня мероприятий по основным блокам формирования будущей туристской структуры: рекламно-информационному, инфраструктурному (материальная база), технологическому (формирование турпродукта), организационно-управленческому, кадровому и др. Утвержденные в установленном порядке планы таких мероприятий с указанием сроков их выполнения, объемов и источников финансирования, ответственных юридических или физических лиц являются вполне осязаемым и контролируемым средством и механизмом реализации программных предложений, служат непосредственным руководством к действию для исполнительных органов власти.

В настоящей статье приведены и продемонстрированы некоторые принципиальные подходы к созданию региональных программ развития туризма, основанные на многолетнем опыте работы сектора. В дальнейшем серьезных методических обоснований и постоянного совершенствования требуют методы и подходы к решению проблем проработки конкретных разделов и блоков программных туристских разработок.

Сектор оказывает консультационное и методическое содействие учреждениям культуры, туристским организациям, предприятиям и местным органам власти по вопросам развития туризма и по самому широкому кругу вопросов — правовым аспектам, экономике, прогнозированию туристской сферы, организации туристского комплекса, формированию туристского кадрового корпуса и правильному применению современных туристских технологий в практике совместной работы учреждений культуры и туристских организаций. Новые технологии позволяют участникам рынка использовать интересные решения и инструменты в плане развития, улучшения методов управления и маркетинга туристских потоков на объектах культурного наследия, в городах и местностях, богатых историческими памятниками.

ЛАВРЕНОВА О.А.,

к.г.н., заведующий сектором

СЕКТОР ГЕОГРАФИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Деятельность Сектора географии культуры и искусства ведется в русле исследований научной школы “Методологические и теоретические основы изучения, охраны и использования объектов культурного и природного наследия”. Руководителем школы и директором Института Наследия Ю.А. Ведениным разработаны основные понятия ноосферной концепции культурного ландшафта как фундаментальной категории, определяющей единство культуры и природы, наследия и современных культурных процессов. Особое внимание в этой концепции уделяется роли информации культурного генезиса в формировании, сохранении и развитии культурной и природной среды обитания.

Работа Сектора географии культуры и искусства ведется на базе основополагающих концепций научной школы, основанной и руководимой Ю.А. Ведениным.

Основной целью работы сектора является исследование в рамках концепции теоретических и методологических проблем изучения культурного ландшафта и его информационной составляющей, теоретических и методологических положений географии культуры и искусства, структуры и динамики культурного ландшафта России.

Сектор географии культуры и искусства сравнительно молодой. Он был создан в 1998 г. До 1998 г. сходной проблематикой занимался Сектор теоретических и методологических проблем охраны и использования наследия. С начала существования этого сектора им руководил Ю.А. Веденин, им и был обозначен основной круг проблем, связанный с разработкой теоретических и методологических подходов к изучению информационной компоненты культурного ландшафта. Позднее сектор возглавил д.ф.н. А.Л. Доброхотов, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ. Соответственно, работа сектора приобрела культурологическое направление в разработке теоретических и методологических проблем изучения наследия. В этом направлении в составе сектора работали такие видные ученые, как Г.С. Кнабе, И.С. Свенцицкая, В.Ю. Проскурина, Б.В. Межуев, В.Н. Калганов. Результатом работы Группы

античного наследия под руководством Г.С. Кнабе стала монография “Античное наследие в культуре России”, изданная Институтом в 1996 г.

В.Н. Калгановым на высоком теоретическом уровне разрабатывались проблемы музеефикации культуры. В рамках работы сектора также были выпущены монографии О.А. Лавреновой “Географическое пространство в русской поэзии XVIII - начала XX вв. (геокультурный аспект)” и Р.Ф. Туровского “Культурные ландшафты России”.

Позднее, в процессе реорганизации Института, было принято решение особое внимание уделить вопросам географии культуры и искусства и создать для этого отдельное структурное подразделение.

В настоящее время сектор географии культуры и искусства под руководством к.г.н. О.А. Лавреновой работает над темой “Культурный ландшафт России: структура, семантика, региональная самоидентификация”. Основные направления работы:

- семантический анализ представлений о географическом пространстве, отраженных в произведениях искусства и являющихся неотъемлемой частью культурного ландшафта;
- географические образы как информационная составляющая культурного ландшафта;
- региональная самоидентификация жителей России;
- подходы к культурному районированию России;
- география искусства.

Современный этап развития географии культуры характеризуется особым вниманием к духовной культуре, поэтому исследование семантики культурного ландшафта чрезвычайно актуально. В разнонаправленных исследованиях культуры как географической реальности все большее значение приобретают созданные культурой смыслы географического пространства и ландшафта. Таким образом, культура заново структурирует пространство своего обитания. Представления о среде превращаются в знаковую систему и становятся неотъемлемой частью культурного ландшафта, который рассматривается как целостная территориально локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений.

Изучение культурного ландшафта как знаковой системы позволяет поднять на более высокий теоретический уровень исследования по региональной самоидентификации, структуре и динамике культурно-географи-

ческих взаимодействий и различий. Исследования смысловых и ценностных нюансов осмысления географического пространства и отдельных его локусов имеют огромное воспитательное значение, их результаты могут быть использованы в средней и высшей школе. Географическое пространство естественным образом включается в семиосферу — семиотическое пространство культуры. Культурный ландшафт может рассматриваться как составляющая семиосферы и семиотическая система, в которой информация о геообъектах имеет знаковый характер. В результате научных исследований сотрудниками сектора в первом приближении разработана концепция культурного ландшафта как знаковой системы; методы семиотического анализа культурного ландшафта; доказана возможность применения методов исследования гуманитарных наук в географии культуры и их эффективность при изучении культурного ландшафта.

Особое внимание в работе сектора уделяется проблематике географии искусства. Выпускается периодическое издание — сборник “География искусства”. В этом междисциплинарном сборнике участвуют географы, искусствоведы, литературоведы. Сборник посвящен не только собственно географии искусства — закономерностям распределения по земной поверхности артефактов и памятников, но также теоретическим и методологическим проблемам изучения отражения географического пространства в искусстве как неотъемлемой части культурного ландшафта. Выявляются особенности формирования географических представлений и образов в произведениях отдельных писателей, художников, музыкантов. В 2002 г. кандидатом искусствоведения Т.В. Левиной был составлен и издан третий выпуск упомянутого сборника.

Для дальнейших исследований в области культурного ландшафта важно также выявить пути формирования и теоретические источники культурной географии, определить основные темы и направления культурной географии, ее методологические подходы. Результаты исследований теоретических основ и путей развития культурной географии, основанных на анализе зарубежных и отечественных работ по культурной географии, культурологии, этнографии, антропологии, географии человека, антропогеографии представлены в коллективной монографии под редакцией Ю.А. Веденина и Р.Ф. Туровского “Культурная география”, изданной Институтом Наследия в 2001 г.

Чрезвычайный интерес научного сообщества к проблематике теоретических и методологических вопросов культурной географии, а также при-

кладных исследований в этой области побудил сотрудника сектора, докторанта Института географии Д.Н. Замятина разработать проект периодического издания — научного журнала “Культурная география”. Пилотный номер этого журнала подготовлен в 2001 г. Цель создания журнала “Культурная география” — концентрация исследований и работ по культурной и гуманитарной географии, гуманитарным и культурологическим подходам в географии, теоретическим и методологическим основам культурного ландшафта. Создание такого журнала рассматривается как начальная фаза государственной и общественной институционализации нового научного направления, и введения его в систему поддержки государственной культурной и региональной политики субъектов Российской Федерации.

Культурная география, в рамках которой происходят исследования культурного ландшафта — междисциплинарное научное направление, которое исследует структуры и динамику различных культурно-, гуманитарно- и ментально-географических пространств и ландшафтов, а также культурно- и гуманитарно-географические образы. В культурной географии изучаются как культурно-географические пространства и образы, создаваемые в произведениях литературы и искусства, так и культурно-географические образы реальных местностей, стран и регионов, продуцируемые или выявляемые определенным исследователем.

Культурная география в нашей стране стала одним из важнейших научных направлений. При этом ключевые культурно-географические исследования прямо связаны с проблематикой сохранения и развития культурного и природного наследия России, с решением теоретических и практических задач сохранения исторических и архитектурных памятников, культурных и природных ландшафтов в различных регионах России. Эти исследования имеют большое значение для формирования основ региональной культурной политики России и управления культурными процессами в российских регионах. Дальнейшую разработку научного направления культурной географии и, в частности, исследований культурного ландшафта надо начинать с формирования надлежащей системы периодических публикаций в этой области, призванной дать объективную и полную картину масштабов и содержательного развития направления, что и предполагается сделать в ближайшем будущем.

В рамках сектора ведется работа по изучению культурной идентичности Европейской России. Докторантом Института географии М.П. Крыловым

изучены различные формы организации геопространства России. Рассмотрена специфика и социальная эффективность культурных регионов разного ранга — “стран” и “ячеек”, соотношение понятий “культурный регион” и “цивилизация”, “культурный регион” и “местное самосознание”. Сделан вывод о “нормальности” геокультурного пространства России, при использовании универсального культурного эталона региональной идентичности, восходящей к Древнему Риму. Подготовлена система индикаторов для доказательной характеристики региональной идентичности. Также было выявлено, что региональная идентичность в настоящее время является прежде всего феноменом культурного ряда “традиции” — одной из важнейших констант культуры, определяющих сохранение самобытности России и устойчивости ее культурного ландшафта. В то же время региональное самоопределение носит в основном черты не индивидуального свободного выбора, а вынужденно-коллективного приспособления (адаптации) к современным условиям управления, политики, экономики. Наблюдение над разнообразными процессами современной Европейской России позволяет предположить сосуществование на ее территории по крайней мере двух моделей региональной идентичности — “имперской” и субэтнической.

Сектором ежемесячно проводятся заседания междисциплинарного семинара по культурной географии и геокультурологии (руководитель семинара — Д.Н. Замятин). В качестве докладчиков выступают географы, культурологи, эссеисты, архитекторы, художники, психологи.

ПИСКОППЕЛЬ А.А.,

д.филол.н.

РОКИТЯНСКИЙ В.Р.,

ЩЕДРОВИЦКИЙ Л.П.,

к.псих.н., заведующий сектором

СЕКТОР ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ: ФОРМАЛЬНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ

История возникновения и состав

Сектор теоретико-методологических проблем наследия был создан при реорганизации структуры Института в 1999 году. Его ядро составила методологическая группа Центра этносоциальных исследований (возглавляемого Э.А. Чамоковой), образовавшаяся в 1993-94 гг. (в составе пяти человек: Иванова Е.Л., Львова Г.Б., Пископпель А.А., Рокитянский В.Р., Щедровицкий Л.П.). К этому ядру присоединились еще два человека — И.В. Кондаков и М.В. Рац.

В настоящее время в Секторе работают 5 человек:

— *И.В. Кондаков* — ведущий научный сотрудник, доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор

— *Е.Л. Иванова* — старший научный сотрудник

— *А.А. Пископпель* — ведущий научный сотрудник, доктор философских наук, кандидат психологических наук

— *В.Р. Рокитянский* — старший научный сотрудник

— *Л.П. Щедровицкий* — заведующий сектором, кандидат психологических наук.

Основные организационные формы и направления деятельности

Рабочий методологический семинар

Специфику деятельности сектора теоретико-методологических проблем в значительной мере определяет работа перманентного многоцелевого проблемного семинара, организованного методологической группой Центра

этносоциальных исследований в 1994 г. Без преувеличения можно сказать, что семинар стал если не основным, то одним из основных *механизмов* научно-практической деятельности сектора. Организация и поддержание непрерывной работы семинара в течение многих лет преследовали достижение несколько связанных между собой целей:

1. Прежде всего — объединить и направить работу сотрудников сектора. Функционирование семинара стало формой коллективного мышления его участников, позволяющей, с одной стороны, выработать предметно-тематическую направленность работы сектора, программировать и планировать научно-исследовательскую деятельность как сектора в целом, так и его отдельных сотрудников, а с другой — непрерывно корректировать и интегрировать результаты их индивидуальных научно-практических усилий. Такой семинар, представляя собой непрерывный дискурс, способствует росту взаимопонимания между сотрудниками и, являясь действенным способом научной коммуникации, позволяет в рабочем порядке обмениваться результатами индивидуальной деятельности, способствует формированию общего понятийно-мыслительного пространства.

2. Другой важнейшей целью работы семинара является формирование и поддержание самого коллектива сектора в качестве субъекта научно-практической деятельности, объединенного как общей программой и общими коммуникативно-мыслительными средствами и способами работы, так и личными связями и отношениями.

3. Необходимой, хотя и относительно самостоятельной стороной такого «коллективообразования» является определение места каждого участника коллективной работы как в ней самой, так и в рамках коллектива. Поэтому работа семинара преследует цель всемерно способствовать профессиональному самоопределению его участников, сознательной выработке их позиций как в общем пространстве коллективной работы, так и применительно к каждой из обсуждаемых на семинаре проблем. Такое самоопределение выступает в качестве средства оргуправления деятельностью сектора, позволяющего формировать индивидуальную предметно-тематическую направленность работы участников не только на основе профессиональной компетенции, но и в соответствии с их склонностями и исследовательскими интересами.

4. Необходимой предпосылкой эффективного самоопределения является овладение техникой многопозиционного мышления, ее оспособление в

качестве коммуникативно-мыслительного средства коллективного взаимодействия в дискурсивном пространстве работы семинара. Такое оспособление, выступая в качестве условия профессионального и личностного роста, также является одной из целей работы методологического семинара.

5. Наконец, работа семинара преследует цель повышения общего и профессионального уровня работы каждого из его участников. Вынесение на коллективное обсуждение хода и результатов индивидуальной работы способствует, с одной стороны, выявлению наиболее слабых мест в исследовательской позиции, основаниях, принятых способах работы и полученных на этой основе результатах, а с другой, позволяет отразектировать неявные предпосылки проделанной работы и явные недостатки объективизации ее содержания для научного сообщества, пересмотреть те или иные авторские идеи или развернуть аргументацию, направленную на их защиту и обоснование.

Возможность и приемлемость преследования методологическим семинаром подобных целей, реальное их влияние на ход и результаты его работы в значительной степени обусловлены самим его характером как семинара *проблемного*. Применительно к собственно процессам целеполагания это обеспечивается за счет механизма перманентной проблематизации самих целевых установок семинарской работы, которые являются предметом обсуждения его участников в течение всех лет работы и одним из необходимых условий его функционирования в качестве проблемно-ориентированного. Такие периодические обсуждения целей и возможных результатов семинарской работы, стимулируя рефлексивные процессы, способствуют взаимопониманию, корректируют самоопределение участников, повышают ее эффективность.

Подобное рефлексивное замыкание коллективных форм работы на себя — самое необходимое, но явно недостаточное условие поддержания функционирования семинара в качестве проблемного. Главным же и определяющим в такой работе является смещение интересов участников с предметно-определенных задач их научно-практической деятельности на проблемные ее стороны. В результате этого, основным полем семинарского дискурса становится не столько обсуждение эпистемологических содержаний предметно-тематической работы участников (т.е. научно-практических, предметно-ориентированных *знаний*), сколько сами *средства и способы* их научно-теоретической и научно-практической деятельности. Именно обращенность работы семинара к процессам выработки и употребления понятий-

но-мыслительных средств научной деятельности и придает семинару методологический, т.е. поли- и мета-предметный характер.

Вместе с тем, проблемная, теоретико-методологическая ориентация не отменяла и не заменяла наличие у методологического семинара вполне определенных предметно-тематических рамок. В соответствии с общей научно-практической программой исследований Института культурного и природного наследия такими общими семинарскими рамками были: на первом этапе существования методологической группы в составе Центра этносоциальных исследований (1994-1998) — тематическая рамка “Этнос как наследие”, а на втором, современном этапе — “Наследие как система”. Причем, этнокультурная тематика, уступив центральное место разработке тематики “наследия и наследства”, осталась в качестве и на правах одного из интегративных предметных тематизмов работы семинара и сектора, обеспечивая необходимую преемственность в его работе.

Таковыми тематизмами, предметно оформляющими работу семинара по ряду связанных, но все же самостоятельных направлений, в разные годы были: “этнокогнитология и этническая идентификация”, “этнос и этногенез”, “этничность и диаспоральность”, “общая и этническая конфликтология”, “традиционализм и традиционность”, “традиции и образование”, “живая культура и фольклор”, “системный подход к культуре”, “культурология и культуротехника”, “наследие и наследство”, “интеллектуальное наследие и информационные технологии”.

Постоянными участниками семинара являлись сначала сотрудники Центра этносоциальных исследований, а затем сектора. В последние годы он проводится совместно с Сектором прикладных исследований традиционной культуры. В качестве открытого семинара он предоставляет возможность для участия в дискурсе как сотрудникам Института, так и приглашенным специалистам. Активное участие в его работе принимают также студенты-культурологи.

Открытый характер семинарской работы, состав постоянных и приглашенных его участников обусловили необходимость работы семинара в нескольких режимах.

Основным его режимом является режим *проблемного методологического семинара*. Этот режим поддерживается в формате циклов докладов-обсуждений (т.е. обсуждение осуществляется в ходе самого доклада и совмещено с ним), осуществляемых как правило участниками семинара с

двумя организационно-фиксированными позициями (“докладчика” и “председателя”) и множеством возможных коммуникативно-мыслительных позиций для участников свободной дискуссии, рефлексивно выделяемых и фиксируемых в процессе самого доклада-обсуждения.

В этом формате рабочий такт (и темп) доклада-обсуждения определяются самим докладчиком; это изложение “смыслового куска” доклада и его обсуждение. Смысл подобного доклада-обсуждения состоит не столько в том, чтобы в процессе коммуникации передать слушателям некоторое содержание (предметное знание), сколько в обсуждении априорных предпосылок рассуждений докладчика и участников семинара, их позиций в обсуждении, используемых концептуальных средств, предлагаемых оснований для тех или иных суждений и т.п. Для подобного дискурса предметная тема доклада является лишь необходимой основой, связующим звеном между коммуникативно-мыслительным пространством, создаваемым коллективным мышлением семинара и полипредметным теоретико-методологическим пространством современной науки. Работа в этом формате требует от участников и позволяет им осваивать приемы и способы позиционирования, рефлексии, схематизации и объективации и т.п. средства современного теоретико-методологического мышления.

Другим, облегченным, режимом работы семинара является режим *проблемно-учебный*. Облегченность этого режима связана с уменьшением прессинга коллективного обсуждения и, тем самым, с увеличением коммуникативно-информационной составляющей в семинарской работе. Этот режим способствует включению в работу семинара новых членов. Поскольку обсуждение имеет характер свободной дискуссии, степень активности участников дискуссии (в отличие от “докладчика” и “председателя”) зависит лишь от них самих и является результатом самоопределения.

Еще одним вариантом режима работы семинара является режим “*круглого стола*”, в котором совмещаются черты ранее названных режимов. Этот режим более определенно предметно ориентирован и осуществляется с привлечением заинтересованных специалистов “со стороны”. Как правило, такой “круглый стол” состоит из ряда отдельных заседаний, включает ряд мини-докладов-обсуждений, которые ведут участники в определенном (“председателем”) порядке¹.

¹ В качестве примера наиболее развернутых, многоэтапных “круглых столов”, проведенных в рамках проблемного методологического семинара, можно отметить два: “Этничность и диаспоральность” (См. Этнометодология. Вып.3. М., 1997) и “Многообразие традиций и единство образовательного пространства” (См. Этнометодология. Вып.6. М., 1999).

Рабочий методологический семинар вносит свой специфический вклад в общий итоговый продукт работы сектора теоретико-методологических проблем. На его заседаниях проходят апробацию и разворачиваются те предметно-тематические идеи и представления, которые разрабатываются сотрудниками сектора в соответствии с текущими планами научно-практической работы².

Работа семинара фиксируется аудиозаписью и становится частью аудиобиблиотеки семинара, предоставляющей возможность для последующего прослушивания, рефлексии и дальнейшего использования. В частности, результатами работы “круглых столов” стали публикации, подготовленные на основе аудиозаписей.

Методологическое наследие

Архивная база данных “Наследие ММК”

Совершающаяся на наших глазах информационная революция, имеющая результатом появление мощнейших цифровых технологий, бросает вызов всем сферам общественной жизнедеятельности, и в том числе сфере культурного наследия. Причем, речь идет не об отдельных функциональных составляющих этой сферы, а обо всех ее составляющих — о сфере в целом. Ведь все основные функциональные “блоки” культуры — хранение культурных норм и образцов, их систематизация и трансляция (в том числе через образование), а также порождение новых норм и образцов — будут неминуемо вовлечены в свою орбиту информационной революции³.

Появление компьютеризированных средств обработки, хранения и передачи информации оказывает влияние и на сугубо содержательные —

² Результаты этой работы в основном публикуются в периодическом сборнике работ “Этнометодология: проблемы, подходы, концепции” (1994-2001 гг.; Вып. 1-7)

³ Ответ на этот вызов зависит от выбора в рамках оппозиции “естественное — искусственное”: либо новые технологии в своем “победоносном” шествии естественно захватят — “оккупируют” — сферу культуры, либо сфера культурного наследия найдет силы искусственно управлять перестройкой сферы, т.е. осуществлять развитие с опорой на новые технологии.

интеллектуально-коммуникационные — процессы, казалось бы, далекие от сферы компьютерных технологий, открывая перед ними новые возможности и обеспечивая их поддержку путем открытия доступа “здесь и теперь” к информации в невиданном прежде объеме.

Однако такой доступ к информации не появляется сам собой — он представляет собой результат направленных усилий по превращению стихийно сложившейся разносторонней и разнообразной информационной основы жизнедеятельности общества в его структурированную и организованную *инфосреду*. Одним из направлений таких усилий является разработка разнообразных баз данных и знаний как средства превращения тех или иных информационных массивов, сложившихся до, вне и помимо современных информационных технологий, в органический элемент общественной инфосреды. Речь идет, прежде всего, о современных формах архивной работы, позволяющих включить в современный культурный оборот новые информационные массивы — как недоступные в недавнем прошлом, так и не востребовавшиеся по тем или иным случайным (для их интеллектуального содержания) причинам и основаниям.

Конечно, приоритетными в этом плане являются архивы выдающихся деятелей культуры или ассоциаций, оставивших заметный след в истории интеллектуальной культуры; ввод таких архивов в культурный оборот превращает их в ресурс дальнейшего культурного развития.

Ниже речь пойдет о нашем опыте реализации проекта превращения в такой ресурс архива Г.П. Щедровицкого и его школы.

Георгий Петрович Щедровицкий (1929-1994), человек выдающегося интеллекта и не менее выдающихся целеустремленности и работоспособности, в течение более сорока лет неутомимо трудился, разрабатывая средства мышления и деятельности, намечая новые пути в сфере философии и методологии. Не только конечные результаты его труда, но и *пути*, которыми он двигался, *следы* его собственных мышления и деятельности — *мыслительности*, как предпочитал выражаться он сам — представляют несомненную ценность для всех, кто хочет отдавать себе отчет в том, как, какими средствами он мыслит и действует, и стремится к совершенствованию своих средств, или, иначе говоря, представляют несомненную ценность для культуры, прежде всего, культуры мысли, мышления в его различных проявлениях.

Творчество Г.П. Щедровицкого неразрывно связано с Московским методологическим кружком (ММК), создателем и неизменным лидером которого он был на протяжении более тридцати лет⁴. Чтобы охарактеризовать место и значение ММК в мировой и отечественной культуре, понадобится время, и без специальных аналитических сопоставительных исследований здесь, конечно, не обойтись. Но уже сейчас можно утверждать, что ММК разработал корпус совершенно новых представлений — научных, методологических, философских, — которые поставили его в совершенно особую позицию внутри современной культуры⁵.

Работу Г.П.Щедровицкого и ММК отличали ее необычайная интенсивность (до 3-4 семинаров в неделю плюс многие часы подготовительной и пострефлексивной работы), а также предметное и формально-жанровое разнообразие продуктов этой работы.

Сам Г.П.Щедровицкий прекрасно сознавал важность слежения за мыслью в ее самодвижении, в действии и коммуникации и потому стремился к максимально полной фиксации этого движения. Но лишь немногое из фиксированного и лишь то, что получило законченное выражение в канонизированной научным сообществом форме статей, было опубликовано при его жизни. Остальное так и осталось в архиве — в виде различного рода текстов, организованных для целей никогда не прекращавшейся мыследеятельности и связанных между собою многомерной сетью рефлексивных связей.

Архив включает в себя тексты лекций, докладов на семинарах и их обсуждений, неопубликованных статей и монографий, подготовительных материалов к ним, а также многочисленных заметок, которые Г.П.Щедровицкий делал почти каждый день. Кроме того, сохранилась часть, к сожалению, очень небольшая — исходных аудиозаписей.

Значительная часть материалов носит принципиально коллективный характер, отражающий основное содержание жизни ММК — *коллективную мыследеятельность*. Это уже упомянутые обсуждения, а также

⁴ О деятельности Г.П. Щедровицкого в качестве руководителя Московского методологического кружка (ММК) см., например: Пископнель А.А. К творческой биографии Г.П. Щедровицкого (1929-1994) // Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. М., 1995. С. XIII-XXXVII.

⁵ Краткую характеристику пути, пройденного ММК, и полученных на этом пути результатов см. в статье: Пископнель А.А. Наука, мышление и знание в СМД-методологии // Этнометодология. Вып. 5. М., 1998.

записи особого рода мероприятий, впервые возникших и культивированных в ММК — организационно-деятельностных игр (ОДИ).

В настоящее время нельзя, к сожалению, говорить об архиве ММК как об одном целом: он рассредоточен в разных местах и у разных людей. Однако большая, можно сказать — основная, его часть для нас доступна, и эта часть в первом приближении описана. Опись содержит более 4000 условных единиц хранения — пронумерованных папок разного объема (содержащих от 1-2 до 300 и более страниц).

Работа по созданию архивной базы данных “Наследие ММК” и должна решить две, как минимум, насущные задачи: во-первых, свести разрозненные части архива в единое целое, а во-вторых, объединить, синтезировать в составе единого рабочего инструмента как уже опубликованное, так и еще не опубликованное, в том числе и те материалы, печатная публикация которых, возможно, и не будет никогда признана целесообразной.

С самого начала мы исходили из идеи *перманентного поэтапного* развертывания архива (в соответствии с наличными временными и финансовыми ресурсами) и различали при этом *два направления* работы:

— создание и развертывание “библиотеки” архива

— компьютеризация архива как такового

В отношении первого направления можно говорить о трех этапах, или фазах, проекта.

Специфику первой фазы (она закончилась в 1997 г.) определяло отсутствие в широком пользовательском употреблении стандартных программных приложений, позволяющих с опорой на них конструировать нужную нам архивную базу данных. Поэтому первые версии архива “Наследие ММК” разрабатывались как бы “с нуля” — писались *оригинальные* программы в среде Borland C ++.

На этой фазе были определены основные “входы” и приняты решения относительно интерфейса пользователя. Текстовый массив был весьма небольшим — весь архив умещался на двух дискетах.

Вторая фаза разработки (1998) была связана с широким распространением приложений Microsoft Office, а именно, Access и нового Word. Это позволило, во-первых, осуществить перепрограммирование оболочки архива под *стандартную* базу данных, а во-вторых, сделать рутинными операции по внутренней организации текстового пространства с помощью *гиперссылок*.

Тем самым, по существу, стала возможной организация самим пользователем на его персональном компьютере *персональной компьютеризированной библиотеки-архива*, включающей в себя как предоставляемый нами архив ММК, так и личные материалы пользователя, — и все это увязано в единое инструментально организованное целое системой гиперссылок.

Суть того запроса, ответом на который должна стать такая информационная система, состоит в том, что у человека, ведущего активную мыслительную и исследовательскую деятельность, в работу может быть вовлечена самая разнообразная текстовая и иная информация — чужие тексты, свои тексты, тексты опубликованные и неопубликованные, завершённые и находящиеся в процессе создания. Все это образует единый массив библиотеки-архива и должно быть сохраняемо, организуемо и реорганизуемо, вызываемо, репродуцируемо, редактируемо и т.д. Пользователь сам, на своем “рабочем столе”, изменяет состав и организацию этого информационного массива.

Архив в новой версии, хотя текстовый массив и был значительно увеличен, по-прежнему умещался на нескольких дискетах.

Следующая, третья, фаза (1999-2001) — это оцифровка и включение в архивную базу данных аудио- и видео- материалов, а также значительное — на порядок — увеличение массива текстовых файлов.

В итоге, эта фаза знаменовала собой переход к CD-версиям архива.

По состоянию на конец 2001 г. “базовая” версия библиотеки содержит:

258 текстов в формате Microsoft Word (85 МБ)

Глоссарий, включающий 30 статей

Предметный каталог

Фото-архив, включающий около 80 фотографий (7,5 МБ)

Аудио-архив (180 МБ)

Видео-архив (259 МБ).

Общий объем библиотеки — 538 МБ.

Что касается компьютеризации архива в целом, то в настоящее время идет *тотальное* сканирование (графическая оцифровка) бумажных материалов и поиск оргструктур для тотальной же оцифровки аудио-записей. А на следующем этапе планируется перевод графических файлов в формат текстовых файлов.

Издания в рамках проекта "Архив ММК"

Поскольку печатные — "бумажные" — публикации не потеряли своей актуальности, в секторе значительное внимание уделяется и издательской деятельности.

К настоящее время в рамках проекта "Архив ММК" изданы:

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.

Щедровицкий Г.П. Онтология и онтологическая работа // Из архива Г.П. Щедровицкого // Вопросы методологии, 1996, № 3-4.

Щедровицкий Г.П. Философия - Наука - Методология. М., 1997.

Щедровицкий Г.П. Программирование научных исследований и разработок // Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 1. М., 1999.

Щедровицкий Г.П. Начала системно-структурного исследования взаимоотношений в малых группах // Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 3. М., 1999.

Щедровицкий Г.П. Организация - Руководство - Управление (1) // Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 4. М., 2000.

Щедровицкий Г.П. "Я всегда был идеалистом..." М., 2001.

Ежегодник "Этнометодология"

Ежегодник "Этнометодология" начал свое существование в 1994 году в качестве сборника публикаций сотрудников Центра этносоциальных исследований, посвященных, как писали редакторы-составители в предисловии к первому выпуску, "дискуссионным вопросам концептуализации этнических явлений, анализу и разработке понятийного аппарата научно-практического усвоения и освоения этнической реальности в ее психологическом, культурном и социологическом измерениях". При этом там же пояснялось, что в отличие от того "внутрипредметного" смысла, который вкладывается в название "этнометодология" в современной социологии (сравнительное исследование глубинных структур обыденных побуждений и поступков людей, принадлежащих разным этническим общностям), в новом издании и принятой его составителями интерпретации "этнометодологическими оказываются собственно *метапредметные* работы теорети-

ко-методологического характера, выполняющие роль критики и обоснования, нормирования и программирования, оценки и регулирования широкого круга междисциплинарных, прежде всего теоретических, исследований и разработок, посвященных феномену этнического в общественной жизни". К моменту написания настоящей статьи (январь 2002 г.) вышло в свет семь выпусков и подготовлен к изданию восьмой — достаточное количество, чтобы говорить об определенившемся облике этого продолжающегося издания. В целом можно сказать, что при значительном жанровом и тематическом разнообразии публикаций исходные, сформулированные уже в первом выпуске установки остались неизменными — как в отношении метапредметно-методологической ориентации, так и в отношении преимущественного внимания к этнической (в широком, разумеется, смысле) проблематике.

Последовательное знакомство со всеми восемью выпусками "Этнометодологии" позволяет составить представление о сквозных тематических линиях работы сектора теоретико-методологических проблем, в совокупности и определяющих содержательный образ ежегодника. Вот эти линии.

Сопоставительно-критический анализ принципов и практики современной этнологии и этнографии, преимущественно отечественной.

Эта линия реализована, прежде всего, в серии статей Л.П. Щедровицкого и др. под общим названием "Парадоксы и курьезы отечественной этнологической мысли" (выпуски 1, 2, 3), где был проведен критический концептуальный анализ (как ретроспективный, так и перспективный) методологии и основных понятий этнологии, развитых в ряде отечественных концепций этноса и этногенеза. В частности, такой анализ был проведен в отношении бромлеевской "теории этноса", концепции С.А. Арутюнова "Информационные связи как основа этнического бытия", представлений С.В. Чешко о соотношении "человека и этничности" и т.п. В статьях С.В. Соколовского (все выпуски) проводился обзор критики состояния советской и российской этнологии, сравнение различных подходов к исследованию этничности на примере проблемы меньшинств; демонстрировалось, как советская теория этноса выполняет роль теоретического основания и структурирует современную политическую практику в области межнациональных отношений, тем самым порождая реальность, которую она была призвана описывать; критически оценивался сложившийся в отечественной

этнографии жанр научной статьи и зависимость стиля от сложившегося распределения власти в академическом сообществе (процедуры легитимизации этнонимов, власть номинации и др.). В этом контексте рассматривались проблемы применимости концепций западной политологии и социологии для анализа положения уязвимых групп в пост-тоталитарных государствах, определения бенефициантов международно-правовых и государственных законодательств, направленных на защиту меньшинств; проблемы самоопределения и суверенитета в связи с требованиями меньшинств в области культуры, языка, экономики и политики; предлагалась типологизация меньшинств и социокультурных и политических контекстов, в которых они существуют. Обсуждалась эволюция представлений о нации, гражданстве и этничности, трансформации идентичности, связанные с восприятием пространства и времени, вызванные распадом СССР.

Попытки прямых концептуализаций феноменов этнического.

В частности, в статье В.Р. Рокитянского (“Этническое как проект”, вып. 2) обсуждались возможности социопроектного подхода к этническому, в частности, путем использования теокультурной парадигмы “свободного единства в истине” и ее последовательной коррекции с учетом требования реализуемости. За счет чего “этнопроект” интерпретировался как продукт экспансии таких начал микросоциальной интеграции, как дело, семья и конфессия.

На основе истолкования “этнического” в качестве общественного идеала анализировались логические и исторические предпосылки рассмотрения “этнического как проекта”. В статьях А.А. Пископбеля (“Этничность и “внутренняя природа” человека” — вып. 5, “Осевая реальность этнического пространства” — вып. 7) было введено различие субэтнического и надэтнического подпространств этнической реальности, и надэтническое подпространство предложено рассматривать в качестве осевой реальности самого этнического пространства. В таком различении субэтническое пространство отождествлялось с пространством реализации культурно-почвеннических ценностей, а надэтническое — ценностей культурно-цивилизационных. Демонстрировалось, что рассмотрение взаимоотношения таких подпространств через призму категорий естественного/искусственного позволяет артифицировать возникающие здесь проблемы как усилия, направленные на создание таких связей и отношений между ними, которые обеспечивали бы диссоциацию цивилизационных и почвеннических

ценностей и потребностей и “возгонку” первых в осевую реальность этнического пространства. Рассматривалась проблема связи *этнической идентификации* с глубинными личностными структурами, с так называемой “внутренней природой” человека. В частности, анализировались взгляды на внутреннюю природу, развитые в “гуманистической психологии”, и сравнивался концептуальный потенциал, с одной стороны, *этического натурализма*, а с другой — идей *культурно-этнического импринтинга*.

Проблематика межэтнического конфликта и, шире, конфликта вообще.

Об этом — статья С.В. Соколовского “Этническое насилие: структуры теоретического дискурса” в первом выпуске. В отношении феномена этнического насилия проведен аналитический обзор концепций и методов зарубежных ученых.

В первых статьях своего конфликтологического цикла (выпуски 1, 2) А.А. Пископшель начинает с анализа понятия конфликта вообще с тем, чтобы позднее применить результаты этого анализа к межэтническим конфликтам (вып. 8). Этот цикл работ связывает конфликтологическую проблематику с этнической. В ее рамках, прежде всего уточнялось понятие “конфликт” путем ограничения его содержания от содержания других понятий, описывающих различные виды социального действия, строилась классификация многообразия социальных действий. Анализировались бытующие представления о сути и причинах конфликтов, а на основе их критики выделялись базальные структурно-функциональные элементы социального действия/взаимодействия и строились схемы (модели) взаимодействий (механического и социального), в том числе и конфликтного. В этих работах развит и аргументирован такой взгляд на конфликты, согласно которому их причиной является дивергентность “парадигматик” исходных действий/взаимодействий (оргдеятельностная модель). Рассмотрены условия применимости оргдеятельностной модели конфликта и стратегия “парадигматической релятивизации” конфликтного пространства, возможной там, где в основе происходящего социального противодействия конфликтующие стороны усматривают фундаментальные духовные, теоэтнонациональные ценности, выступающие в качестве абсолютных и непреложных.

От выпуска к выпуску, в разных контекстах и поворотах все больше на передний план выступает проблематика сопряжения в культуре установок сберегающей, экологической, с одной стороны, и креативной, проектной, с другой.

Этот круг проблем в публикуемых обсуждениях “за круглым столом” (вып. 3 и 6), в статьях 4-го выпуска — Е.Л. Ивановой, где обсуждается проблема типологии культурного наследия (основой которой стала бы типология отношений различных социальных субъектов к наследию) и места “этнического” в ней, и В.Р. Рокитянского, где демонстрировалось, что, следуя пути, намеченному мыслью Н.Ф. Федорова и некоторых других отечественных философов, можно прийти к такому представлению о ценностных основаниях консервационной и реставрационной политики, которое выступает как современный вариант культа предков.

Концептуальный анализ соответствующего поворота в культурно-экологическом дискурсе — “от экологической метафоры культуры к креативной антропологии и автопоэзису” составляет содержание статьи О.И. Генисаретского, публикуемой в восьмом выпуске “Этнометодологии”. Автор, отправляясь от критического анализа ожиданий и тревог, питающих современный культурно-экологический дискурс, предпринимает поиск общего антропологического источника как естественной изменчивости культуры, так и институционализованной проектности. Как следствие, предметом рассмотрения становятся собственная проектность культуры и возможности креативного, психопрактического отношения к ней. Проспективно выявляемая при этом конверсия автопоэзиса (самотворчества) и культурно-экологического дискурса сопрягается автором с постмодерной метафорой “пробуждения к жизни” и с литургемой Н.Ф. Федорова “психократии” во имя “воскрешения сынами отцов”. В качестве ключевых в статье рассматриваются такие понятия, как: инкультурация, проектность, культурно-экологическая репрезентация, психологическая культура, психопрактика, аксиоматические состояния сознания-воли, личностные образцы и самообразы, антропологический синтез и автопоэзис.

Попытки осмысления этнической реальности во всех ее измерениях и в более широком контексте привели к тому, что предметом обсуждения стали понятия “этно-культурно-религиозная традиция” и “традиционализм”.

Эта проблематика затрагивалась в коллективных обсуждениях, в связи с диаспоральной формой существования этносов (вып. 3), где традиция выступила как фундаментальная “единица” рассмотрения этнической реальности, свободная от привычной связи с национально-государственными формами существования, и в связи с местом традиций в образовательном пространстве

(вып. 6). Статья В. Рокитянского “Традиция: строение и метаморфозы” (вып. 5), задуманная как первая часть трехчастной работы “Мир традиций”, специально посвящена традиционности как фундаментальной характеристике человеческого бытия. Она состоит из основного текста, представляющего собой развернутое определение того, что автор понимает под традицией, и обширных комментариев, где он иллюстрирует свое представление материалом конкретных тео-этно-культурных традиций, сопоставляет его с другими представлениями и дает рефлексивно-методологическую характеристику собственной работы. Ее продолжением являются два небольших очерка под общим названием “Около-традиционные заметки”. Первый из них, “Созерцание и деятельность”, представляет собой своего рода вариации на тему первого из “Тезисов о Фейербахе” К.Маркса; речь идет о двух жизненных установках, определяющих, соответственно, два человеческих типа — созерцателя и деятеля, и о том, как эти установки соотносятся с оппозицией сакрального и профанного. Второй очерк посвящен педагогической ценности заучивания наизусть сакральных и иных пожизненного значения текстов. Он назван по-английски — “Learning by heart” — ради заключенной в английском выражении многозначительной метафоры сердца.

Образование как основной канал трансляции культурного наследия, в том числе в его этноспецифических формах.

Образованию посвящен уже упоминавшийся “круглый стол” “Многообразии традиций и единство образовательного пространства” (вып. 6), затрагивающий широкий круг вопросов взаимоотношений между светским образованием современного типа и содержанием этно-культурно-религиозных традиций, и, в более прикладном варианте, статья о проблемах “национальной школы” в РФ в вып. 7, где эти проблемы и перспективы их решения рассматриваются на материале анализа изменений, происходивших в области национального образования в последнее десятилетие и в контексте осуществляемой в настоящее время образовательной реформы. Отдельное внимание авторы уделяют обсуждению и прояснению ключевых понятий, релевантных этой проблемной области, таких понятий, как “национальная школа”, “национальная культура”, “возрождение и развитие национальной культуры”, “образовательные права”, базовым принципам и идеалам образовательной реформы, критическому анализу декларируемых и реальных целей и перспектив развития школы в “национальных”

регионах, разбору программных документов образовательной реформы. К статье прилагается описание возможной структуры базы данных “Национальная школа”, которая, как считают авторы, могла бы стать базовым инструментом, способным интегрировать информационно-аналитическое обеспечение образовательной политики на федеральном уровне и уровне федерального округа, с демонстрационными образцами возможного заполнения некоторых ее разделов.

Информационная тематика.

Этот круг тем представлен в публикациях ежегодника двояко. Во-первых, в теоретических статьях группы авторов (Г.Г. Вучетич, А.А. Пископеля, Л.П. Щедровицкого) об “информационном обществе” и “инфодейтельности”. В статье “Информация, информационная среда, информационное общество” обобщены результаты теоретико-методологического исследования существующих подходов к понятию “информация” и проведена критика подходов, игнорирующих различия между “духовными значениями” и “информацией”. На основе проведенного анализа предложен ресурсный подход к разработке теоретической схемы взаимоотношений основных “информационных качеств” (репликативности, транспортабельности, конвертируемости, концентрируемости, сохраняемости и т.п.), определяющих значение информации как ресурса особого рода. На основе предложенного подхода пересмотрено взаимоотношение ряда базовых понятий информационных моделей принятия решений. Обосновано утверждение, что с родо-видовой точки зрения такие понятия, как “сбор”, “переработка”, “транспортировка” и т.д. информации являются видами своего рода “производства”, различающимися лишь тем, что таким образом “производится” (объединение, оформление, перемещение и т.д.) и, поэтому, наряду с ними не может быть никакого такого специального вида инфодейтельности, как “производство информации”.

В статье “Информационная деятельность и ее структурно-функциональные характеристики” анализируется структура информационной среды общества через призму понятия “инфодейтельность”. Вводится типологически-деятельностная модель инфосреды, описывающая пространство функциональных возможностей информационной деятельности как сферы, призванной осуществлять духовно-информационную интеграцию общественной жизни на всех уровнях ее субъектной организации. Сама же инфодейтельность рассматривается в качестве способа и результата разрешения противоречия, несовпадения, с одной

стороны, сущности и социального бытия (формы) продуктов духовного производства, а с другой, сущности и социального бытия (формы) духовных потребностей общества. С этой точки зрения она представляет собой, в лице новых информационных технологий, современную форму снятия (разрешения) этого противоречия (социальное развитие) вследствие инновационного, более эффективного сочетания в ней продуктивных аспектов духовного и материального производства. Во-вторых, в описаниях тех конкретных информационных продуктов, которые разрабатывались авторами: базы данных "Народы России" (вып. 1 и 2) и электронной библиотеки (электронного архива) "Наследие ММК" (вып. 5).

Список публикаций (1999 – 2001)

1999

Пископпель А.А. Научная концепция: структура, генезис (историко-методологические очерки развития современного научного знания). М. – 416 с.

Пископпель А.А. Природа человека в концепция А.Маслоу // Вопросы психологии, № 2.

Пископпель А.А., Щедровицкий Л.П. (составители). Организационная психология и управл. (Россия: 1910-1919). Хрестоматия. – 244 с.

Рокитянский В.Р. Визуальная антропология: частное расследование // Материальная база сферы культуры. Вып. 2.

Рац М.В. К концепции открытого общества в современной России // Вопросы философии, № 2.

Рац М.В. "Культура мира" в современной России // Власть, № 3.

Рац М.В. Экология Природы или экология Человека? // Общественные науки и современность, № 3.

Рац М.В. Введение в методологию (А. Казарновский. Теория мытья полов. Иерусалим, 1998 г.) // Кентавр, № 21.

Рац М.В. Социал-демократия и открытое общество (вступит. заметка и выступления в дискуссии) // Власть, № 7.

Рац М.В. Хорошо бы понять, что мы имеем в виду, когда говорим о гражданском обществе // Региональная пресса России и структуры гражданского общества: сотрудничество во имя развития. М.

Рац М.В. О свободе и независимости прессы // Год 1998: что происходит с независимостью прессы в России? М.

Рац М.В. Какое общество нам нужно: открытое, информационное, гражданское? // Роль прессы в формировании в России гражданского общества. М.

Рац М.В. Книга как предмет собирательства // Альманах библиофила.

Пископфель А.А., Рокитянский В.Р и др. Многообразие традиций и единство образовательного пространства (Круглый стол) // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции, Вып. 6.

2000

Кондаков И.В. (с А.А. Ходоровым). В. Розанов: между религией и революцией // Розанов в контексте культуры. Кострома.

Кондаков И.В. Розановская "внезаходимость" // Там же.

Кондаков И.В. (с А.А. Ходоровым). Русская революция как религиозный феномен // Человек в контексте культуры. Вып.3. Ставрополь.

Кондаков И.В. "Быть или не быть?": Россия на распутье // Россия: Путь в третье тысячелетие. М.

Кондаков И.В. Новый синкретизм на рубеже XXI века // Теория художественной культуры. Вып. 4.

Кондаков И.В. (с Л.Б. Брусилоской). "Оттепель" в культуре русского зарубежья (опыт позднего Газданова) // Газданов и мировая культура. Калининград.

Кондаков И.В. "Double translation": русская культура в эмигрантском дискурсе (культурно-психологический эффект "разрыва") // Мир психологии. № 3.

Кондаков И.В. "Последний писатель": В. Розанов между консерваторами и радикалами // Энтелехия. № 1. Кострома.

Кондаков И.В. "Где ангелы реют..." (Русская литература XX века как единый текст) // Вопросы литературы. № 5.

Кондаков И.В. (с Ю.В. Корж). Фридрих Ницше в культуре Серебряного века // Общественные науки и современность. № 6.

Кондаков И.В. Рецензия на: Давыдов А.П. Духовной жаждою томим:

А.С. Пушкин и становление “срединной культуры” в России // Вопросы философии. № 10.

Пископпель А.А., Щедровицкий Л.П. (с Вучетич Г.Г.) Информация, информационная среда, информационное общество // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции, Вып. 7.

Пископпель А.А., Рокитянский В.Р., Щедровицкий Л.П. Национальная школа в РФ: состояние, проблемы и перспективы образовательной реформы // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции, Вып. 7.

Пископпель А.А. Осевая реальность этнического пространства // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции, Вып. 7.

Рац М.В. Концепция и основные направления программы развития культуры мира в России (в рамках проекта ЮНЕСКО “На пути к культуре мира”) // Власть, № 6.

Рокитянский В.Р. (с Е.В. Литвяк). Девять писем о визуальной педагогике // Сб. Центра визуальной антропологии МГУ.

Рокитянский В.Р., Щедровицкий Л.П. и др. Образовательная политика национальной школы в России (игра-семинар) // Проблемы еврейской школы в постсоветской России. М. - 200 с.

Рокитянский В.Р. Визуальная антропология: частное расследование. М. - 62 с.

Рокитянский В.Р. (с А.А. Пинским) Традиция и мэйнстрим. М. - 168 с.

Piskoppel A. & oth. (2000) Social and cultural programming (Program of culture of peace for World and for Russia) In A.Kazarnovsky (ed.) *Proceedings of International Conference: System approach* (www.geocities.com/anatoly_49447)

Piskoppel A. Duality of Conflict. In J.K. Allen and J. Wilby (eds.) *Proceedings of the World Congress of the System Sciences and International Society for Systems Sciences 44th Annual Meeting, July 16-22, 2000* (CDROM), paper 20077 (ISBN: 09664183-5-2)

2001

Кондаков И.В. Субъект культуры // Субъект действия, взаимодействия, познания: психологические, философские, социокультурные аспекты. М.- Воронеж.

Кондаков И.В. Ментальные основания российской цивилизации // Цивилизационное своеобразие России: Проблемы содержания гуманитарного образования в российской школе М.: ИНПО.

Кондаков И.В. Мультикультурные процессы в образовательном пространстве России на рубеже XX-XXI веков цивилизации // Цивилизационное своеобразие России: Проблемы содержания гуманитарного образования в российской школе М.: ИНПО.

Кондаков И.В. (в соавторстве). Введение цивилизации // Цивилизационное своеобразие России: Проблемы содержания гуманитарного образования в российской школе М.: ИНПО.

Кондаков И.В. Заключение цивилизации // Цивилизационное своеобразие России: Проблемы содержания гуманитарного образования в российской школе М.: ИНПО.

Кондаков И.В. Рождение "оттепели" из духа повседневности (вместо послесловия) // Брусиловская Л.Б. Культура повседневности в эпоху "оттепели". М.

Кондаков И.В. Наше советское "всё" (Русская литература XX века как единый текст) // Вопросы литературы. № 4.

Кондаков И.В. "Смазь: советское методологическое наследие в современной науке о культуре // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов / Под ред. Г.И. Зверевой. М.: РГГУ.

Кондаков И.В. "Друг нашего детства": "драматургия" сталинской эпохи // Современная драматургия. № 2 и № 3.

Кондаков И.В. Самосознание культуры на рубеже тысячелетий // Общественные науки и современность. № 4.

Кондаков И.В. "Порядок хаоса": интертекст российской культуры в условиях цивилизационного "слома" // Культура в эпоху цивилизационного слома: Материалы международной научной конференции. Научный совет РАН по истории мировой культуры М.

Кондаков И.В. Русская "постлитература" на грани тысячелетий // Вопросы филологии. № 31.

Кондаков И.В. "Пушкин" как текст русской культуры XX века // Слово и образ. М.: РГГУ.

Пископшель А.А. От традиционных ценностей к уникальным смыслам (к психологии смысла В. Франкла) // Вопросы психологии. №6.

Пископпель А.А. Межэтнический конфликт и осевая реальность // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции, Вып. 8.

Пископпель А.А., Рокитянский В.Р., Щедровицкий Л.П. "Культура" и ее понятийное окружение (в рамках системодейательностного подхода) // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 8.

Пископпель А.А., Щедровицкий Л.П. (с Вучетич Г.Г.) Информационная деятельность и ее структурно-функциональные характеристики // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции, Вып. 8.

Рокитянский В.Р. Уроки не о чем // Русские горки. № 2.

Piskoppel A. Relativization Of The Conflict Space In: Forty Fifth Annual Meeting International Society for the System Sciences (ISSS)/ Asilomar July 8 -13 2001. www.iss.org/2001meet/abstract.htm

ШТЕЛЕ О.Е.,

канд. геогр. наук,

Ученый секретарь Института Наследия

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ ЗА 10 ЛЕТ И ГЛАВНЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва был создан Постановлением Правительства Российской Федерации в 1992 году. Создание института было определено необходимостью реализации положения Конвенции ЮНЕСКО "Об охране Всемирного культурного и природного наследия" и принятия эффективных мер по сохранению, оздоровлению и развитию историко-культурной и природной среды. Цель создания института определена в правительственном постановлении как научное обеспечение государственной культурной политики и региональных программ по сохранению и использованию национального наследия. В основе деятельности института лежит представление о фундаментальной роли наследия в сохранении культурного и природного разнообразия страны и в ее устойчивом развитии. В 1999 году институту было присвоено имя академика Д.С. Лихачёва.

Основными направлениями научной тематики института являются:

— методологические основы сохранения и использования культурного и природного наследия (определение фундаментальных понятий, классификация объектов наследия, теоретические разработки);

— разработка комплексных региональных программ охраны и использования культурного и природного наследия, ориентированных на сочетание деятельности по сохранению наследия с обеспечением социально-экономического и социокультурного развития регионов различного типа (как методический, так и практический аспекты);

— принципы и методы формирования системы историко-культурных и природных территорий, проектные работы по созданию таких территорий;

— создание Российского Национального Атласа культурного и природного наследия и картографическое обеспечение деятельности по охране наследия;

- разработка научных основ национальной политики в сфере охраны и использования наследия (развитие национальных культур коренных и малочисленных народов, сохранение этнографического и археологического наследия, традиционных форм расселения, природопользования);
- внедрение новых технологий системного описания объектов культурного и природного наследия;
- изучение исторических и традиционных технологий;
- изучение традиционной культуры в ее исторических формах и современном “живом” проявлении;
- исследования возможностей туристско-рекреационного использования потенциала исторических городов и сел, природных территорий;
- изучение экономических и правовых условий сохранения и использования наследия в период перехода к рыночной экономике;
- изучение экологических проблем сохранения наследия и формирования системы комплексного мониторинга для различных территорий;
- информационно-аналитические исследования в сфере наследия;
- комплексные экспедиционные исследования историко-культурной и природной среды регионов.

В институте имеется музейная коллекция, основу которой составляют находки Морской арктической комплексной экспедиции и Южно-Российской экспедиции. Периодически создаются временные тематические экспозиции. Формируется банк информации по культурному и природному наследию, включая специализированный картографический фонд, действует картографическая, химико-технологическая, аудиовизуальная лаборатории, ведется издательская деятельность.

В последние годы ежегодно издается около 20 книг. За весь период выпущено более 150 изданий, в том числе картографические произведения и издания на электронных носителях. Сотрудниками института в целом опубликовано около 1,5 тысяч статей.

Общее число научных конференций, проведенных в институте, составило 108, в том числе 20 — международных. Шесть лет подряд совместно с Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником организуются конференции “Экологические проблемы сохранения наследия”, раз в 2 года — проводится “Конгресс

полей исторических сражений” как объектов военно-исторического наследия.

Ученые представляли Институт Наследия на российских и международных конференциях (в США, Великобритании, Чили, Канаде, Польше, Германии, Эстонии, Франции, Италии, Дании, Норвегии, Нидерландах) по проблемам выделения и сохранения культурных ландшафтов, сохранения памятников Арктики, исторических и традиционных технологий, археологического наследия, развития уникальных историко-культурных и природных территорий, этно-культурных территорий традиционного природопользования, по экологическим проблемам сохранения наследия и др.

Научные исследования осуществляются по утвержденным Министерством культуры планам НИР. Всего за 10 лет выполнено 369 научно-исследовательских работ. Ежегодно разрабатывается около 30 научных проектов и программ, имеющих финансовую поддержку Российского Фонда Фундаментальных исследований (РФФИ), Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ), других российских и иностранных фондов, региональных администраций. Ниже приводится основной перечень таких работ.

Важнейшие инновационные проекты:

— “Методологические и теоретические основы изучения, охраны и использования объектов культурного и природного наследия”. Программа “Ведущие научные школы”. Осуществляются фундаментальные исследования в области сохранения культурного и природного наследия, формируются теоретические и методологические предпосылки выделения новой отрасли знания.

— “Экологический мониторинг недвижимых объектов культурного наследия в регионах Центра и Севера России”. Проект Института Устойчивых Сообществ (Программа “Распространения опыта и результатов” (РОЛЛ) направлен на разработку методических основ ведения экологического мониторинга культурного наследия в регионах страны и отражение его результатов в ежегодных докладах о состоянии окружающей природной среды.

— “Метаданные. Стандарт описания культурного наследия”. Проект Института “Открытое Общество” (Фонд Сороса). Разработан формат геоинформационного описания культурного ландшафта как комплексного объекта культурного и природного наследия и составной части Российской сети культурного наследия и формат геоинформационного описания для памятников археологии.

Полученные результаты явятся важным элементом подхода к созданию баз данных полного описания национального достояния.

— Сохранение и изучение историко-культурного наследия на побережье Северного Ледовитого океана (южный остров архипелага Новая Земля и прилегающие акватории Северного Ледовитого океана). Программа “Мировой океан” Министерства экономики РФ. Проект направлен на актуализацию историко-культурного и природного феномена Российской Арктики;

— “Новые имена малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока”. Проект Межрегионального благотворительного фонда. Он направлен на более широкую и целенаправленную работу с представителями коренных малочисленных народов, выявление юных дарований, прежде всего исполнителей уникальной и самобытной культуры этих народов.

— “Арктика и ее первооткрыватели глазами детей”. Проект Министерства культуры РФ и Министерства по делам национальностей. В рамках проекта проведен международный конкурс детского рисунка, отобраны 3000 рисунков, проведены: итоговая выставка лауреатов в Третьяковской галерее, передвижные выставки в Москве, Архангельске (музей Северного мореплавания и его филиалы), в Калининграде (Музей мирового океана), других городах.

Важнейшие региональные проекты и программы:

— Выявление и сохранение культурных ландшафтов в условиях национального парка (Национальный парк “Кенозеро”, Архангельская область).

— Разработка программы сохранения и восстановления историко-культурного ландшафта Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника (Московская область).

— Комплексная социально-экономическая программа развития исторического города Тобольска (Тюменская область).

— Менеджмент-план (отрасль “Культура”) для национального парка “Плещеево озеро” (Ярославская область).

— Формирование территорий историко-культурного наследия Л.Н.Толстого в окружении “Ясной Поляны” (Тульская область).

— Организация экологического мониторинга на территории Государственного музея-заповедника “Александровская слобода” (Владимирская область).

Регионы, где в 1992-2002 гг. осуществлял исследования Институт Наследия

— Организация экологического мониторинга на территории Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина “Михайловское” (Псковская область).

— Комплексное обоснование создания археологического музея-заповедника на территории Республики Башкортостан.

— Формирование создания историко-культурного и ландшафтного музея-заповедника на территории исторического города Тотьмы и Тотемского района (Вологодская область).

— Программа создания центра медиевистики музея-заповедника “Александровская слобода” (Владимирская область).

— Стратегия комплексного хозяйствования коми-зырян Березовского района (Ханты-Мансийский автономный округ).

— Актуализация и создание карты “Культурное и природное наследие Ярославской области” (Ярославская область).

— Современное состояние и развитие художественных промыслов и ремёсел Ямало-Ненецкого автономного округа.

— Туристские и рекреационные формы использования наследия Новгорода Великого и области (Новгородская область).

— Комплексное использование туристского потенциала на особо охраняемых природных территориях на примере города Елабуги и его окружения (Республика Татарстан).

Здесь дан только короткий перечень выполненных за последние годы работ. Всего же Институт Наследия проводит ежегодно около 20 региональных исследований. Подобными работами за весь период охвачено 62 субъекта Федерации. Исследования Института проводились, в том числе, и на известнейших объектах культурного и природного наследия Российской Федерации, входящих в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, в список особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Исследовательские работы позволяют совершенствовать научно-исследовательскую базу института, постоянно находиться в кругу сложных современных проблем, связанных с сохранением национального наследия.

Специалистами Института осуществлялись работы по совершенствованию нормативной и законодательной базы в рамках государственного заказа. За последние годы разработаны следующие документы:

- Проект закона о музеях-заповедниках;
- Проект закона об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации;
- Новая редакция федерального закона “Об охране окружающей среды” по разделу “Особо охраняемые природные территории и объекты”;
- Проект Закона Ханты-Мансийского автономного округа “О территориях традиционного природопользования и родовых угодьях в Ханты-Мансийском автономном округе”;
- Проект Закона “О территориях традиционного природопользования в Ханты-Мансийском автономном округе”;
- Проект положения об охране объектов культурного наследия на территории национальных парков;
- Проект стратегии управления национальными парками России;
- Проект руководства по созданию экологических сетей;
- Методические материалы для ЮНЕСКО по выделению комплексных культурно-ландшафтных территорий в списке всемирных памятников природного и культурного наследия.

Ежегодно Институт участвует в подготовке “Государственного доклада о состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 2000 г.” (часть III “Влияние экологических факторов на сохранение культурного наследия”, часть IV “Особо охраняемые природные территории”, с подразделами “Объекты всемирного наследия”, “Ботанические сады и дендрологические парки”).

Сотрудники института постоянно привлекаются для работы в государственных и законодательных органах:

- Государственный экспертный совет при Президенте Российской Федерации по особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации;
- Государственный экспертный совет при Правительстве Российской Федерации по экспертизе федеральных программ;
- Высший экологический совет Комитета по экологии Государственной Думы РФ;
- Комитет по природным ресурсам и природопользованию Государственной Думы РФ;

- Межведомственная комиссия по географическим названиям;
- Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО;
- Комиссия по монументальному искусству Московской городской Думы;
- Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия;
- Археографическая комиссия РАН;
- Экспертный совет по географии Министерства образования РФ;
- Научно-методический совет по школьному краеведению Министерства образования РФ;
- Экспертная комиссия Министерства культуры РФ;
- Федеральный научно-методический совет по сохранению культурного наследия Министерства культуры Российской Федерации.

Сотрудники института выступали в качестве экспертов Всемирного центра по культурному и природному наследию ЮНЕСКО, комиссии по культуре Совета Европы, Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест (ICOMOS), Международного исследовательского центра по сохранению и реставрации культурных ценностей (ICCRUM). Институт с 1995 г. возглавляет рабочую группу Смешанной российско-норвежской комиссии по сотрудничеству в области охраны окружающей среды. Выступает активным участником в осуществлении программы охраны природы Российской Арктики и ее культурного достояния в рамках российско-нидерландского сотрудничества.

Коллектив института отмечен международными и российскими наградами, в том числе:

- “Европейской премией Генри Форда за 1996/1997 г. за сохранение культурного наследия и окружающей среды” за исследования и сохранение культурного наследия и природной среды полярного архипелага Новая Земля;
- Дипломом В. Губкина (1998 г.) за научные достижения в области экологии;
- “Европейской премией Генри Форда за 1998 г. за сохранение культурного наследия” за научные достижения в области картографирования национального наследия;
- Дипломом лауреата премии Министерства культуры Российской Федерации за 1998 г. за работу “Научные основы комплексного картографирования культурного и природного наследия”.

Институт обеспечивает научную и организационную деятельности Федерального научно-методического совета по сохранению культурного наследия Министерства культуры Российской Федерации в части работы секций “Историко-культурные заповедные территории”, “Исторические города”, “Археологическое наследие”, “Памятники архитектуры”, “Монументальное и декоративно-прикладное искусство”, “Государственный учёт памятников истории и культуры и экономико-правовое обеспечение сохранения наследия”.

В основу работы Института закладывается сочетание фундаментальных исследований с практикой региональных и полевых исследований и внедрения результатов работы. Исходя из потребностей социального и экономического развития страны, Институт стремится к расширению сферы практических работ в различных районах Российской Федерации, к междуведомственному характеру и комплексности проводимых исследований.

**Список изданий Института Наследия и книг,
изданных его сотрудниками (за период 1992-2002 гг.)***

1. Захаров Ю.С., Мазуров Ю.Л., Фомченков А.К. Национальный парк в Приполярном Урале: аргументы и прецеденты. М.: Институт Наследия, 1993.- 87 с.

2. Новая Земля. Том 1. Книга 1. Труды Морской Арктической комплексной экспедиции. Колл. авт. /под общ. ред. П.В. Боярского. М.: Институт Наследия, 1993.- 112 с.

3. Новая Земля. Том 1. Книга 2. Выпуск II. Труды Морской Арктической комплексной экспедиции. Колл. авт. /под общ. ред. П.В. Боярского. М.: Институт Наследия, 1993.- 117 с.

4. Новая Земля. Том 2. Выпуск III. Труды Морской Арктической комплексной экспедиции. Колл. авт. /под общ. ред. П.В. Боярского. М.: Институт Наследия, 1993.- 249 с.

5. Черносвитов П.Ю. Освоение Крайнего Севера: опыт имитативного моделирования по материалам археологии. М.: Институт Наследия, 1994. - 146 с.

6. “Территория”, № 1, 1994.

* В списке издания даны в хронологическом порядке.

7. Комплексные региональные программы сохранения и использования культурного и природного наследия. Колл. авт. /отв. ред. П.М. Шульгин. М.: Институт Наследия, 1994. - 174 с.
8. Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. Колл. авт. /отв. ред. Ю.А. Мазуров. М.: Институт Наследия, 1994. - 215 с.
9. Новая Земля. Том 3. Выпуск IV. Труды Морской Арктической комплексной экспедиции. Колл. авт. /под общ. ред. П.В. Боярского. М.: Институт Наследия, 1994. - 240 с.
10. Новая Земля: концепция формирования системы особо охраняемых природных и историко-культурных территорий. Колл. авт. /отв. ред. П.В. Боярский. М.: Институт Наследия, 1994. - 34 с.
11. Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. I. Колл. авт. /отв. ред. Э.А. Чамокова. М.: Институт Наследия, 1994. - 128 с.
12. Этнокогнитология: подходы к изучению этнической идентификации. Колл. авт. /отв. ред. Э.А. Чамокова. М.: Институт Наследия, 1994. - 156 с.
13. Ruben Mnatsakanian. L'HERITAGE ECOLOGIQUE DU COMMUNISME dans les Republiques de l'ex – URSS. Editions Frisin-Roch, Paris, 1994. - 286 p.
14. Охрана наследия за рубежом: опыт прошлого и современные проблемы. Колл. авт. /отв. ред. Р.А. Мнацаканян. М.: Институт Наследия, 1995. - 145 с.
15. Проблемы и программы туристско-рекреационного использования природного и историко-культурного потенциала в регионах России. Колл. авт. /отв. ред. Ю.С. Путьрик. М.: Институт Наследия, 1995.- 169 с.
16. Веденин Ю.А., Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешиников В.В. Культурное и природное наследие России (концепция и программа комплексного атласа). М.: Институт Наследия, 1995.- 119 с.
17. Гусев С.В. Северо-Восточный Кавказ в эпоху средневековья: монеты рассказывают. М., 1995. - 108 с.
18. Казачий Петербург. Материалы первой региональной научно-практической конференции. СПб, 1995. - 80 с.
19. Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 1. М.: Институт Наследия, 1995. - 80 с.

20. Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 2. Школьное краеведение: программы, идеи, опыт. М.: Институт Наследия, 1995. - 130 с.

21. Актуальные проблемы сохранения культурного и природного наследия. Колл. авт. /отв. ред. А.В. Каменец. М.: Институт Наследия, 1995. - 95 с.

22. Алов А.А., Владимиров Н.Г. Религиозная жизнь и культурное наследие России. Вып. 1. Православие. М.: Институт Наследия, 1995. - 135 с.

23. Алов А.А., Владимиров Н.Г. Религиозная жизнь и культурное наследие России. Католицизм. Протестантизм. Армянская апостольская церковь. М.: Институт Наследия, 1995. - 112 с.

24. "Территория", № 2, 1995

25. Карта "Новая Земля. Природное и культурное наследие". Масштаб 1:1000 000; карта-врезка к ней "История открытий и исследований", масштаб 1:2500000. /Отв. редакторы: П.В. Боярский, А.А. Лютый. М.: Институт Наследия, 1995. 1 лист, многокрасочная.

26. Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 2. /Ред.-составители: А.А. Пископель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. М., 1995. - 172 с.

27. Античное наследие в культуре России. Колл. авт. /под общ. ред. Г.С. Кнабе. М.: Институт Наследия, 1996. - 262 с.

28. Шоссоннэ В. Перекрестки континентов: Культуры коренных народов Дальнего Востока и Аляски. Каталог выставки. Вашингтон: Арктический научный центр Смитсоновского института. М.: Институт Наследия, 1996. - 112 с.

29. География искусства. Колл. авт. /отв. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия, 1996. - 160 с.

30. Виллем Баренц на Новой Земле. Коллекция находок с места зимовья голландского мореплавателя Виллема Баренца. /Отв. ред. Е.К. Дмитриева, М.: Институт Наследия, 1996. - 32 с.

31. Соловецкие острова. Остров Большая Муксалма. Колл. авт. /под общ. ред. П.В. Боярского. М.: Институт Наследия, 1996. - 238 с.

32. Этнокогнитология. Вып. 2. Этносознание. Колл. авт. /отв. ред. Э.А. Чамокова. М.: Институт Наследия, 1996. - 174 с.

33. Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 3. М.: Институт Наследия, 1996. - 80 с.

34. Наследие и современность. Информационный сборник. Вып.4. Экология и охрана наследия. М.: Институт Наследия, 1996. -101 с.
35. Алов А.А., Владимиров Н.Г. Религиозная жизнь и культурное наследие России. Ислам в России. М.: Институт Наследия, 1996. - 122 с.
36. Алов А.А., Владимиров Н.Г. Религиозная жизнь и культурное наследие России. Буддизм в России. М.: Институт Наследия, 1996. - 68 с.
37. Наследие и государственная культурная политика (сборник аналитических и информационных материалов). /Отв. за выпуск Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия, 1996. - 96 с.
38. Рисуют дети Ямала. /Ред.-составители: Е.Д. Андреева, Н.М. Ведерникова, Р.Р. Мусина. М.: Институт Наследия, 1996. - 80 с.
39. Основные положения Концепции национального атласа России: проект. М.: Роскартография, 1996. - 24 с.
40. Концепция национального атласа России. М.: Роскартография, 1996. - 96 с.
41. Дыгало В.А. А все начиналось с ладьи. М.: Просвещение, 1996. - 208 с.
42. Алов А.А., Владимиров Н.Г. Религиозная жизнь и культурное наследие России. Иудаизм в России. М.: Институт Наследия, 1997. - 100 с.
43. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. М.: Институт Наследия, 1997. - 224 с.
44. Археологический фактор в планировочной организации территории. Колл. авт. /отв. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия, 1997. - 280 с.
45. Исторический город Ялуторовск: материалы к программе сохранения и использования историко-культурного наследия города и его окружения. /Отв. ред. П.М. Шульгин. М.: Институт Наследия, 1997. - 206 с.
46. Гавронски Е.Х. Дж., Боярский П.В. На Север с Баренцем. Совместные Российско-Голландские комплексные археологические исследования на Новой Земле в 1995 году. На русск. и англ. яз. Амстердам, 1997. - 254 с.
47. Боярский П.В., Вехов Н.В. и др. Поселок Белушья Губа — столица полярного архипелага Новая Земля (1897-1997 гг.). М.: Институт Наследия, 1997. - 101 с.
48. Ведерникова Н.М. Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях XIX - начала XX вв. Вып.1. Народные обряды и поэзия. М.: Институт Наследия, 1997. - 254 с.

49. *Максаковский Н.В.* Национальные парки в урбанизированных районах России. Москва-Рязань, 1997. - 162 с.
50. Культурное и природное наследие в региональной политике. Тезисы докладов республиканской научно-практической конференции. /Отв. ред. *В.А. Шальнев*. Ставрополь, 1997. - 122 с.
51. Наследие и современность. Информационный сборник. Вып.5. М.: Институт Наследия, 1997. - 112 с.
52. Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 3. /Ред.-составители: *О.И. Генисаретский, С.Э. Зуев, А.А. Пископелль* и др. М.: Институт Наследия, 1997. - 144 с.
53. Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 4. /Ред.-составители: *Е.Л. Иванова, А.А. Пископелль, В.Р. Рокитянский, С.В. Соколовский, Л.П. Щедровицкий*. М.: Институт Наследия, 1997. - 124 с.
54. Материалы научно-практической конференции "Культура исторического города: пути сохранения и развития". /Под ред. *Л.А. Афанасьевой*. Ялуторовск, 1997. - 85 с.
55. Актуальные вопросы теории и практики туризма. Труды. Выпуск 2. СПб, 1997. - 208 с.
56. *Боярский П.В.* Ecole Polytechnique. Развитие механики во Франции в конце XVIII и начале XIX веков. М.: Институт Наследия, 1997. - 195 с.
57. *Николаев С.В., Максаковский Н.В.* Особо ценные территории природного и природно-историко-культурного наследия народов Российской Федерации. М., 1997. - 118 с.
58. *Великанов Ю.С., Павлов А.Н.* Методическое пособие по организации учебного центра повышения экологических знаний. СПб, 1997. - 78 с.
59. *Чалая И.П., Веденин Ю.А.* Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. М.: Институт Наследия, 1998. - 286 с.
60. *Ведерникова Н.М.* Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях XIX - начала XX века. Вып.2. Необрядовая поэзия (духовные стихи, песни, сказки, предания, загадки, пословицы, поговорки и др.). М.: Институт Наследия, 1998.-250 с.
61. Новая Земля. Природа. История. Археология. Культура. Книга 1. Природа. Труды Морской арктической комплексной экспедиции. Колл. авт. /под общ. ред. *П.В. Боярского*. М.: Институт Наследия, 1998. - 280 с.

62. Новая Земля. Природа. История. Археология. Культура. Книга 2. Часть 1. Культурное наследие. Радиоэкология. Труды Морской арктической комплексной экспедиции. Колл. авт. /под общ. ред. П.В. Боярского. М.: Институт Наследия, 1998. - 276 с.
63. Проблемы сохранения и развития музеев-заповедников. Сборник статей. /Отв. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия, 1998. - 180 с.
64. Наследие и современность. Информационный сборник. Вып.б. М.: Институт Наследия, 1998. - 138 с.
65. География искусства. Сборник статей. Вып. 2. /Отв. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия, 1998. - 256 с.
66. Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII - начала XX веков. М.: Институт Наследия, 1998. - 128 с.
67. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия, 1998. - 210 с.
68. Боярский П.В., Захаров Ю.С., Мазуров Ю.Л. и др. Парк Виллема Баренца на Новой Земле. На русск. и англ. М.: Институт Наследия, 1998. - 56 с.
69. Природное и культурное наследие Арктики: изучение и сохранение. Тезисы докладов Международного симпозиума памяти Виллема Баренца "Охрана природы Арктики". На русск. и англ. яз. М.: Институт Наследия, 1998. - 240 с.
70. Мониторинг археологического наследия (тезисы докладов). М.: Институт Наследия, 1998. - 52 с.
71. Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 5. Сборник статей. /Ред.-составители: А.А. Пископфель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. М., 1998. - 128 с.
72. Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г. Мировые религии. М., 1998. - 490 с.
73. Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. Колл. авт. /отв. ред. Ю.Л. Мазуров. М.: Институт Наследия, 1999. - 337 с.
74. Зарубежное законодательство в области сохранения культурного и природного наследия. Информационный сборник. Колл. авт. /науч. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия, 1999. - 96 с.

75. Экологический мониторинг культурного наследия: анализ и документы. Колл. авт. /ред.-составитель Ю.Л. Мазуров. М.: Институт Наследия, 1999. - 161 с.

76. Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 7. М.: Институт Наследия, 1999. - 162 с.

77. Колосова Г.Н. Природно-географический анализ исторических территорий: Соловецкий архипелаг. М.: Институт Наследия, 1999. - 110 с.

78. Сравнительный анализ практики управления культурными ландшафтами. Колл. авт. /науч. редакторы: Даг Мюклебюст (Норвегия), Ю.А. Веденин (Россия). На русск., англ. и норв. яз.). М.: Институт Наследия, 1999. - 96 с.

79. Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 6. Многообразие традиций и единство образовательного пространства. /Ред.-составители: А.А. Пископпель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. М., 1999. - 152 с.

80. Музей-заповедник "Куликово поле": концепция развития. Колл. авт. /Отв. ред П.М. Шульгин. Москва-Тула, 1999. - 151 с.

81. Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. Колл. авт. /Отв. ред П.М. Шульгин. Москва-Тула, 1999. - 141 с.

82. Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Материалы третьей научно-практической конференции. (Сборник статей) /Отв. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия, 1999. - 287 с.

83. Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 10-11 декабря 1998 г. в Москве. /Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1999. - 316 с.

84. Живая культура Российской провинции. Калужский край. Козельский район. Этнографические очерки. Колл. авт. /ред.-сост. Е.Д. Андреева. М.: Институт Наследия, 1999. - 264 с.

85. Туровский Р.Ф. Политическая география. Москва-Смоленск, 1999. - 381 с.

86. Пископпель А.А. Научная концепция: структура, генезис. М.: Путь, 1999. - 416 с.

87. Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 8. М.: Институт Наследия, 2000. - 216 с.

88. Карта "Остров Вайгач. Природное и культурное наследие. Хэбидя Я — священный остров ненецкого народа". Масштаб 1:200000. /Отв.

редакторы: П.В. Боярский, А.А. Лютый, М.: Институт Наследия, 2000. 1 лист, многокрасочная.

89. Карта "Москва. Духовное и историко-культурное наследие". Масштаб 1:50 000 — весь город; масштаб 1:12 500 — центр. /Отв. редакторы: А.А. Лютый, А.И. Ельчанинов, В.В. Свешников. М.: Институт Наследия, 2000. 1 лист, многокрасочная.

90. Архив наследия — 1999. Научный сборник. Колл. авт. /ред.-составитель В.И. Плужников. М.: Институт Наследия, 2000. - 304 с.

91. Коч — русское полярное судно: проблемы, исследования и реконструкции. Колл. авт. /Отв. ред. П.В. Боярский, П.М. Шульгин. М.: Институт Наследия, 2000. - 74 с.

92. Экология культуры. Альманах Института Наследия "Территория". М.: Институт Наследия, 2000. - 216 с.

93. Новая Земля. Природа, история, археология, культура. Кн. 2, часть 2. Колл. авт. /под общ. ред. П.В. Боярского. М.: Институт Наследия, 2000. - 212 с.

94. Остров Вайгач. Книга 1. Памятники освоения Арктики. Колл. авт. /под общей ред. П.В. Боярского, В.П. Столярова. М.: Институт Наследия, 2000. - 372 с.

95. Евразийское пространство: звук и слово. Тезисы и материалы международной конференции. Москва, 3-6 сентября 2000 г. М., 2000. - 206 с.

96. Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Материалы четвертой научно-практической конференции. (Сборник статей). /Отв. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия, 2000. - 398 с.

97. Проблемы и перспективы развития туризма в странах с переходной экономикой. Международная научно-практическая конференция. /Отв. ред. Ю.А. Веденин. Смоленск, 2000. - 340 с.

98. Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр. Сборник статей (по материалам семинара 1998-1999 гг.). /Науч. редакторы: Ю.А. Веденин, С.В. Гусев. М.: Институт Наследия, 2000. - 233 с.

99. Вехов Н.В. Константин Дмитриевич Носилов и Север (1870-1910-е гг.). Шадринск, 2000. - 71 с.

100. Кляус В.Л. Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. М., 2000. - 193 с.

101. Изучение памятников морской археологии. Сборник статей. /Отв. ред. П.Е. Сорокин. СПб, 2000. - 240 с.
102. Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. /Под ред. Л.С. Богословской. М., 2000. - 224 с.
103. Heritage of the Russian Arctic: Research, Conservation and International Cooperation. Eds. Ebbinge B.S. et al. Moscow, 2000. - 640 p.
104. Болота и люди. Материалы международного семинара "Болота и археология". 1-9 сентября 1998 г. /Науч. ред.-составители: О.Л. Лисс, П.М. Шульгин. М.: Институт Наследия, 2000. - 212 с.
105. Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып.7. Сборник статей. /Ред.-составители: А.А. Пископфель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. М., 2000. - 128 с.
106. Our Common Heritage of Europe. Proceedings and Report from the Sixth Meeting of Environmental Studies Students. Moscow Russia — May 2-9 2000. Moscow, 2001. - 48 p.
107. Хазин О.А. Трудный путь к Полтаве. М.: Институт Наследия, 2001. - 106 с.
108. Методические рекомендации по экологическому мониторингу недвижимых объектов культурного наследия. М.: Институт Наследия, 2001. - 224 с.
109. Карта "Москва театральная — на рубеже веков". Масштаб 1:50 000 — весь город, масштаб 1:12 500 — центр. /Отв. редакторы: А.И. Ельчанинов, В.В. Свешников. - М.: Институт Наследия, 2001. 1 лист, многокрасочная.
110. Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып.8. Сборник статей. /Ред.-составители: А.А. Пископфель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. М., 2001. - 152 с.
111. Карта "Ярославская область. Природное и культурное наследие". Масштаб 1:350 000. /Отв. редакторы: А.А. Лютый, Ю.Ф. Колбовский, В.К. Бронникова. — М.: Институт Наследия, 2001. 1 лист, многокрасочная.
112. Ярославская область. Природное и культурное наследие (пояснительный текст, указатели объектов наследия). М.: Институт наследия, 2001. - 50 с.

113. Соловецкие острова. Духовное и культурное наследие. Карта для паломников и туристов. Масштаб 1:50 000. /Отв. редакторы: П.В. Боярский, А.А. Лютый, В.П. Столяров. - М.: Институт Наследия, 2001. 1 лист, многокрасочная.
114. Сорокин П.Е. Ландскрона. Невское устье. Ниеншанц. 700 лет поселению на Неве. СПб: "Литера", 2001. - 128 с.
115. Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975-1987 гг. /Под науч. ред. И.И. Крупника. М.: Институт Наследия, 2000. - 528 с.
116. Сохраним наследие России. Колл. авторов. /сост. А.Н. Павлов, науч. редактор Ю.С. Великанов. СПб, 2001. - 180 с.
117. Мария Добровейн. На рубеже двух эпох: автобиографические записки. /Подготовка текста, редакция, предисловие и примечания М.П. Пряшниковой. М.: Институт Наследия, 2001. - 184 с.
118. Кулешова М.Е., Ведерникова Н.М. Культурные ландшафты и духовное наследие. Калуга, 2001. - 48 с.
119. Русская усадьба на пороге XXI века. Хмелитский сборник. Вып. 3. Смоленск, СГПУ, 2001. - 320 с.
120. Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Материалы пятой Всероссийской научной конференции. (Сборник статей). /Отв. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия, 2001. - 494 с.
121. Культурная география. /Науч. редакторы: Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский. М.: Институт Наследия, 2001. - 192 с.
122. Архив наследия — 2000. Научный сборник. Колл. авт. /ред.-составитель В.И. Плужников. М.: Институт Наследия, 2001. - 336 с.
123. Рогов В.М., Замятина В.А., Шульгин П.М., Плужников В.И., Штеле О.Е. и др. Уездный город Покров смотрит в будущее. Альбом-путеводитель. Покров, 2001. - 38 с.
124. Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В. и др. Исследование уникальных археологических памятников из собрания государственного исторического музея — комплексов одежд XIII-XIV вв. М., 2001. - 350 с.
125. Кляус В.А. Традиционная культура старообрядцев (семейских) Забайкалья. Справочно-библиографический CD, 2001.
126. Кляус В.А. Песни семейских укыра. Аудио CD. М.: Институт Наследия, 2001.

127. Священник Александр Шантаев. Святые блаженные-калеки в современной православной агиографии (рассмотрение основных типологических признаков). М.: Институт Наследия, 2001. - 56 с.

128. *Коробко М.Ю.* Кузьминки. М., 2002. - 48 с. с илл.

129. *Кулешова М.Е.* Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках. М., 2002. - 46 с. - [Дополнительные материалы к Стратегии управления национальными парками России; Вып. 6.]

130. *Максаковский Н.В.* Развитие сети национальных парков в России. М., 2002. - 36 с. - [Дополнительные материалы к Стратегии управления национальными парками России; Вып. 3.]

131. Куликово поле и ратные поля Европы. Прошлое и настоящее. Материалы Международного конгресса "Куликово поле среди ратных полей Европы". Москва - Куликово поле. 31 мая - 2 июня 2000 г. Тула, 2002. - 176 с.

132. *Завьялова Н.И.* Усадьба Середниково ("Лермонтовские места"). Опыт проектирования зон охраны. М.: Институт Наследия, 2002. - 186 с.

133. *Злочевский Г.Д.* Общество изучения русской усадьбы (1922-1930). М., 2002. - 56 с.

134. Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 9. М.: Институт Наследия, 2002. - 197 с.

135. География искусства: Сборник статей. Выпуск III. М.: Институт Наследия, 2002. - 200 с.

136. Наследие и современность: десять лет Институту Наследия. Информационный сборник. Вып. 10. М.: Институт Наследия, 2002.

СТРУКТУРА НАУЧНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
РОССИЙСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО
НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ Д.С. ЛИХАЧЁВА

1. Сектор теоретико-методологических проблем.
2. Сектор географии культуры и искусства.
3. Центр документации наследия.
4. Сектор российского национального атласа культурного и природного наследия.
5. Исследовательский центр “Морская арктическая комплексная экспедиция”:
 - сектор исследования культурного и природного наследия Арктики,
 - сектор исследования культурного и природного наследия Соловецкого архипелага и Беломорья,
 - киногруппа.
6. Сектор комплексного исследования культурного и природного наследия Юга России.
7. Сектор комплексных региональных программ охраны и использования культурного и природного наследия.
8. Сектор уникальных исторических и природных территорий.
9. Сектор правовых проблем управления культурными ландшафтами.
10. Сектор живой традиционной культуры.
11. Центр исследования исторических и традиционных технологий:
 - сектор исследования исторических и традиционных технологий,
 - сектор научных основ экспертизы объектов наследия.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕДЕНИН Ю.А.	
Вместо предисловия: к истории создания Института Наследия	3
ВЕДЕНИН Ю.А., ШУЛЬГИН П.М.	
Основные положения современной концепции управления культурным наследием	7
ШУЛЬГИН П.М.	
Работа Института Наследия над комплексными региональными программами	19
БОЯРСКИЙ П.В., СТОЛЯРОВ В.П.	
Морская арктическая комплексная экспедиция (МАКЭ)	44
ЕЛЬЧАНИНОВ А.И.	
Картографирование культурного и природного наследия России	48
ПЛУЖНИКОВ В.И.	
Центр документации наследия	66
МАЗУРОВ Ю.Л., КУЛИНСКАЯ С.В., МАКСАКОВСКИЙ Н.В., ПАКИНА А.А.	
Феномен наследия и особо ценные территории (Ретроспектива сектора уникальных территорий)	78
КУЛЕШОВА М.Е.	
Культурные ландшафты как объект исследования	93
АНДРЕЕВА Е.Д.	
Сектор живой традиционной культуры	106
ТУМАНОВ В.Е.	
Краеведение в Институте Наследия	117
ГОЛИКОВ В.П.	
Исследования исторических и традиционных технологий	126
БЕЗРУКОВ М.Г.	
Сектор научных основ экспертизы объектов наследия	164
ГУСЕВ С.В., ЗАГОРУЛЬКО А.В.	
Сектор охраны и использования археологического наследия	174

ВОЛКОВ И.В.	
Сектор комплексного исследования культурного и природного наследия Юга России	182
БОГОСЛОВСКАЯ Л.С.	
Центр традиционной культуры природопользования	204
ГРИГОРЬЕВ А.Б.	
Сектор военно-исторического наследия	209
ЗАЙЦЕВА Г.А.	
Центр экологических проблем сохранения наследия и экспертизы региональных программ и проектов	218
ПУТРИК Ю.С.	
Сектор рекреационных и туристских форм использования наследия	226
ЛАВРЕНОВА О.А.	
Сектор географии культуры и искусства	237
ПИСКОП ПЕЛЬ А.А., РОКИТЯНСКИЙ В.Р., ЩЕДРОВИЦКИЙ Л.П.	
Сектор теоретико-методологических проблем: формальная презентация	242
ШТЕЛЕ О.Е.	
Основные работы Института Наследия за 10 лет и главные печатные издания	264
Структура научных подразделений Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва	283

Научное издание

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ
ДЕСЯТЬ ЛЕТ ИНСТИТУТУ НАСЛЕДИЯ
Информационный сборник. Вып. № 10

*Е.Д. Андреева, М.Г. Безруков, Л.В. Богословская, П.В. Боярский,
Ю.А. Веденин, И.В. Волков, В.П. Голиков, А.Б. Григорьев, С.В. Гусев,
А.И. Ельчанинов, А.В. Загорулько, Г.А. Зайцева, М.Е. Кулешова,
С.В. Кулинская, О.А. Лавренова, Ю.А. Мазуров, Н.В. Максаковский, А.А.
Пакина, А.А. Пископфель, В.И. Плужников, Ю.С. Путрик,
В.Р. Рокитянский, В.П. Столяров, В.Е. Туманов, О.Е. Штеле,
П.М. Шульгин, Л.П. Щедровицкий.*

Научные редакторы: *Ю.А. Веденин, П.М. Шульгин*

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

Лицензия ЛР № 020730 от 3 марта 1998 г.

Редактор *Ю.С. Макаревич*
Компьютерная верстка и дизайн: *Д.С. Захарьин, Н.П. Лакутина*

Подписано в печать 21.11.2002 г.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура академическая.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,7. Тираж 800 экз.
Заказ № 949. Цена договорная.

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

Отпечатано в ИПП "Гриф и К"
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а. Тел.: (0872) 49-76-96
ЛР № 065454 от 13.10.97

